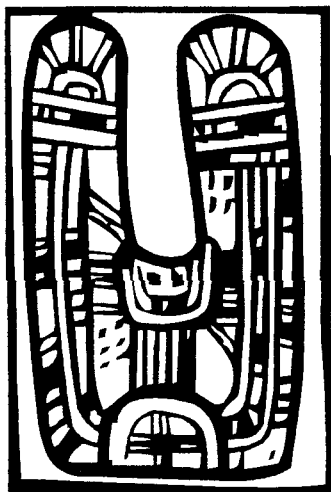

Ю.А.Шилов

Праистория Руси

VII тыс. до н.э. — I тыс. н.э.

Единым да будет ваш замысел,
Едиными — ваши сердца!
Единою мысль да пребудет, —
Чтоб было согласие доброе!

Заключительный «Гимн единения» Ригведы — священной книги арийских племен

Курс лекций «Праистория Руси VII тыс. до н.э. — I тыс. н.э.» был прочитан академиком Ю.А. Шиловым во второй половине 1996 года на Украине и в России: в Украинском Гуманитарном лицее при КГУ им. Т.Г. Шевченко и в Республиканском планетарии г. Киева, в Школе народного мастерства г. Фастова, а также в московском офисе Российского Общенародного Движения.

Основная идея спецкурса — этноисторический очерк становления славянской (в основном восточнославянской) цивилизации-государственности в среде родственных индоевропейских культур. Главная цель — оформление на основе означенного очерка концепции, противостоящей наукообразным спекуляциям, которые «обрезают» корни славянства и принижают индоевропейскую цивилизацию. Важнейшее задание — синтез археологических, этнографических, лингвистических, исторических и прочих данных, разработок и выводов в русле вышеуказанной концепции.

Известно, что Русь во главе с Киевом — «матерью городов русских» — сложилась во второй половине IX века. Теперь выясняется, что этому предшествовала история, уходящая в VII тысячелетие до Рождества Христова, изначально связанная с зарождением индоевропейских народов... Спецкурс «Праистория Руси» построен на сопоставлении исторического процесса с теми традициями славянской культуры, которые довольно очевидно соотносятся с разновременными скифо-античной, гиперборейско-арийской, шумеро-араттской и даже более древними культурами. — раскрывая таким образом глубины народной памяти и этногенеза куда древнее пресловутых начал «от Крещения Руси», «от Кия», «от Буса» и даже «от времен Трояних».

Важнейшее положение концепции «Праистории Руси» заключается в том, что славянство — особенно восточное, очевиднее всего украинское — является наследником и хранителем этнокультурного ядра индоевропейских народов, создавших древнейшую и в целом оптимальнейшую земную цивилизацию; от состояния этого ядра зависит и будущность всего человечества.

С древнейших времен, по крайней мере с VII тыс. до н.э., данное ядро составляли аратты — лелеги — пелазги — илионы-гелоны — венеды — этруски — русичи, которые то сосуществовали, а то частично и смешивались с родственными племенами ариев, греков, италийцев, кельтов, германцев, фракийцев и других индоевропейских народов... Между тем, со времен Троянской войны («с начала письменной истории Европы») очерченная родословная стала забываться — что и зафиксировал Геродот, «отец истории», для последующих поколений интеллектуальной элиты. С распространением христианства такая ущербность была не только закреплена, но и много-

кратно усилена «отцами церкви». Под конец XX в. данная традиция вошла в конфликт с накопившимися археологическими, лингвистическими и другими научными данными. Предлагаемый курс лекций стоит на позиции разрешения указанного конфликта путем следования за фактами, а не теориями; этим же путем складывается и концепция автора.

Автор полагает, что публикуемая книга, раскрывающая истоки, формирование и начальные этапы славянства, актуальна для всех народов Земли. Ибо обращена не только к национальному самосознанию, но и к человеческому интеллекту вообще: не зная корней прошлого — не поймешь ствола настоящего и не увидишь кроны грядущего.

Грядет третье тысячелетие нашей эры.

Праистория Руси и ее актуальность

1. История началась в Аратте

Специалисты подразумевают под историей письменное прошлое человечества; дописьменное считается доисторическим. Считается также, что возникновение письменности — одно из наиболее очевидных проявлений цивилизации, то есть государственности.

В 30-е годы XX столетия, с развертыванием широкомасштабных археологических раскопок в Месопотамии и находок там добиблейских «глиняных книг», сложилось представление, что «история началась в Шумере» — в конце IV тысячелетия до Рождества Христова (до нашей эры), или примерно через полтора тысячелетия после определенного Библией сотворения мира.

Между тем, указанные книги раскрыли и то обстоятельство, что сами шумеры выводили себя из некой Аратты... И вот начиная с 1940 года в Румынии, Болгарии, Венгрии, а впоследствии и на Украине стали находить глиняные таблички с прашумерскими письменами. Эти надписи вкупе с руинами древнейших на Земле городов засвидетельствовали формирование государства Аратты уже в VI тыс. до н. э., причем в долине Дуная.

В середине V тыс. до н. э. центр Аратты сместился в Дунайско-Днепровское междуречье, где известен теперь под условным названием «археологическая культура Кукутени — Триполье» (по наименованиям населенных пунктов в Румынии и на Украине). Здесь, на Черкасщине, традиция 'Солнцеподобной страны (земледельцев)' просуществовала до Киевской Руси — в состав которой, по свидетельствам арабских путешественников IX—X веков, входило княжество Арсания со столицей Артой. Наверное, именно эта страна считалась иранцами земным раем и воплощением высшего миропорядка — священной Артой; такие представления могли сложиться у них в арийское или же скифское время.

Наряду с прашумерскими табличками из Подунавья, с 1960-х годов начали накапливаться данные о некой письменности в многочисленных гротах и т. п. Каменной Могила на реке Молочной (левобережье низовьев Днепра). Их прашумерскую принадлежность впервые предположил археолог О. Н. Бадер, а первую строку опубликовал в своей монографии «Кам'яна Могила» (Киев, 1986) его коллега В. Н. Даниленко. Спустя несколько лет ученик последнего Б. Д. Михайлов, директор музея-заповедника, опубликовал уже свыше тридцати строк и попытался определить их культурно-хронологическую принадлежность. Расшифровать же эту древнейшую письменность, а заодно и открыть в ней первую на Земле мифо-историческую летопись (XII)—VII—III тыс. до н. э. удалось выдающемуся шумерологу А. Г. Кифишину.

Он же, привлекая древнейшие названия с территории между Карпатами и Кавказом, Дунаем и Волгой, выдвинул гипотезу о сложении представлений об Аратте в доисторические времена, еще во времена существования мамонтов.

Итак, уже можно считать, что «история началась в Аратте» — по крайней мере в VII, а быть может, и в XII тыс. до н.э. Несомненно то, что территория будущей Руси, в особенности ее южных пределов, изначально оказалась в сфере формирования древнейшей цивилизации нашей планеты. Эти обстоятельства заставляют пересмотреть не только формальную, но также содержательную и существенную стороны культурно-исторического процесса.

2. Верно ли «всесильное учение» истмата? До недавнего времени историки полагались на методологию исторического материализма. Однако крылатое выражение «учение истмата всесильно, потому что оно верно» оказалось не менее ошибочным, нежели «история началась в Шумере». Не зная корней истории, нельзя правильно осознать ее ствол (настоящее), а значит, и предугадать ее крону.

Шумер, а тем более Аратта, были открыты учеными уже после смерти основоположников исторического материализма. Однако его давление на исследователей еще не изжито. В сознании специалистов довлеет такая схема: разлагаясь, первобытно-общинный строй сменяется периодом военной демократии, из которой вырастает древнейшая государственность — непременно классовая (рабовладельческая, а позже феодальная), атрибутами которой наряду с эксплуататорами и эксплуатируемыми становятся также специализация труда, города, письменность и др. Схема имеет и обратную силу: если нет классов — нет и государства, нет государства — не должно быть и письменности, и т. д. Истматовская доктрина предполагает также такие положения, как отождествление классовой борьбы с «локомотивом истории», а интересов господствующих классов — с «двигателем прогресса»; сопутствующие войны подразделяются при этом на несправедливые (захватнические) и справедливые (освободительные), причем исторический материализм более или менее открыто декларирует их прогрессивную роль, т.е. органическую взаимосвязь с вышеуказанными и другими движителями истории...

Насколько все это верно — рассмотрим ниже. А здесь ограничимся сопоставлением вышеизложенных постулатов с теми данными (см. подробнее в последующих лекциях), которые предоставили науке второй половины XX века открытия «Великой неолитической революции» IX—V тыс. до н.э., порожденных ею индоевропейцев и созданной ими Аратты VI тыс. до н.э., весомые традиции которой существуют поныне как в Индии, так и на Руси — на двух полюсах стержня всемирной цивилизации.

Итак, «Великая неолитическая революция» ознаменовала тот рубеж между при-сваивающим (собирачество и охота в широком их понимании) и производящим хозяйством (земледелие и скотоводство), который К.Маркс с Ф.Энгельсом, исходя из данных исторической науки своего времени, искали в преддвериях классовых обществ Ближнего Востока III—II тыс. до н.э. Далее они опирались на известную при их жизни предысторию Греции и Рима, будто бы восходящую к Троянской войне конца II тыс. до н.э., — типологически сопоставляя при этом догосударственное варварство греков с периодами варварства как предыдущих египтян и др., так и последующих германцев и проч. времен крушения Римской империи. Во всех трех случаях получалось разложение первобытнообщинного строя и выделялся период миграций, грабежей и отпоров силами «военной демократии» — и выход из этого

кровавого хаоса посредством создания воинской кастой «государства как аппарата насилия эксплуататорского меньшинства над эксплуатируемым большинством народа». Все логично, все наукообразно... за исключением рассмотрения тех процессов и следствий, которые протекали на Востоке и Западе в неизвестный тогда еще 6—2-тысячелетний промежуток «Великой неолитической революции».

В оправдание Маркса и Энгельса надо сказать, что они хоть и не сразу (уже перед смертью автора «Капитала»), однако же предугадали те потрясения, которые несет их доктрине более внимательное рассмотрение «первобытного коммунизма» и его традиций в новой истории. Это предвидение сконцентрировано в заключительных строках совместно задуманной, но Ф. Энгельсом в одиночестве созданной книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Слова *«общество будущего будет возрождением — но в высшей форме — свободы, братства и равенства древних родов»* были взяты из монографии американского этнографа Л. Моргана, много лет проводившего среди племени ирокезов и вынесшего отсюда довольно верное представление об истоках, стержне и перспективах цивилизации. Основоположники истмата решили сопрячь эти представления и подобные данные из античной литературы, германской и др. этнографии с собственной доктриной — однако такая попытка, по большому счету, не удалась; более того, при внимательном чтении «Капитала» на его последних страницах обнаруживается (политэкономистом М. Д. Руденко и др.) признание ущерба нарабатанной ими исторической схемы... В революционной практике В. И. Ленина и его Совнаркома теоретические просчеты, помноженные на недоброжелательность, волюнтаризм и невысокий интеллектуальный уровень «ума, чести и совести нашей эпохи», обернулись катастрофой для России и стран будущего социалистического лагеря; впрочем, каждая гроза имеет и свои положительные стороны — доставшиеся в основном иным странам...

Что касается происхождения и исторической роли индоевропейских народов, то основоположники истмата придали им не большее значение, нежели «отец истории» Геродот. История Индии европейцев особо не волновала; применительно же к истории Ближнего Востока и, главное, Европы, — то здесь господствовала (в основном, и господствует) такая вот иерархия приоритетов: Египет, затем Месопотамия и Восточное Средиземноморье в библейском их понимании; потом Греция, Рим, Византия; а уж после — кельты, германцы, фракийцы, славяне. Словом, даже Запад — «на задворках древней истории, но зато в авангарде прогресса со времен Возрождения»; Русь же «начала выходить в люди, да и то помаленьку, лишь со времен Петра».

Об индоевропейской (европейской в VI тыс. до н.э. — I тыс. н.э., а со II тыс. до н.э. и доньше — индийской) Аратте истматовцы и не ведали, и не предполагали. В их числе даже промарксистски настроенный археолог Г. Чайлд, основоположник теории «Великой неолитической революции». Для него, всемирно известным в середине XX века ученого, постулат «свет с Востока» так и остался неизбежным... *Но затем последовали такие открытия, которые заставляют*, — по словам его соотечественника-англичанина Дж. Вуда — *переписать начало европейской истории*. Ныне уже можно сказать: *всемирной истории, и не только начало*.

Толчком к пересмотру основ, стержня и перспектив индоевропейской, а вслед за ней и общечеловеческой цивилизации послужили археологические открытия начала второй половины XX века в Малой Азии и Великобритании. С одной стороны, Дж. Мелларт раскопал у турецкого селения Чатал-Гуюк воплощение апофеоза «Великой неолитической революции» — жреческий квартал древнейших индоевропей-

цев с необычайно развитыми для VII—VI тыс. до н.э. хозяйством, общественным укладом, мифоритуалами и проч. Сдругой, исследование святилищ-обсерваторий английского Стоунхенджа III—II тыс. до н.э. показало их чрезвычайную трудоемкость и точность, непонятные специалистам по доклассовым обществам. Тем более, что ученые различных европейских стран стали открывать культурно-хронологические звенья между этими столь удаленными друг от друга памятниками — а непонимание их породило наукообразную «теорию» палеоконтактов со внеземными цивилизациями... Все эти пертурбации «буржуазной науки» вызвали неприятие со стороны правозверных истматовцев СССР — что привело к отставанию их даже от коллег-археологов из Болгарии, Румынии, Венгрии, Чехословакии. Честь «советской науки» спасали тогда в основном два наших специалиста — киевлянин В.Н.Даниленко и москвич Н.Я.Мерперт.

В 1965 году Даниленко завершил последний вариант монографии «Космогония первобытного общества», выдержки из которой были опубликованы в его же «Неолите Украины» (К., 1969). Здесь впервые показано освоение носителями культуры Чатал-Гуюк если и не всей Циркумпонтийской зоны (вокруг Черного моря), то прилегающих к ней долин Дуная, Днестра, Буга, Днепра и Молочной. Впервые же были расшифрованы мифоритуалы этой грандиозной дуги древнейших индоевропейских культур VII—III тыс. до н.э. от Чатал-Гуюка и Старчево — до Кукутени и Триполья включительно, — и показано родство данных мифоритуалов с последующими как шумерскими, так и греческими (вернее, пелазгийскими). Особое значение В.Н.Даниленко на протяжении всей своей жизни (1913 — 1982) придавал изучению уникальных святилищ Каменной Могилы над речкой Молочной — что отразилось в его посмертно изданной монографии «Кам'яна Могила» (К., 1986).

Следует отметить, что начинания Даниленко испытали губительные противодействия коллег: «Космогония» при жизни автора не увидела свет, а рукопись основанного на ней «Этногенеза славян» погибла(?) вместе с бесценной коллекцией древнейших надписей (в том числе на пращумерской и шумерской табличках). Но все же исследования основоположника нового понимания истоков отечественной истории были подхвачены и закреплены (без ссылок на автора) монографией Б.А.Рыбакова «Язычество древних славян» (М., 1981)... Теоретический и публикационный вклад Н.Я.Мерперта меньше. Зато он принимал участие, а затем и руководил археологическими экспедициями за рубежом — в Болгарии, Иране, Афганистане и др.

В начале 70-х годов Ю.А.Шиловым была написана работа «Становление цивилизации (государственности) в свете исторического материализма и новейших археологических данных», послужившая отправной точкой для тех публикаций, которые автор посвятил рассмотрению культурно-исторического процесса. *Так впервые была сформулирована концепция, существенно дополнившая и скорректировавшая (фактически видоизменившая) изложенную выше марксистско-ленинскую концепцию исторического материализма.*

3. Теоретические основы понимания истории

Основные положения новой концепции основ истории и цивилизации таковы:

— *первобытнообщинный строй («первобытный коммунизм») изначально завершается длительным периодом «священной (а не «военной») демократии» — когда не воины, а священнослужители возглавляют общество;*

— *эти жрецы-правители («первобытная интеллигенция») создают древнейшую государственность типа Аратты, которая является апофеозом общинного строя (а не началом классовых формаций) и зиждется на присущей ему естественной иерархии;*

— в основе цивилизации (=государственности) лежит, таким образом, интеллектуальный диалог человечества с мирозданием (а не «классовая борьба»), направленный на сохранение и разработку естественной гармонии;

— снимая все возрастающие противоречия (изначально порожденные переходом к производящему хозяйству, а значит, дисгармонией общества со средой обитания), жрецы-правители неизбежно сосредоточивают внимание на основном из этих противоречий — между бытием-и-небытием;

— **эффективнейшим способом снятия противоречий закономерно становится самопожертвование во благо народа (мифоритуал Спасительства)** — на котором (а не «на обмане, насилии, эксплуатации») и зиждется власть интеллектуальной элиты.

Данная концепция, основанная на синтезе источников и промежуточных выводов, объясняет и феномен государственности с рубежа VII—VI тыс. до н. э., и сложение в рамках общинного (вернее, дорабовладельческого) строя IV—II тыс. до н. э. грандиозной системы святилищ-обсерваторий, протянувшихся от Британии до Зауралья; и роль индоевропейской цивилизации во всемирной культуре, и подлинное значение славянства в судьбах как индоевропейских, так и прочих народов. *При этом концепция исторического материализма вовсе не отвергается — но «ставится на место» как частный (сопряженный с классовыми формациями) и притом недоработанный случай изучения общеисторических законов.*

Вспомним три источника и три составные части марксизма: с одной стороны, немецкая философия, английская политэкономия, французский коммунизм; с другой — диалектический материализм, прибавочная стоимость, классовая борьба.

Об исторической ограниченности роли классовой борьбы — вовсе отсутствующей в доклассовых обществах прошлого и бесклассовых будущего — сказано выше. О прибавочной стоимости можно сказать — вопреки К. Марксу и вслед за упомянутым выше М. Д. Руденко, — что она образуется не из организма эксплуатируемого пролетариата, а добывается из земли крестьянским трудом. Для научного открытия и обоснования этой вполне очевидной истины основоположникам истмата следовало опираться на политэкономия не Англии (практически заменившей собственное сельское хозяйство грабежом колоний), но Франции (вполне его сохранившим и гармонизировавшим с промышленным производством)... Такая ошибка, помноженная на злонамеренный волюнтаризм марксистов-ленинцев, дорого обошлась России, да и всему человечеству. Еще губительнее другие, не столь наглядно проявляющиеся огрехи исторического материализма: вещизм, атеизм, поляризация и др.

«Материализм» истмата подобен сусальному «золоту». По меркам современной, а не ньютоновской физики (времен Маркса-Энгельса, отчасти продленных «Материализмом и эмпириокритицизмом» Ленина) вполне очевидно, что марксизм-ленинизм проигнорировал полевою, а тем более вакуумную первооснову сущего — отождествив материю с веществом. При этом его атомарная (и более дробная) структура спроецирована на кажущиеся множественность, дискретность, «революционные скачки» мироздания — которые действительно присущи материальному миру, но лишь как частные случаи единства, непрерывности, эволюционного развития. Здесь, как и в политэкономии, истмат перевернул все с ног на голову. *Упущение вакуумно-полевой, существенно-содержательной подоплеку мироздания породило серьезные изъяны в понимании и его формальной, вещественной стороны.* В этом, а не в «торжестве разума над суевериями», первоисток и бездуховности, и безбожия «диалектического материализма». Полагая, что отменяет идеализм и гегелевский Абсолют, — он сам отсек себя от **ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ** или **ВСЕЛЕНСКОГО РАЗУМА**; индоевропейское, Русью сохраненное понимание **БОГА** как '(Счастливо нареченной) Доли

(— части-судьбы от некоего Всеобщего Целого)' довольно адекватно передает сущность этой страшной утраты.

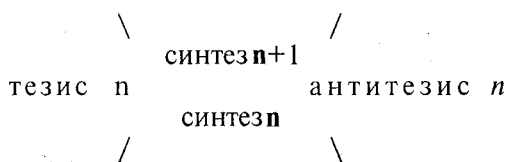
Рассматривая вышеочерченные изъяны марксизма-ленинизма, не следует увлекаться изысканиями заговоров и т.п. Без них, конечно же, не обошлось — ибо в той или иной мере они присущи любому доктринерству, тем более революционному и помноженному на притязания превосходства «пролетарского интернационализма». Куда важнее анализ объективных причин формирования и притягательности «все-сильного, потому что верного» учения. Вполне очевидно теперь, что оно логически завершило и тем самым показало *тупиковость европейской (греческой) и ближневосточной (иудейской) линий развития всемирной цивилизации*. Первая из этих линий впервые поставила форму над сущью, вещество над полем и сделало смертно-ограниченного индивида мерилом извечно-бесконечного мироздания. Вторая же — божественное поставила на службу человеческого, сделав религию инструментом государственной власти. Тем более пагубным оказался их симбиоз (в рамках «всемирной» Римской империи), который на формально-вещественном уровне работал неплохо — но лишь в условиях столь возлюбленных марксизмом-ленинизмом классовых обществ. Попытка же использовать сей движитель для построения бесклассового (тем более, без должного учета опыта доклассового) общества обернулась страшной трагедией... Не случайно эпицентр этой трагедии пришелся на *славянское ядро индоевропейской цивилизации, хранящее традиции «первобытного коммунизма»*. Жизненно важно, чтобы сами индоевропейцы хоть теперь — уже с опозданием! — смогли разобраться в сути и содержании происходящего, не соблазнившись видимой формой «дележа наследия» бывшего СССР и сообщая с Россией спасли бы свою же этнокультурную сердцевину — сердце общечеловеческой цивилизации...

Из сказанного выше о вакууме — поле — веществе довольно понятно, к каким полюсам мироздания тяготеют идеалистическая и материалистическая позиции и которая из них (гегельянская, а не марксистская!) ближе к Божественной ИСТИНЕ. Но что сближает такие позиции, так это акцентирование цепной реакции нарастающих противоречий:

... — тезис n — антитезис n — синтез $n+1$ — ...

Здесь, в силу незрелости психики и мировосприятия современного человека, помноженной на господствующую в науке XVII—XX веков бинарно-атомистическую парадигму, отсутствует синкретизм спирально-пульсирующе-вращающегося движения любого развития; тут оно спрямлено, расчленено и непременно движется или «на ногах» (как у Гегеля), или «на голове» (как у Маркса). Попытки приблизить ту или иную модель к ИСТИНЕ существенными успехами не увенчались — даже с переходом науки с уровня Эвклида и Ньютона на уровень Лобачевского и Эйнштейна; Бог даст, третья попытка окажется результативней.

Третью попытку наиболее оптимально, как нам представляется, предпринимает нынче П.А.Харченко — автор примечательной книги «От индивида к Богочеловеку» (Киев, 1993), опубликованной основанной им Украинской международной Академией оригинальных идей (УМАОИ). Здесь возникло новое понимание гегелевской триады — уже не как «цепи нарастания противоречий», а как своеобразного «пульсара»:

Главное же, до конца еще не раскрытое (это задача XXI века), заключено в синтезе науки — философии — религии, провозглашенном «тринитарной парадигмой» Харченко. Весьма перспективными представляются также производимые в той же УМАОИ исследования взаимодействий стромы (тела), скелета (с мозговым наполнением), биополя (ауры) высших существ — сулящие разгадку тайны потустороннего существования души и ее жизненных перевоплощений. **Разгадка Бессмертия Души, ее взаимосвязей со ВСЕЛЕНСКИМ РАЗУМОМ или БОГОМ (см. выше) должна стать основой грядущей цивилизации** и поднять ее на гораздо высшую ступень развития, нежели научно-техническая и последовавшие за ней революции XIX—XX веков. С точки зрения науки, начнется активное освоение полевой стороны материального мира и синтез ее с уже неплохо освоенной вещественной стороной. С точки зрения религии, приблизится к грешной Земле царство Небесное. Философия же воссоединит эти полярные, как теперь представляется, точки.

Довольно очевидно уже, что *диалектический виток будущей цивилизации начнется с синтеза начала и конца (тезиса — антитезиса) предшествующего витка завершающейся, нашей цивилизации*. Эти начало и конец отмечены «великой неолитической» и «научно-технической» революциями. Высшими достижениями той и иной есть учения о реальности потустороннего (полевого) мира и бессмертия души (полево-вещественных ее перевоплощениях). Современное освоение этой реальности началось в 70-х годах с выходом книги врача-реаниматора Р. Моуди «Жизнь после жизни». Древнее же освоение глубже и лучше всего запечатлено в аратто-арийских Ведах — зародившихся на территории Руси, а оформленных в Индии.

«Праистория Руси» должна помочь в освоении истоков и стержня завершающейся цивилизации. Однако пафос данного курса лекций обращен к становлению грядущей цивилизации.

***

Основная литература:

- Даниленко В.Н. Неолит Украины.—К., 1969; Энеолит Украины.—К., Кам'яна Могила.—К., 1986; Космогония первобытного общества.—Киев, Фастов, Славутич, 1997.
Кифішин А.Г. Шумерські та протошумерські написи Кам'яної Могили; Жерці Чатал-Гуюка на Кам'яній Могилі // «Український Світ».—К., 1995, 1—3; 1996, 4—6.
Шилов Ю.А. Прародина ариев.—К., 1995; Пути ариев.—К., 1996.
Рыбаков Б.А. Язычество древних славян.—М., 1981.
Руденко М.Д. Формула жизни // «Русская мысль».—М., 1991.
Гроф С., Моуди Р. и др. Жизнь после смерти.—М., 1991.
Харченко П. Від індивіда до Боголюдини.—К., 1993.

«Великая неолитическая революция» и возникновение «индоевропейской общности»

1. Начало «Великой неолитической революции»

Определение «Великая неолитическая (нового, т.е. позднего каменного века) революция» было введено в научный оборот в середине XX века выдающимся английским археологом Г.Чайлдом. Отталкиваясь от основ исторического материализма, исследователь обобщил новейшие для своего времени данные о ближневосточной предыстории цивилизации.

Там — вдоль южных побережий Каспийского и Черного и восточного побережья Средиземного морей — простирался в те времена «полумесяц плодородных земель», древнейший центр одомашнивания злаковых растений и мелких рогатых животных. Так, в IX—VII тыс. до н.э. и началась ВНР — переход от присваивающего (собирательства и охоты) к производящему хозяйству (земледелию и скотоводству). Эта революция, по словам Г.Чайлда, «трансформировала человеческую экономику, дала человеку контроль над его собственным запасом продовольствия» и проч., создав тем самым условия возникновения цивилизации (государственности). С тех пор общество стало отрываться от матери-природы и превращаться в ее не очень разумного хозяина. Началась своеобразная цепная реакция нарастания противоречий: ландшафтно-климатических, межплеменных, имущественных, социальных, классовых, межгосударственных, межнациональных, экологических... Нынешнее нарастание проблемы последних — одно из наиболее очевидных проявлений завершения очередного витка диалектической спирали развития цивилизации: виток завершается примерно тем же (в новом качестве, на новом уровне), с чего начинался.

«Великая неолитическая революция» зародилась на севере Месопотамии и в прилегающих областях — на невысоких плато от Загроса до Анатолии. В Европе тогда только-только окончился ледниковый период, и она была покрыта тайгой, тундрой да плесами — в то время как на Ближнем Востоке распространились лесостепи и степи. Там, в предгорьях и в долинах рек, росли дикие предшественники современных ячменя и пшеницы. Эти злаки становились все более доступным подспорьем для охотников за мелкими животными (а Европа все еще изобиловала дичью и рыбой). Будет охота удачной или нет, а вот семья в четыре работника — при урожайности до 8 ц/га — могла собрать за неделю тонну хорошо хранящегося зерна...

На протяжении VIII—VII тыс. до н.э. стоянки собирателей-охотников сменяются долговременными укрепленными поселениями древнейших, еще не сфор-

мировавшихся земледельцев-скотоводов. Тем не менее фортификационные сооружения палестинского Иерихона имели уже не только каменные стены, но и высокую башню — что позволяет считать его первым на земле городом, история которого простирается на 10 тысячелетий!

Внедрение в хозяйство даже примитивных земледелия и скотоводства привело к тому, что уже за первое тысячелетие «неолитической революции» население Ближнего Востока увеличилось в 16 раз и превысило 80 млн.; его плотность на территории «полумесяца плодородных земель» достигла одного человека на 1 кв. км. Назревал демографический взрыв, начинались далекие миграции людей и новых форм хозяйства.

2. «Циркумпонтийская зона»

В VII тыс. до н. э., почти с начала «Великой неолитической революции» (которая на севере Евразии завершилась лишь в III тыс. до н. э., а местами и много позже) наиболее развитым центром праивилизации стала Анатолия, юг современной Турции. Открытие данного обстоятельства было сделано и в конце 1960-х годов введено в научно-культурный оборот английским археологом Дж. Меллартом.

Исследователь раскопал в Южной Анатолии два чрезвычайно важных поселения 6500—5650 и 5700—5000 годов до н. э., существовавших тогда у нынешних Чатал-Гююка и Хаджилыра.

Шу-эден-на-ки-дуг (как, по прочтению А. Г. Кифишина, называлось поселение у Чатал-Гююка) при площади 13 га был в те времена наибольшим населенным пунктом. За 900 лет существования его 12 раз обновляли. Среди довольно однотипных домов из кирпича-самана, доньне бытующих на Ближнем Востоке, выделялся храмовый центр — где, по-видимому, обитали и работали жрецы-правители. Интерьеры всех 40 раскопанных храмов были украшены календарно-магическими сценами, отражавшими пережитки присваивающего и новации производящего хозяйства: изображениями оленей и охотников, но также расписными черепами домашних животных в сочетании с божественными близнецами и роженицами. Использовались и черепа жертвенных людей. Покойников хоронили преимущественно в жилищах — под лежанками и очагами, позднее стали хоронить между домами; *все это свидетельствует о незначительной еще поляризации восприятия бытия-и-небытия.*

Основу хозяйства древних жителей поселений у Чатал-Гююка и Хаджилыра составляли земледелие и скотоводство, важное значение сохраняли охота и собирательство. Все весомее становился обмен товарами (в частности, местного обсидиана для изготовления орудий труда — на импортные раковины для украшений). Значительного развития достигли плетение и ткачество, появились первые металлические (свинцовые, медные) изделия и глиняные сосуды.

Прослеживается, что интенсификация орошаемого земледелия привела, с одной стороны, к резкому увеличению количества населения, а с другой — к засолонцеванию полей. К таким обстоятельствам добавились извержения расположенных неподалеку вулканов и прочие катастрофы, быть может, и военные стычки: расположенные в 320 км одно от другого поселения неоднократно сторали... *Все это привело к демографическому взрыву и вынудило жрецов-правителей искать новые земли для расселения своего народа.*

Обмениваясь своей продукцией, Шу-эден-на-ки-дуг общался с Кипром, Сирией и другими районами Средиземноморья — уже довольно плотно заселенными. Быть может именно последнее обстоятельство продиктовало иной экспедицион-

ный маршрут — на север, вдоль Черного моря. Около 6200 г. до н.э. путешественники если и не обошли Циркумпонтийскую зону ('вокруг Черного моря'), то, по крайней мере, побывали в долинах Дуная и Днепра. Это открытие сделано недавно шумерологом А.Г. Кифишиным путем сопоставления писем из нескольких гротов Каменной Могилы (Шу-нуна) близ г. Мелитополя и чатал-гуюкского храма 23/VII, датированного Дж. Меллартом 6200 ± 97 г. до н.э. Это сопоставление хорошо согласуется с ранее сделанными открытиями археолога В.Н. Даниленко, палеозоолога В.И. Бибиковой, антрополога С.И. Круц и др.: на поселении у Каменной Могилы, в культурных слоях VII—VI тыс. до н.э. вдруг появились малоазийские вещи, кости древнейших в Европе домашних животных, а в одновременных могильниках Нижнего Поднепровья — останки людей, типичных для Восточного Средиземноморья.

Таким образом, имеются веские основания для надежного вывода: около 6200 г. до н.э. Шу-эден-на-ки-дуг (Чатал-Гуюк) — самый развитый центр всемирной культуры — установил непосредственную связь со жрецами святилищ Шу-нуна, расположенного на левобережье низовьев Днепра. При этом необходимо учесть, что этот район будущей Руси хоть и не был к тому моменту знаком с производящим хозяйством, однако же присваивающее вполне обеспечивало местное население средствами как существования, так и высочайшего духовного развития — впервые в мире изобретшего письменность, заимствованную именно из Шу-нуна пришлыми жрецами. Состоялись, по-видимому, взаимовыгодные обмены достижениями и прочими знаками содружества — за которыми последовало переселение малоазийских племен в Северное Причерноморье.

3. Историография «индоевропейской общности»

Северное Причерноморье, как и вся Европа, было заселено в те времена потомками так называемой кроманьонской антропологической расы, ее палеоевропейского типа. К той же древней расе относился и восточносредиземноморский тип — уже изживший атавизмы предшествующих неандертальцев. В культурном отношении эти потомки охотников за мамонтами значительно отличались от первых земледельцев и скотоводов; они были отнюдь не дикарями и вполне могли объясниться с пришельцами (см. выше о письменности), однако находились в ином русле развития. Ввиду вымирания мамонтов и прогрессирующего уменьшения дичи, это русло могло стать тупиковым, — но вышерассмотренное обретение дружеских связей обозначило оптимальный выход из наметившегося тупика. Нечего и говорить, что это был выход и для страдавших переселенцев из Анатолии — которую ряд ученых считает прародиной «индоевропейской языковой общности»...

Такое условное определение сложилось на протяжении XVIII—XIX веков — от замеченного иезуитом Кердудом родства древнеиндийского санскрита (искусственно созданного арийскими брахманами языка священных Вед и последующей литературы) с европейскими языками до утверждения «индоевропейской общности» (вместо менее правильных определений вроде «индогерманская общность») лингвистом Бодуэном-де-Куртенэ. Помимо французских, в этом же направлении успешно работали английские (Джонс, Уилкинс и др.), немецкие (Бопп, Шлейхер и др.), российские исследователи (Потебня, Фортунатов и др.).

Используя лексику и грамматику санскрита и древних языков иранцев, греков, итальянцев, германцев, славян, литовцев, А. Шлейхер основывался на теории Дарвина — рассматривая означенные языки как ответвления от праязыка некоего гипотетического пранарода («индоевропейцев»). Вопреки такому подходу А.А. Потебня обо-

сновал понятие «языковой системы», которое предусматривает взаимосвязи как родственных, так и неродственных по своему происхождению народов.

Немецкие лингвисты Шлегель, Шмидт, а затем и археолог Коссина выдвинули гипотезу о прародине индоевропейских народов в Северо-Западной Европе — откуда они кругообразными волнами будто бы разносили свою высокую культуру иным народам. Эти оторванные от реалий построения были взяты на вооружение идеологами «третьего рейха» и использованы отнюдь не для научной полемики...

Вместе с тем немецкий же ученый К. Риттер еще в середине XIX века обратил внимание на родственность наименований Индии и (С)Индии — как назывался некогда Таманский полуостров. Этим было начато открытие Севернопричерноморского региона формирования индоевропейской общности — главного (по крайней мере, в IV—II тыс. до н. э.) ее региона в Циркумпонтийской зоне. Впоследствии в этом направлении плодотворно работали англичанин Г. Чайлд, поляк К. Сулимирский, болгарин В. Георгиев, украинец В. Даниленко, американка литовского происхождения М. Гимбутас, россияне Н. Я. Мерперт, В. А. Сафронов и др.

До недавнего времени поиск прародины индоевропейцев и древнейших звеньев их истории вели преимущественно языковеды; вершиною их достижений следует считать капитальную монографию Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы» (Тбилиси, 1984)... Однако выводы не могут быть надежными без выявления и анализа вещественных памятников — поселений, святилищ, могильников. Поэтому уже с конца XIX века за разработку индоевропейской проблематики принялись также археологи, антропологи, этно-графы и др. Начали появляться специалисты — такие как В. Н. Даниленко, Б. А. Рыбаков, В. А. Сафронов, — способные квалифицированно сопоставлять данные всех этих наук и делать основательные выводы.

Даниленко еще в 1950-е годы доказал, что курганы и шнуровая орнаментация керамики — признаки, которые немецкие археологи начала XX века определили как характерные для ранних индоевропейцев, — впервые появляются в древнейшей ямной археологической культуре Степного Поднепровья. Этим самым В. Н. Даниленко подтвердил и конкретизировал гипотезу Г. Чайлда и К. Сулимирского, которые ведущими признаками — помимо вышеуказанных — считали также подкурганные захоронения скорченных и окрашенных охрой покойников той же ямной культуры. Впоследствии в своих монографиях «Неолит Украины» и «Энеолит Украины» (К., 1969, 1974) исследователь связал археологические и лингвистические аспекты индоевропейской проблематики и представил глубоко аргументированную картину формирования индоевропейской общности как в Циркумпонтийской зоне (особенно в украинском Поднепровье), так и за ее пределами — от Алтая до Британии. Разработки Даниленко были подхвачены Мерпертом и Гимбутас и уже через их публикации получили международное признание. Исследователем, который в значительной мере продолжил начинания В. Н. Даниленко, можно считать В. А. Сафронова.

Сафронов в монографии «Индоевропейские прародины» (Горький, 1989) откорректировал не только археологические, но и сугубо лингвистические аспекты вышеупомянутой работы Иванова и Гамкрелидзе. По заключению Сафронова и др., прародиной индоевропейцев является Анатолия с ее Чатал-Гуоком; отсюда отдельные племена переселялись на Балканы и в Подунавье, а затем и в Поднепровье, в иные регионы Евразии. Считая прямой наследницей малоазийского Чатал-Гуока балканскую Винчу, исследователь усматривает во второй из этих археологических культур древнейшую в мире цивилизацию, т. е. государственность — с городами,

письменностью, святилищами-обсерваториями. Некоторый регресс индоевропейцев с рубежа IV—III тыс. до н.э. (когда на первый план выходят Шумер и Египет) ученый объясняет климатическими изменениями, известным рассредоточением достижений культур Чатал-Гююк — Винча в среде менее развитых аборигенов, а также сменой приоритетов земледелия и скотоводства (последнее менее представительно, однако в новых исторических условиях более продуктивно).

Сафронов пошел дальше Даниленко в развенчивании ортодоксальных представлений XX века о начале цивилизации, но отступил в источниковедении — обойдя молчанием Триполье и предшествующие ему археологические культуры Европы. Между тем культура Чатал-Гююка и Хаджилыра прекратила свое существование в 5650—5000 годах до н.э., а культура Винча возникла по крайней мере на полтысячелетия позже. В этот промежуток из Малой Азии на Балканы переселялись носители и других культур, а более ранние переселенцы культур Кереш — Боян начали перестраиваться в культуры Кукутени — Триполье. Последнюю В.Н.Даниленко рассмотрел довольно обстоятельно и обосновал ее индоевропейскую принадлежность. На такой же позиции стоит Б.А.Рыбаков в своей монографии «Язычество древних славян» (М., 1981), прослеживая трипольские традиции в восточнославянской и даже индийской культурах...

Подытоживая изложенное, можно сказать, что выводы об индоевропейцах как авангарде этнокультурных процессов «Великой неолитической революции», о формировании их в Циркумпонтийской зоне и даже о созданной ими древнейшей государственности (цивилизации) уже довольно устойчивы в науке второй половины XX века, — однако суть этого разветвленного процесса начала проявляться главным образом благодаря исследованиям В.Н.Даниленко и А.Г.Кифишина. *Фактология сути коренится в экспедиции около 6200 г. до н.э. жрецов-правителей малоазийской прародины индоевропейцев с целью поиска земель для расселения своего страдающего народа и в установлении содружества переселенцев с коренными, палеоевропейскими племенами долин Дуная, Днепра и других рек Северо-Западного Причерноморья.*

***

Основная литература:

Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. — М., 1956.

Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. — М., 1982.

Даниленко В.Н. Энеолит Украины. — К., 1974.

Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. — Горький, 1989.

Первые земледельцы и скотоводы Юго-Восточной Европы

1. Начало производяще-го хозяйства в Дунайско-Днепровском междуречье

В предыдущей лекции мы выяснили, что низовья Дуная, Днестра и рек между ними где-то в 6200 г. до н.э. были включены праиндоевропейскими выходцами из Малой Азии в Циркумпонтийскую зону распространения производящего хозяйства — земледелия и скотоводства. Сей вывод вытекает из комплекса данных лингвистики (родственность надписей из малоазийского Шу-эден-на-ки-дуга нижнеднепровскому Шу-нуна), археологии (предыдущее обстоятельство и находки чатал-гуюкских сосудов у Каменной Могилы), антропологии (останки людей восточносредиземноморского типа в могильниках днепровского Надпорожья), зоологии (кости древнейших домашних животных ближневосточных типов на поселениях от Днестра до Молочной, над которой стоит Каменная Могила).

Такому распространению на территорию Восточной Европы «Великой неолитической революции» конца каменного века предшествуют памятники среднего каменного века — мезолита. При этом выразительнейшие стоянки и кладбища тогдашних собирателей, рыбаков и охотников обнаружены в районе днепровских Порогов. Так, возле современного села Осокоровка раскопаны остатки пяти прямоугольных землянок, располагавшихся по кругу. Посреди жилищ площадью до 6х5 кв.м и на их общем дворе находились очаги. А возле поселка Васильевка археологи и антропологи исследовали два могильника с 24 и 44 погребениями людей местного палеоевропейского и пришлого восточно-средиземноморского типов. Если эти могильники действительно древнее вышеуказанного 6200 г. до н.э., то, значит, жрецы-правители Шу-эден-на-ки-дуга (совр. Чатал-Гуюка) пришли к святилищам Шу-нуна (Каменной Могилы) по проторенному пути. Тем более что среди рассматриваемых погребений преобладал обряд, характерный для Ближнего Востока: покойников укладывали скорченно на боку с молитвенно сложенными перед лицом руками; вытянутых, по местному обычаю, погребенных здесь меньше.

Следует отметить, что те и другие погребения в указанных могильниках преимущественно мужские да еще и со свидетельствами гибели в стычках: с проломленными черепами, кремневыми наконечниками стрел и копий в костях. Не исключено, что именно так начинались (до заключения мирного договора жрецами Шу-эден-на-ки-дуга и Шу-нуна) взаимоотношения аборигенов с первыми переселенцами из заморского «полумесца плодородных земель». В дальнейшем они поладили между собой: не случайно ведь именно здесь, в Надпорожье, сложилась сурско-днепровская культура первых скотоводов не только Поднепровья, но и всей Восточной Европы.

К завершению неолита, который на территории будущей Украины охватил в целом конец VII — начало IV тыс. до н. э., а в северных ее областях продолжался еще около тысячелетия, свойственное мезолиту присваивающее хозяйство осталось преобладающим лишь в лесной зоне. Производящее же возобладало уже с начала неолита в буго-днестровской, а вскоре и в упомянутой выше сурско-днепровской культурах. От них да еще от общеевропейской культуры линейно-ленточной керамики земледелие и скотоводство были восприняты жителями некоторых поселений Закарпатья и Крыма...

Неолитическим поселениям свойственны долговременные полуземлянки с очагами, культовые места и святилища древнейших типов, первые ткачество и керамическая посуда, шлифованные каменные топоры, разнообразие орудий рыболовства, а также земледельческие мотыги; под конец среди украшений появляются медные. Типичные захоронения, как и на малоазийской прародине, скорченные и одинокие, но на позднем этапе распространяются — под влиянием аборигенов — коллективные вытянутые захоронения в длинных полуземлянках, имитирующих общинные дома собраний... Неолит — время формирования племенного строя на основе матриархата. Особенности вещественной и духовной культуры — орудий, орнаментики и т. д. — предоставляют возможность судить об этноисторических особенностях отдельных племен и межплеменных отношениях.

Рассмотрим *самые первые земледельческо-скотоводческие культуры Дунайско-Днепровского междуречья, а вместе с тем — и всей Восточной Европы.*

2. Буго-днестровская и сурско-днепровская археологические культуры Были открыты В. Н. Даниленко в 50—60-е годы. Основные памятники — поселения с одиночными невыразительными захоронениями — сосредоточены в долинах средних течений Днестра и Южного Буга, а также в днепровском Надпорожье. Эти культуры просуществовали по два — два с половиной тысячелетия, то есть не менее всемирно известных Шумера, Египта или же Греции; в своем развитии каждая из них прошла несколько этапов.

В развитии буго-днестровской культуры выделяется три основных этапа:

I этап можно датировать 6200–5000 годами до н. э., то есть со времени циркум-понтийской экспедиции жрецов-правителей Чатал-Гююка на Каменную Могилу и проч. (по А. Г. Кифишину) и до времени исчезновения поселений типа Чатал-Гююк и Хаджилар на малоазийской прародине индоевропейцев (по Дж. Мелларту и др.). При этом древнейшая в Восточной Европе керамическая посуда буго-днестровской культуры подобна древнейшей же керамике Балкан (поселение Неа-Никомедия в Греции и культура Кереш в Венгрии); впоследствии соответствия буго-днестровской посуде распространяются степями до Южного Прикаспия (по В. Н. Даниленко).

Поселения ранних «буго-днестровцев» придерживались речных пойм. Продолговатые наземные жилища и полуземлянки площадью до 35 кв. м оборудовались очагами на каменной основе и мусорными ямами. Наиболее выразительное из раскопанных поселений на скалистом Базьковом острове (Ю. Буг) занимало площадь 0,04 га и соседствовало с возделываемым на речном наносе участком. Здесь найдены обломки зернотерок, мотыги из оленьего рога, жатвенные ножи-серпы из кабаньих костей с кремневыми вкладышами. Рядом с костями животных располагались скопления раковин, свидетельствующие о значении в хозяйстве рыболовства и собирательства. Находки наконечников дротиков и стрел следует рассматривать как свидетельства охоты. Среди керамической посуды преобладали остродонные горшки,

но бытовали и миски... Поселение возле с. Соколыцы располагалось на надпойменной террасе, занимало площадь в 0,1 га и состояло не менее чем из пяти жилищ — каждое из которых предназначалось, очевидно, для парной семьи.

II этап датируется в пределах V тыс. до н.э. — по аналогиям в керешской, линейно-ленточной и др. археологических культурах балкано-дунайского ареала. Несмотря на соответствующие этноисторические связи и влияния, буго-днестровская культура стала в это время вполне самобытной и автохтонной.

Тип поселений остался практически неизменным, однако под конец этапа появились строения с каменными стенами и обособленные (общественные) дома. Прослеживается совершенствование мотыг и серпов, а также керамики. Среди последней распространяются плоскодонные горшки, миски; появляются вазы, кубки и фляги. Орнамент остается преимущественно прочерченно-врезным, в виде волнистых лент и зигзагов; встречаются и скупо орнаментированные шишечками и щипками сосуды с подлощенной поверхностью.

III этап датируется началом IV тыс. до н.э. и охватывает рубеж неолита и энеолита (медно-каменного века). Прослеживаются влияния одновременных балканских культур Винчи, Хаманджи, а также раннего этапа дунайско-днепровской культуры Кукутени — Триполье. Последняя формируется в основном на буго-днестровской основе — так что рассматриваемый здесь III этап следует считать жизнедеятельностью консервативной части населения буго-днестровской культуры.

Позднейшие поселения несколько развивают традицию предыдущих, но вместе с тем близки раннетрипольским. Так, поселение у с. Саврань на Ю. Буге имело площадь около 0,3 га и простиралось вдоль надпойменной террасы — будучи защищено рекой, гранитными скалами и высоким крутым берегом. Жилища наземные или немного углубленные. Наибольшее из них было прямо-угольным, 6х5 кв.м; углы укреплены столбами и обложены камнями, а стены состояли из плетня с глинистой забутовкой. Очаг располагался в юго-западной половине строения и был обложен камнями; возле него — скопление обломков костей и керамики, мотыг и прочих орудий. Последние тождественны раннетрипольским...

В контексте развития обширной буго-днестровской культуры родственную ей сурско-днепровскую культуру можно рассматривать как ее восточный форпост — представленный отдельным племенем, обитавшим в районе Порогов и контактировавшим с районом Каменной Могилы (Шу-нуна).

Сурско-днепровская культура возникла в конце I этапа буго-днестровской, а исчезла либо одновременно с завершением ее последнего этапа, либо несколько позже. В устье приднепровской Самары и на островах Сурском, Шулаевом, Стрильчей Скле археологами раскопано 9 поселений; известно еще несколько памятников.

Площадь поселений составляла 0,02—0,03 га. На Сурском обнаружено три полуземлянки, сгруппированные вокруг общего двора с очагом посередине. В жилищах обитали, очевидно, парные семьи с детьми и родителями, а все три семьи составляли отдельный род или его часть. Важной деталью данного и других поселений являются грушевидные ямы со следами корзин, содержавших продовольственные запасы. Остородная керамическая посуда сохраняет традицию ранней буго-днестровской, а подобная по форме и орнаментации каменная — еще и ближневосточных культур чатал-гуюкского круга. Среди орудий труда выразительнее всего представлены рыболовные крючки, охотничьи стрелы, тесла для обработки дерева; встречаются и мотыги из оленьего рога и костяные серпы с кремневыми вкладышами — гораздо более свойственные буго-днестровской и трипольской культурам.

Смена прибрежных поселений островными была обусловлена, наверное, стремлением защититься от хищников и врагов, а также поиском оптимальных эколого-хозяйственных условий. Это привело — как и родственных выходцев из того же Восточного Средиземноморья предыдущей эпохи мезолита, также облюбовавших себе Надпорожье, — к выдвиганию на первый план присваивающего хозяйства и некоторой деградации хозяйства производящего. Однако невзирая на давление со стороны исконной днепро-днепской культуры охотников и рыболовов, население сурско-днепровской культуры под конец ее существования обладало значительными стадами крупного и мелкого рогатого скота. Знаменательно, что на малоазийской прародине индоевропейцев разводили преимущественно коз и овец; не исключено, что домашние коровы и быки впервые в мире появились на поселении у Каменной Могилы на рубеже VII—VI тыс. до н.э. Похоже, что данный приоритет некоторое время сохранялся именно рассмотренной выше культурой.

3. Этно-историческая

интерпретация
рассмотренных
культур

Подытоживая все вышесказанное и углубляя его историческое истолкование, следует прежде всего подчеркнуть, что выделенные В.Н.Даниленко буго-днепстровская и сурско-днепровская археологические культуры были первыми земледельческо-скотоводческими

культурами на территории Восточной Европы, что их появлению здесь предшествовали экспедиция жрецов-правителей Чатал-Гююка из малоазийской прародины индоевропейцев и договор их с местными жрецами-правителями Каменной Могилы, что носители названных культур тоже были индоевропейцами (точнее — праиндоевропейцами, как и носители последующих трипольской и т.п. культур)... Далее в этом разделе мы будем опираться на выводы и гипотезы выдающегося шумеролога А.Г.Кифишина.

Древнейшей из расшифрованных, сопряженных с изображениями мамонтов и проч. дат Каменной Могилы (Шу-нуна — ‘Руки-закона владычицы’) является 11582 г. до н.э. Таким образом, это святилище было заложено и долго использовалось палеоевропейцами. Они же создали, вероятно, концепцию ‘Солнцеподобной’ Аратты — контролируемых охотничьих угодий на территории между Карпатами и Крымом, Подунавьем и Приволжьем. После вышерассмотренной экспедиции около 6200 г. до н.э. Араттой стала именоваться страна (по сути, древнейшее в мире государство) в Подунавье, заселенная первыми выходцами (культуры Старчево — Кереш) из малоазийской прародины индоевропейцев. Немного спустя ее эмиссары из родственной, тоже праиндоевропейской буго-днепстровской культуры (смешанной уже с палеоевропейскими аборигенами), по некому соглашению утвердились в святилищах Шу-нуна — и стали новыми хранителями и продолжателями ее древнейшей на Земле мифо-исторической летописи. В ней, как и в производных от нее надписях Шу-эден-на-ки-дуга (Чатал-Гююка) и подунайской Аратты, впервые приводятся имена и деяния многих божеств, патриархов, героев, утвердившихся затем в культуре Шумера — несколько библиотек которого тоже содержат копии указанной летописи... Таким образом, обнаруживается цепь праиндоевропейских культур Циркумпонтийской зоны — этноисторические звенья которой выстраивались между концами VII—IV тыс. до н.э. от малоазийской прародины, через Подунавье и Поднепровье, а далее Крым и Кавказ, до Малой Азии и Месопотамии... На фоне такой картины шумеров можно считать тоже праиндоевропейцами, а араттов (носителей буго-днепстровской, трипольской и т.п. культур) — прашумерами.

Не следует, однако, сбрасывать со счетов племена палеоевропейского и других

(гораздо менее проявившихся в Циркумпонтийской зоне) антропологических типов — носителей местных (мезолитического происхождения, см. выше) днепро-донецкой и прочих культур. Они отчасти сосуществовали, отчасти смешивались с пришельцами, — *видоизменяясь в сторону индоевропеизации не столь антропологически, сколь экономически и социально: путем восприятия производящего хозяйства и сопутствующей ему араттской цивилизации.*

На заключительном этапе своего существования буго-днестровская культура, по большей части, стала подосновой формирования нового (уже не старчево-керешского, а кукутеньско-трипольского) центра Аратты. Другая часть этой культуры соединилась с днепро-донецкой. А третья, наиболее консервативная и связанная с приднепровским Шу-нуном, дала начало Шумеру — что будет рассмотрено в следующей лекции.

Сурско-днепровская культура, наиболее тесно связанная с консервативным ядром буго-днестровской, тоже могла принять участие в зарождении Шумера. Но пока что прослеживаются лишь ее контакты с днепро-донецкой культурой — и вероятность формирования вследствие этого среднестоговской и родственных, уходящих в Нижнее Заволжье культур древнейших коневодов, которым вскоре суждено было стать основой формирования арийской общности. В.Н.Даниленко счел комплекс трех указанных выше степных культур прототахарским — в своем консервативном качестве долго сохранявшимся в Южной Сибири и порождавшим местные арийские племена: носителей афанасьевской и родственных ей культур...

Итак, перемещение Аратты — ядра первой, еще праиндоевропейской волны из малоазийской прародины — в сторону Поднепровья оказалось сопряжено с зарождением в середине IV тыс. до н.э. и Шумера, и Ариана... В двух следующих лекциях мы обстоятельнее рассмотрим эти процессы.

***

Основная литература:

Даниленко В.Н. Неолит Украины. — К., 1969; Энеолит Украины. — К., 1974.

Даниленко В.М., Телегін Д.Я. та ін. Археологія Української РСР. — Т.1 — К., 1972.

Древнейшее в мире государство — Аратта

1. Возникновение Аратты

Итак, около 6200 г. до н.э. экспедиция жрецов-правителей малоазиатского Шу-эден-на-ки-дуга ('Руки-закона степи страны благой', как называлось тогда поселение праиндоевропейцев у современного Чатал-Гуюка) достигла святилищ приднепровского Шу-нуна ('Руки-закона владычицы', совр. Каменной Могилы, плиты которой были пронумерованы одним из ее исследователей — М.Я. Рудинским). С ее плит 4, 39, 9/6, 29, 10, 25/А, 25/В, 37/4, 34/А странники в той же последовательности сняли копии пранадписей. Открывший данное событие шумеролог А.Г. Кифишин расшифровал эти надписи так:

4 *Богиня Гатумдуг, владычица степи [окрестностей Шу-нуна], судит и сражает Ану [бога Небес];*

39 *по жребию богини Инанны, праматери благой земли и степи, гибнет (также) Сухур-алаль [предтеча Энлиля];*

9/6 *Месламтаза [сын Ану] убивает Большую Птицу [Смерть], а семиголовая Ниндара-из-бездны [жена Ану] помогает судом своему мужу, — который, обретя [за время пребывания в бездне Большой Птицы] разум Мыши, справляет праздник (своего воскресения) на Поселении;*

29 *бог-громовик Им или Ишкур [ипостась воскресшего Ану?] — великий судья богини зерна Ашнан — судит богов в «праведные годы»;*

10 *богиня-медведица Аз, пользуясь лирой, освящает суд.*

Так завершается первый календарно-мифологический сюжет. Далее приводятся перечни мифологических и легендарно-исторических правителей Благой Земли и Степи (от Надпорожья до устья Молочной?):

25/А *Думузи, Сухур-алаль, Кас-кисим, Ри-алаль, Уту-наиль, Му-ги, Энлиль-наиль, Ки-саль, Саль-туш (и еще 5 правителей между Думузи и Сухур-алалем, о чем см. ниже);*

25/В *А-энзу, Кас-шегбар, Намтар — «творец полей утугов (демонов)», Килим — «разливающая воду», Ибаз — «творец волокуши (?)», Ламар — «древом поразивший мудрецов», Уту — «творящий суд воды» (и еще 4 правителя между А-энзу и Кас-шегбаром).*

Третья часть подобна первой своим календарно-мифологическим содержанием:
37/4—34/А *Бог Энлиль [вплоть до предшествовавшего ему Сухур-алалю?] осужден за неправильное бракосочетание с Нинлиль и казнен. Однако позже (отыскав в потустороннем мире Нинлиль вместе с их сыном — богом луны Энзу) Энлиль воскресает.*

Копия, снятая с данной летописи жрецами малоазиатского Шу-эден-на-ки-дуга и воспроизведенная на барельефе Праматери сущего (Гатумдуг?) храма 23/VII, не-

сколько отличается от оригинала. Во-первых, в списках правивших династий богов и прашуров опущено два вышеуказанных блока имен; кроме того, не приведены даты основания этих династий. Во-вторых, упомянутая на плите 9/6 «Мышь» заменена на «птицу Имдугуд».

Можно считать, что сочетание этих оригинала и копии древнейшей в мире летописи означало заключение мирного договора, обусловившего открытие Циркумпонтийской зоны формирования индоевропейской общности. Этот древнейший в мире письменный договор 6200 г. до н.э. ознаменовал начало всемирной цивилизации (государственности).

В предыдущей лекции было отмечено, что вскоре после перемещения центра индоевропейцев из их малоазийской прародины в Подунавье в рамках археологической культуры Кереш VI тыс. до н.э. возникло древнейшее в мире государство Аратта — унаследовавшее, вероятно (по А.Г.Кифишину), традицию и письменность 'Солнцеподобной страны', восходящей к XII тыс. до н.э. и почитавшейся жрецами Шунуна (Каменной Могилы).

Наиболее информативны среди прочитанных керешских надписей такие:

(жертвенная) овца схвачена (верховным) жрецом Аратты;
канал жреца Ураша [бога небес], кирпич (магического) предопределения 40;
(жертвенный) ягненок стены воинов.

Итак, древнейшее государство Аратта имело уже каналы и крепости, священнослужителей и воинов, социальную иерархию, определенные ритуалы и культы, иконных богов...

2. Аратта междуречья Дуная и Днепра

Более известна ныне под условным названием «археологическая культура Кукутени — Триполье» или как две родственные культуры на территориях Румынии и Молдовы, а также Украины.

Исследователи сходятся на том, что истоки Кукутени — Триполья теряются в малоазийских культурах, а непосредственное начало — в культуре Боян низовьев Дуная; не вызывает особых сомнений и нижняя дата: середина V тыс. до н.э. Однако данная культура настолько ярка по керамике и многим другим проявлениям, что ее весьма трудно вписать в привычные для археологов формально-типологические (эволюционистские, по существу) построения. В.А.Сафронов в своей монографии «Индоевропейские прародины» (Горький, 1989) дошел до того, что вовсе исключил Триполье из рассмотрения — связав при этом Чатал-Гюк с отстоящей от него примерно на тысячелетие подунайской культурой Винча (древнейшей, по его мнению, индоевропейской культурой).

С Сафроновым можно согласиться в том плане, что Винча действительно отражает первых **индоевропейцев** — да только второй значительной волны эмигрантов с малоазийской прародины; первая же волна (о которой немало сказано выше) была еще **праиндоевропейской**, тяготеющей к предшествующей бореальной языковой общности (из которой вышли и предки тюркских народов).

Винчанской волне переселенцев предшествовало катастрофическое запустение под конец VI тыс. до н.э. Чатал-Гюка и Хаджиляра — древнейших центров индоевропейской цивилизации. С другой стороны, укоренившиеся было в Подунавье носители первой, праиндоевропейской волны вынуждены были потесниться — в сторону Поднепровья, чьи земли были разведаны достопамятной экспедицией 6200 г. до н.э. и уже довольно обжиты носителями вышерассмотренных буго-днестровской и сурско-днепровской культур (тоже праиндоевропейских).

На глиняных табличках Подунавья об этих событиях говорится в мифоэпическом духе: бог потустороннего мира Кулла и богиня степей Гатумдуг [покровительствовавшие, соответственно, жителям подунайской Аратты и ее по-днепровской периферии] договорились о прекращении ссор и объединении пред лицом нашествия с юго-востока [с малоазийской прародины] «воинов богини Ишхары» (не предтечи ли хурритской Ужхары и арийской Ушас? — также индоевропейских богинь), принесшим угрозу полям 'Солнцеподобной страны'... А среди несколько позднейших надписей кукутенской культуры Румынии привлекают внимание следующие:

потомок Владыки на поле Страны;

*бог Солнца судит убитых в саду, это второе святилище близнецов Инанны;
на 5 полей 2 мотыги (ритуально) установлено.*

Последняя из этих надписей близка по содержанию надписи на пращумерской табличке из украинской Волыни, которой располагал В. Н. Даниленко — прочитывая ее следующим образом:

прислать (в помощь) на поселение [...] 5 упряжек волов с ралами к [дата].

Приведенные надписи совместно с археологическими и проч. данными свидетельствуют о высоком уровне развития дунайско-днепровской Аратты. Основу ее хозяйства составляло довольно развитое земледелие — уже не только мотыжное, но и пахотное. Главной культурой являлась пшеница-двузернянка, однако выращивали также однозернянку и спельту, два сорта ячменя, просо, бобовые. Имели огороды, сады, а в Днестро-Прутском междуречье — и древнейшие на Земле виноградники. Разводили крупный и мелкий рогатый скот, свиней, а позже и коней. Сохранялись собирательство растений и моллюсков, рыболовство, охота. В чести были разнообразные ремесла: обработка камня и дерева, гончарство, ткачество, кузнечное дело. При этом аратты различных районов и поселений идеально приспособлялись к местным условиям, так что хозяйственных укладов и типов существовало немало. Довольно развитые уже в предшествующие времена, они между серединами V—III тыс. до н.э. истории приднепровской Аратты не столь видоизменялись, сколь перегруппировывались; развитие хозяйства наиболее заметно во взаимосвязанных гончарстве и металлообработке... Общественные же отношения, быт, духовную культуру, идеологию целесообразнее рассмотреть на историческом фоне.

Подобно более архаической буго-днестровской культуре, **трипольская** также существовала около двух тысячелетий и прошла три основных этапа развития.

Древнейшие поселения I этапа культуры Кукутени — Триполье появились во второй половине V тыс. до н.э. на территории Юго-Восточной Трансильвании и молдавского Прикарпатья в долинах левобережных притоков Дуная. Уже тогда преобладали прямоугольные наземные жилища площадью до 50 кв.м — с деревянными каркасами, плетеными из хвороста и промазанными стенами, потолками из горбылей и двускатными крышами, крытыми соломой, камышом, дерном; изнутри и снаружи дома обмазывались замесом глины с половой, а затем белились и расписывались. Подобные жилища доньше встречаются в глухих селах Молдовы и Украины. Однако древние были солиднее — часто в два этажа, с многочисленными хозяйственно-бытовыми пристройками, погребями и ямами, очагами на каменных основах. Площадь нерегулярно застраивавшихся поселений не превышала 1 га, а количество домов — 20; прослеживаются защитные рвы. Полнее всего исследованное (С. Н. Бибиковым) поселение у с. Лука-Врублевцевская над Средним Днестром простиралось вдоль реки и было естественно защищено обрывом. Наибольший дом площадью 130 кв.м предназначался, очевидно, для общественных нужд. Признаки какого бы то ни было имущественного или классового расслоения и в ранней, и в развитой Аратте отсутствуют.

Под конец раннего этапа население оставляет Трансильванию (см. выше о второй волне переселенцев — «*воинов богини Ишхары*») и смещается к Южному Бугу. При этом количество поселений увеличивается раз в десять и достигает, по археологическим данным, 200 или более. Распространяются двухэтажные дома с печами, кухнями и пекарнями, кладовками и подвалами, а также сушилка для зерна — в виде округлых полуземлянок с углубленным очагом посередине. Деревянная мебель археологам не известна. Неплохо изучены глинобитные возвышения лежанок и алтарей — с очажками, костями жертвенных людей и животных, посудой и статуэтками.

Почти все статуэтки изображают стоящую женщину — Праматерь. Судя по ее черепашной голове, змеевидной и проч. орнаментике — это Гатумдуг; Инанне более отвечают реалистические статуэтки II этапа. Живот и лоно Праматери орнаментировались преимущественно ромбическими символами плодоносящего поля (что усиливалось примесью муки и зерен в глине статуэток), а груди — змиевидными символами мужского начала. Последний образ (Кулы?) был особенно характерен для предшествующей буго-днестровской культуры.

Сохраняется и присущий ей взрезной линейно-ленточный принцип орнаментации керамической посуды. Однако и орнаментика, и формы становятся куда разнообразнее: корчаги для хранения зерна и прочих запасов, кухонные горшки и макитры, столовые кубки и вазы, ложки и черпаки, цедилки и миски... В некоторых формах начинает проступать антропоморфность — образ животворящей Праматери и др.

Могильники раннего и среднего этапов Триполья до сих пор не обнаружены, — их, вероятно, в виде привычных нам кладбищ и не было. Из этнографии различных индоевропейских народов известны захоронения на деревьях (древние черкесы и осетины), на столбах у дорог (славяне); трупосожжения доньше сочетаются (у индусов) с обычаями развеивать пепел над полями, а останки спускать за водой. Такой обычай доминировал, быть может, в Аратте; данным образом можно объяснить распространенность среди индоевропейских народов слов *навь*, *наус* и т.п. со значениями 'судно', но также 'покойник' и 'смерть'. На кремление умерших указывают также редкие останки человеческих жертвоприношений — которые в виде черепов и отдельных костей по древней, еще ближневосточной традиции располагались в жилищах возле очагов. О сожжениях жертв свидетельствуют и такие надписи из подунайской Аратты:

40-е княжение(?). По велению бога Шауэ старейшина ритуально сожжен. Это 10(-я жертва);

«женищина воинов» возвеличила [сожгла как жертво-приношение] воинов-стражей святилища Огня, не дав (им) выйти из (пылающего) святилища;

«женищина воинов» (их) в степи возвеличила.

Сожжение, как видим, возвеличивает человека; добровольно-принудительное (узаконенное традицией и неприятием смертности души) самопожертвование является честью. Жрецы и жрицы господствуют в обществе. Воины, помимо защиты родины, прислуживают в храмах и время от времени приносятся в жертву — как и старейшины (вожди, достигающие преклонного возраста)... Так вот, **в Аратте были заложены основы присущего индоевропейцам института Спасительства, снятия основного противоречия всех времен и народов — противоречия бытия-и-небытия, жизни-и-смерти. Вполне очевидно, что именно этот институт самопожертвования во имя общего блага являлся стержнем и авторитета, и власти «первобытной интеллигенции» — жрецов-правителей 'Солнцеподобной страны'.**

Среди известных нам надписей Аратты единожды упоминается *раб* (да и то в

шумероведческом понимании соответствующего иероглифа). Сей «*раб плуга страны*» мог быть и жрецом, обязанным починать пахоту и прочие работы сельскохозяйственного цикла — пережитки чего сохранялись, например, на Руси и в царских обязанностях времен Иоанна Грозного...

А как обстояли дела с летописью приднепровского Шу-нуна, остававшегося за пределами «трипольской» Аратты? По предположению А.Г. Кифишина, летопись продолжали жрецы «буго-днестровского» происхождения (см. выше).

II династия, заложенная будто бы более 14 тысячелетий назад патриархом А-энзу, произвела при Уту-ме-акуде в 5852 и при А-килиме в 5702 годах до н.э. какие-то реформы. В соответствии с последней *состоялось частичное переселение в Месопотамию, где был заложен город-государство Ур*. Там переселенцы объединились вокруг жрецов лунного божества Сина и основали в 5662—5622 гг. до н.э. «*дом Барагеси*». А в 5069 г. до н.э. — при XVIII правителе А-имдугуде — в окрестностях праотчегу Шу-нуна (Каменной Могилы) был основан альтернативный «*дом Имдугуда*»... Эти прочитанные шумерологом А.Г. Кифишиным сведения имеют археологические соответствия — за исключением вышеуказанных дат, которые будут, по-видимому, подняты исследователями примерно на 2500 лет и приближены, таким образом, к рубежу IV—III тыс. до н.э. Более точными представляются календарные пометки 4250—4173 гг. до н.э. на ином комплексе плит (2 — 7). Названные здесь правители Му-ги, Ки-саль, Саль-туш и др. возглавляли, очевидно, роды той части буго-днестровской культуры, которая переселилась сюда в начале формирования приднепровской Аратты и слилась с местными потомками основателей святилища.

Переходим к рассмотрению II этапа развития «трипольской» Аратты, который начался примерно в 3600 г. до н.э. — где-то за полтысячелетия до возникновения Шумера (и вышеописанного возникновения Ура?). На этом этапе хозяйство, быт, территория изменились немного — однако количество поселений и площади их значительно возросли; несколько племен или родов достигли Днепра выше Роси.

Итак, практически исчезли малые поселения, их площадь составляет теперь 3—40 га. Рядовая планировка сменяется концентрической с майданом — площадью посередине. Оборонительные рвы замещаются соединенными между собою домами внешнего круга. Защищались, по-видимому, не столько от врагов, сколько от хищников — волков, медведей и львов (которые встречались в Северном Причерноморье еще и в скифское время). Дома становятся большими и преимущественно двухэтажными; в них обитают, по-видимому, парные семьи трех поколений. В планировке поселений прослеживаются «концы», группирующиеся по ремесленно-профессиональным и, вероятно, родственным признакам. На алтарях нередко встречаются керамические модели святилищ — в том числе и весьма архаического типа, восходящего к храмам малоазийского Шу-эден-на-ки-дуга (см. выше).

Из ремесел наиболее развиваются обработки камня и металла (ковка и сварка медных изделий, простейшее бронзовое литье), а также гончарство. Последнее все еще обходилось без круга, но пользовалось горном. Наряду с традиционной «кухонной» посудой распространяется расписная «парадная». Гораздо разнообразнее становятся женские и др. статуэтки, иногда даже с портретными лицами. Хотя они почти исключительно культовые, однако позволяют судить о внешнем виде араттов.

Женщины заплетали косы, но преобладала (во всяком случае, при отправлении ритуалов) длинная прическа с прямым пробором посередине; на спине концы волос прятались в сетчатые или сплошные футляры разнообразных форм. На головах носили колпаки, грибовидные шляпы и др. На шеях — монисто, гривны и подобию пекторалей; гривны иногда дополнялись лентами или подвесками. Носили рубахи разной

длины и с различными вырезами, а также жилетки. Нижнее белье представлено набедренными повязками. Подпоясывались разнообразными поясами и перевязями — через оба или одно плечо. Лица раскрашивали, а может, и татуировали. Красная и др. краски на черепах «усатовского варианта поздней трипольской культуры» (см. ниже) отражают следы не только причесок, но и кастовой принадлежности — аналоги которых доньше бытуют в Индии, а до недавнего времени встречались и на Украине (казахи «оселеди» и др.). Обувь в росписи рассматриваемых статуэток представлена сандалиями, черевиками и сапожками — нередко с меховыми отворотами.

Традиционно преобладают фигурки стоящей женщины — однако теперь уже не только Матери, но и Девы. На алтарях и в антропоморфных сосудах их нередко объединяли, как арийских Адити и Ушас или греческих Деметру и Персефону. Распространяется также образ женщины, восседающей на рогатом троне-Тельце. В.Н. Даниленко и Н.А. Чмыхов считали такие комплексы свидетельствами зарождения греческого мифа о Европе и Зевсе — но в рассматриваемой этноисторической обстановке надежнее ограничиться соответствием индоевропейским Притхиви и Дьяусу: матери-‘Земле’ и ‘Небу’-отцу, которые в гимнах аратто-арийской Ригведы предстают в обликах людей или крупного рогатого скота.

Образ Притхиви-Дьяуса или т.п. зародился еще в храмах Чатал-Гююка и Хаджильяра, но его распространение было обусловлено, вероятно, появлением довольно специфических святилищ-обсерваторий подунайской культуры Лендель — сменившей в начале IV тыс. до н.э. предшествующую Винчу. Унаследовав круговую планировку поселений, они строились не у воды, а на удобных для календарно-астрономических наблюдений «лысых горах». **Распространившись на протяжении IV — середины II тыс. до н.э. вдоль северной, лесостепной границы тогдашнего земледелия, эти сооружения достигли британского Стоунхенджа и зауральского Аркаима — оставшись для потомков наиболее очевидным свидетельством существовавшей Аратты, высочайшего интеллекта ее правителей и крепчайших общественных связей.**

Письменность Кукутени — Триполья представлена «счетными фишками» (подобие наборной азбуки и арифметики, да только из керамических кубиков и т.п.), неясными пока еще знаками на сосудах и вышеуказанными прашумерскими табличками. Упоминаемые на последних «близнецы Инанны» обнаруживаются, возможно, уже в барельефных изображениях чатал-гююкских храмов. Можно предположить, что с распространением указанных выше святилищ-обсерваторий эти близнецы перевоплотились в Аполлона и Артемиду (в персонификацию главных созвездий зодиака и зенита, т.е. в Тельца с его Плеядами и Медведиц с их Полярной звездой) — детей Дьяуса (-Дзеуса-Зевса или Дия) и Рато (-Лато-Латону), где последняя воплощала зодиак и закон (Рита аратто-арийской Ригведы).

Если признать ошибочными расшифрованные датировки 5702—5622 гг. до н.э., указанные в летописи приднепровского Шу-нуна, то *завершение рассмотренного этапа «трипольской» Аратты можно соотнести с вышеприведенными строками о возникновении шумерского Ура.*

III этап охватил приблизительно 3000—2250 гг. до н.э. (от укоренения Шумера до возникновения Вавилонии). Уже в начале данного этапа центр ‘Солнцеподобной страны (земледельцев)’ утвердился в почти замкнутом междуречьи *Буга* (‘*Бога*’ ни с того ли этапа?), Соба, Роси, Синюхи — и достиг здесь максимального за всю историю Аратты развития.

В 60-х годах пилотом К.В. Шишкиным и археологом Н.М. Шмаглием были открыты грандиозные трипольские (т.е. араттские, как теперь выясняется) города площадью до 500 га. Обладая ранее сложившейся концентрической планировкой и проч.,

они окружались небольшими селами с преимущественно нерегулярной застройкой, а также святилищами-обсерваториями лендельского типа. Очевидно, что каждый такой комплекс представлял собой довольно автономный район — подобный одновременно городам-государствам уру (см. выше о возникновении *Ура*, а ниже — *Урука*) Шумера, последующим *полисам* Греции, еще более поздним *Палуни* и *полям*, а также «городам и весям» древней Руси.

Языковеды знают, что древнерусская *весь* — ‘*вся*’ обжитая той или иной крестьянской общиной округа — соответствует *вис(ш)*ям Индии-Бхараты и соприкасается с почитаемым в ней ‘Всеобъемлющим’ Вишну. Наиболее известный атрибут этого бога — стопа третьего шага, с которым гигант в жертвенном пламени возносится на небеса. Такие представления хорошо согласуются и со стопообразными очертаниями наибольшего города приднепровской Аратты (у с. Тальянки Тальновского р-на Черкасской обл.), и с удивительным обычаем *периодического самосожжения «городов и весей» этого древнейшего в мире индоевропейского государства.*

Данный обычай вытекал из переложной системы землепользования, несовершенства агротехники и, по-видимому, стремления жрецов-правителей ‘Солнцеподобной страны’ предотвратить расслабление и деградацию народа. Во всяком случае, примерно через три поколения — когда почва окрестных полей истощалась — неподалеку поднималась целина, строились новые город и села, а старые приводились в ритуальный порядок и поджигались... Так были заложены основы учения о «дне Брахмы» — сохранившегося в Бхарате-Индии и вспоминаемого в Рахманском Великдне долины Артаплота и других районов Украины. *Ритуальные самосожжения поселений Аратты были сопряжены с обозначенным выше институтом Спасительства и сделали его основным инструментом государственных связей.*

В дальнейшем мы будем еще не раз возвращаться к данной проблеме. А здесь присокупим к ней артефакт чрезвычайно далеких жреческих странствий — заложенных рассмотренной выше экспедицией жрецов-правителей малоазийской прародины индоевропейцев и прослеживаемых затем до таинственных странников Гипербореи (см. ниже). Выдающийся археолог В. Н. Даниленко впервые обратил внимание на «азово-черноморскую линию развития степного энеолита» и объяснил ее связями Триполья с ближневосточными цивилизациями. Этот путь начали торить если не чатал-гуюкские, то уж, во всяком случае, буго-днестровские путешественники в необжитую тогда Месопотамию. Помимо отдельных находок, захоронений и смешанных пограничных культур, на Чонгарском полуострове (в преддверии Крыма) было обнаружено небольшое зимовье араттской экспедиции (отправившейся на Восток?). С другой стороны, в районе Каменной Могилы (у с. Надеждино) и даже в междуречье Днепра-Ингульца (в пос. Большая Александровка) обнаружены шумерские захоронения с надписью и зодиакальным изображением; в последнем случае — в паре с араттским захоронением.

Надписи приднепровского Шу-нуна (Каменной Могилы) свидетельствуют, что в 2782 г. до н. на ней побывала делегация из одноименного шумерского города на севере Месопотамии — и сняла копии с вышеупомянутых надписей на плитах 2—7 для своей едва ли не древнейшей в Шумере библиотеки. По авторитетному мнению А. Г. Кифишина, именно в данной связи мог сложиться известный шумерологам цикл из пяти поэм «Тайного Святилища», где праматерь Инанна и бог-воитель Нингирсу (один из сыновей бога-творца Энлиля) хранили 7 древнейших в мире кудурру — храмовых подобных так называемых чуринг (священных, чаще всего каменных подготоватых предметов). Кифишин считает, что их-то и нашел Даниленко в каменномогильском «Гроте чуринг», восходящем к XII тыс. до н. э.; они были изукрашены как изображениями мамонтов и т. п., так и шумерскими письменами.

2535 годом до н.э. завершается летопись потомков упоминавшегося выше каменномогильского «дома Имдугуда», который перед этим 10 лет воевал(?) с родственным месопотамским «домом Барагеси». В 2530 г. до н.э. новая шумерская делегация оставила многочисленные надписи на плитах 1 и 52/А, а также обновила некоторые из старых. Среди них значится «владыка Эшнуна» — города, который именно с этого года 30 лет вместе с Уром, Уруком, Лагашем воевал против Киша.

В 2517 г. до н.э. случилось последнее, быть может, посещение, во время которого на плите 7 была оставлена надпись: «*Шара, владыка Страны (Шумера) и Семи*» (кудуру Шу-нуна?). Шарой именовался один из лунных богов, нижняя часть которого была смертной — людскою. Вероятно, эта делегация не только почтила прашурское святилище, но и оставила жертвенное захоронение у Надеждино (см. выше). Оно содержало кости ног и таза взрослого человека и было перекрыто каменномогильской плитой с шумерской надписью «*Шара*».

Конец заключительного этапа «трипольской» Аратты отмечен несколькими знаменательными, взаимосвязанными событиями внутреннего и внешнего порядка. Прежде всего сказались геокосмические причины, сопряженные с известным историкам (см. в последующих лекциях) Огигосовым потопом конца III тыс. до н.э. К этому времени Аратта уже имела на черноморском побережье (в районе между современными селами Усатово и Маяки на Одессине) свой южный форпост. Особенности его металлургии неоспоримо свидетельствуют о развитых связях с малоазийской прародиной — которые осуществлялись, несомненно, преимущественно водным путем. Вследствие этого сухопутный путь захирел. Стали угасать и традиции матриархата: усатовско-маяцкие статуэтки преимущественно мужские, фаллические. Исчезают города с населением в 10—40 тысяч человек, распадаются полисы. Часть населения уходит на север, в озерно-лесные низовья правобережной Припяти и левобережной Десны — притоков Днепра. Образованные этими переселенцами культуры связываются исследователями с началом этногенеза славян. Южная же часть населения — до вероятного морского переселения в район малоазийской Троады — все теснее сосуществует с арийскими племенами ямной археологической культуры. Последнее обстоятельство отчетливо отразилось в антропологии останков из кладбищ и курганов возле Усатово и Маяков.

Внимание исследователей все более привлекает *подобие исторических процессов, которые протекали в позднем Триполье (приднепровской Аратте) и месопотамском Шумере. Одновременно возникли и расцвели города, одновременно унифицировались, а затем пришли в упадок культуры; воцарение в Шумере семитской династии Аккада совпало с трансформацией Триполья в иные культуры* (см. выше о судьбах южного и северного его ответвлений)... Открытия археолога Ю.А.Шилова и лингвиста А.Г.-Кифишина позволяют вскрыть неведомые ранее археологам механизмы этнокультурных связей — приводившихся в действие не столь «миграциями народных масс», сколь тончайшими связями и резонами интеллектуальных элит различных народов.

Выше затрагивались вопросы о противоречиях между воцарившимися в Приднепровье «трипольцами» и частично переселившимися в Месопотамию «буго-днестровцами», между местным «домом Имдугуда» и ставшим шумерским «домом Барагеси» — и других противоречиях, не прервавших, однако, дружественных обменов делегациями... Они были прерваны отмеченным выше воцарением Аккадской династии, поведшей экспансию (известными историкам походами владык Саргона и Нарамсина) в направлениях как Малой Азии, так и Северной Месопотамии. Ю.А.Шилову и В.А.Сафронову удалось проследить, что в XXIII в. до н.э. арийско-хурритский союз племен Днепро-Кубанского междуречья принял активное участие в отпоре этой агрессии. Конец севе-

ромесопотамского похода союзников маркируется появлением в окрестностях Каменной Могилы и дальше к Днепру сосудов местного изготовления, но украшенных центральным эпизодом из шумеро-аккадской «Поэмы о Гильгамеше». Подкурганные материалы у сел Любимовка и Софиевка (возле Каховки) свидетельствуют об участии в этом движении людей из причерноморской части Аратты. Однако следы эти указывают на незначительность сыгранной роли. По-видимому, потому, что как раз в это время резко сворачивается «усатовский вариант позднетрипольской культуры» — и, вероятно, переселяется морским путем в Малую Азию. Приняли ли там переселенцы участие в отпоре против аккадской экспансии — ученым пока неизвестно.

Итак, налицо несомненные политические противоречия между поднепровской Араттой и месопотамским Шумером, особое их обострение с приходом к власти в последнем семитской династии Аккада. В плане военного и даже торгового (малоазиатский экспорт металла и проч.) противостояния указанные противоречия не могли сыграть существенной роли в судьбах столь отдаленных, хотя и взаимосвязанных праиндоевропейской историей стран. Куда серьезнее было *идейно-социальное противостояние* присущих им, соответственно, *общинной и рабовладельческой (первобытнокоммунистической и раннеклассовой) государственных систем*. Аратта с ее переложным земледелием и обилием плодородных целинных земель еще могла снимать свои накапливавшиеся противоречия традиционным способом — расселением и переселением; Шумер же, связанный создаваемой поколениями мелиорацией, вынужден был загонять свои противоречия в их порождающее общество — и предотвращать постоянную угрозу взрыва ужесточением госаппарата (вот где история впервые начинает развиваться в соответствии с марксистским пониманием законов истории!)... Однако и в благодатном Дунайско-Днепровском междуречье к концу III тыс. до н.э. стал назревать демографический взрыв, усугубленный вышеотмеченными Огигосовым потоком и сопутствующими эко-климатическими изменениями, а также резко возросшей активностью и миграциями арийских племен. Вполне вероятно, что *в таких вот условиях жрецы-правители Аратты увидели оптимальное будущее для своего народа в том, чтобы вновь расселиться и возвратиться из губительного «следования шумерским путем» к догосударственным традициям пращуров* (в частности, «буго-днестровцев» и «сурско-днепровцев»), — что успешнее всего воплотилось в судьбах северной части Аратты (см. выше). Южные же ее переселенцы в Троаду в большей мере сохранили уровень араттской цивилизации.

Впрочем, ни те ни другие не отреклись от своих этнокультурных связей и государственных традиций — на что будет многократно указываться ниже при рассмотрении наследников 'Солнцеподобной' Аратты: 'Солнечных' же малоазиатского Илиона и приднепровского Гелона, потомки которых хранили или же воссоздавали в Европе то Артану, то Арсанию с Артой, то Артаплот...

А сейчас перейдем к рассмотрению древнейшего и наиболее близкого к Шумеро-Аккаду форпоста тогдашней Аратты.

3. Северо-месопотамская Аратта

Вышеочерченные противоречия (пра)индоевропейской Аратты с семитизированным Шумеро-Аккадом — не только научный вывод, но и исторический факт, письменно засвидетельствованный поэмой «Энмеркар и верховный жрец Аратты». Правда, повествуется в ней не о выше рассмотренных подунайской, а затем поднепровской Араттах, — а об иранской Аратте, которую М.Ю.Видейко отождествляет с неплохо исследованным городищем Шахри-Сотхе в низовьях р. Хильмунд. Если это действительно так, то возникновение

данного форпоста на рубеже IV—III тыс. до н.э. и его тяготение к культурам Южной Туркмении не позволяют связывать его с описанными выше переселениями племен буго-днестровской и трипольской культур. Намного вероятней другое: участие в создании этой Аратты жреческих кланов, странствовавших «азово-черноморской линией» (по В.Н.Даниленко, Ю.А.Шилову, В.А.Сафронову, А.Г.Кифишину и др.) между Поднепровьем и Месопотамией, разведывая одновременно и путь грядущего переселения араттов и ариев в Индию... Такое предположение подтверждается находкой в древнейшем слое Шахри-Сотхе печати из Джемдет-Насра — древнейшего же шумерского города Шу-нуна, родственного приднепровскому Шу-нуну. Тем более, что в рассматриваемой поэме немалое внимание уделено изрядно призабытым уже обстоятельствам изобретения письменности (см. выше о летописи и библиотеке того и другого Шу-нунов).

Поэма «Энмеркар и верховный жрец Аратты» записана на нескольких более или менее уцелевших глиняных табличках и состоит из 30 разделов... Энмеркар — имя верховного жреца шумерского города-государства Урука, главный храм которого является «домом Энлиля». Аратту же и ее главный храм основала Инанна, а опекает ее возлюбленный Думузи. (Вспомним, что все эти три и много иных божеств впервые засвидетельствованы еще в доиндоевропейской части вышеуказанной летописи Каменной Могилы.) Сообщается также, что выходцы из Аратты основали Урук, — однако его жрец-правитель добивается теперь отвращения Инанны от метрополии и подчинения ее Уруку. В знак покорности жители Аратты должны предоставить для реконструкции его храмов металлы, камень, строительные материалы, а также ремесленников; за невыполнение угрожается разрушением городу, рабством населению, убийством главному жрецу. Тот на угрозы отвечает так:

*Я — верховный жрец, назначенный чистой рукою (Инанны).
Скипетр небесного царя (Ану), владычица вселенной,
«Иннин» всех законов, светлая Инанна
в Аратту, страну чистых обрядов воистину меня привела,
в горах пред нею поставила словно врата, —
то как же Аратта может покориться Уруку?*

.....
*Гора(-Аратта) — это герой, напитанный мудростью,
она подобна вечерней заре, идущей к родимому дому
и прогоняющей мрак пред своим (лучезарным) лицом.
Она подобна луне, вздымающейся на небеса,
лик которой блеском исполнен.
Она подобна деревьям, окружающим горы.*

(Снова-таки обратим внимание на совпадения «чистой руки» богини с «Рукою владычицы», как издревле именовали Каменную Могилу аратты, пра- и -шумеры; в обоих случаях «руки» сопряжены с «законом».)

Внявшая увещаниям Энмеркара, Инанна отвернулась было от Аратты и перестала ее защищать... Гонец несколько раз носил грозные приказы из Урука в Аратту, а обратно — неопределенные ответы. Приказы, помимо требований и угроз, включали магические загадки и напоминания о тех временах, когда не только Шумер и прочие страны (не дунайско-днепровская ли Аратта, прародина Энлиля, Инанны и др.?), а «все благочестивое человечество, вся вселенная общим наречием искренне восхваляли Энлиля», чей храм теперь — главный в Уруке. Ответы тоже апеллируют к исторической истине (см. цитату) и сетуют на то, что нынче «Аратта подобна отаре,

которая разбрелась; пути ее — враждебная (араттам) земля»; взамен дани, которую вымогает Энмеркар, его коллега-антипод молит прислать зерна своим страждущим от засухи соотечественникам. Не сразу, однако же, удовлетворяется эта мольба. (Для понимания этноисторической принадлежности Аратты немаловажно то обстоятельство, что зерно из Урука привозят ослами, а дань аратты собираются отправлять лошадьми — впервые прирученными арийскими племенами каспийско-черноморских степей.) А пока благодарные горожане собирают в ответ караван, нетерпеливый Энмеркар вновь присылает гонца — с новой головоломкой о скипетре, который надлежит принести в храм Энлиля. На это верховный жрец Аратты отвечает достойной загадкой. Такое дипломатическое общение вскоре настолько запутывается, что несчастный гонец уже не в состоянии запоминать поручения. Вот тогда-то Энмеркар будто бы изобретает письмо — которое его «неграмотный» коллега из Аратты без затруднений прочитывает. А пока обдумывает очередной ответ — Инанна, смилосердясь к родному городу, поливает его поля долгожданным дождем.

Теперь Аратта спасена от жажды и голода, защищена разливами рек! К тому же богиня устраивает здесь праздник в честь воскресающего Думузи... Ввиду таких неблагоприятных для себя перемен, Энмеркар решает закончить спор миром — и отправляет в Аратту новую партию зерна, а также скот на предстоящее празднество. В ответ на это аратты посылают-таки дары для храмов Урука... Конец поэмы почти не сохранился, но все же понятно, что некто на празднике поучает Энмеркара: *дела следует улаживать не войною, а миром.*

Как видим, основная идея поэмы не утратила свою актуальность поныне. Тем более что симпатии автора — на стороне миролюбивой Аратты...

В заключение лекции укажем на то, что главный герой упомянутой выше «Поэмы о Гильгамеше» выводил свой род из Аратты и был пятым в династии, правившей Уруком в начале III тыс. до н.э. Возможно, что не без этого обстоятельства Поднепровье вспомнило о Гильгамеше в трудные годы конфронтации с Шумеро-Аккадом...

Вспомним еще и еще раз о том, что **на Руси традиция Арты-Арсании просуществовала до татаро-монгольских времен**, что Артаплот (река на Полтавщине) и поныне струится на Украине. В Иране память об Арте (возможно, о рассмотренной в данном разделе; но не от иранцев ли арабские купцы-путешественники узнали о русской, приднепровской Арсании?) доныне остается синонимом Золотого века и Высшего миропорядка. А индусы именуют свою страну Бхаратой — «Божественной Аратой»; есть там и провинция Арата... Синдо-иранской традицией согласуется то, что **государственный строй пра-, а затем индоевропейской Аратты был общинным, то есть доклассовым или первобытнокоммунистическим.**

***

Основная литература:

Кифишин А.Г. Геноструктура догреческого и древнегреческого мифа // Образ — смысл в античной культуре. — М., 1990.

Михайлов Б.Д. Петроглифы Каменной Могилы на Украине.—Запорожье, 1994.

Кифишин А.Г. Шумерські та протошумерські написи Кам'яної Могили; Жерці Чатал-Гуюка на Кам'яній Могили у 6200 р. до н. е. // «Український Світ».—К., 1995, 1—3; 1996, 4—6.

Энеолит СССР. — М., 1982.

Энмеркар и верховный жрец Аратты // «Вестник древней истории».- М., 1964, 4.

Ариан — страна ариев

1. Историография проблемы *Арии!*.. Есть ли в истории более легендарный народ?

Имя его нынче связуется больше всего с идеологией «третьего рейха» и Второй мировой войной. Но научная истина гораздо интересней и глубже...

Начав освоение Индии, европейские купцы и миссионеры, а за ними колонизаторы и ученые XV—XVIII веков начали замечать с удивлением, что санскрит — *искусственно созданный* язык древних книг и брахманов — довольно понятен для них. Более или менее совпадали грамматика, лексика, имена дохристианских богов индусов и европейцев. Вот взять, например, общеизвестного Зевса — Дзеуса, *Дия*, — как его еще называли. Ему, оказывается, родственны не только кельтский *Дис*, славянский *Див*, иранский *Дэв*, — но также индийский *Дьяус* или же *Дьява*. И во всех случаях первоначальное значение этих имен — *‘День’*, *‘(Светлое) Небо’*...

С конца XVIII в. началось становление индологии, которую на первых порах возглавляли английские языковеды; немного спустя к ним присоединились французские, немецкие, русские. Довольно скоро ученые разобрались, что древнейшей книгой Индии [до открытия летописи приднепровского Шу-нуна казалось, что и Земли вообще] является Риг-веда — *‘Речь ведать’* или «Гимнов (священных) знание». Позже установили, что Ригведу создали племена, пришедшие на северо-запад страны в середине 2 тыс. до н. э.; прародина этих племен — ариев (не то *‘оратаев’*, не то *‘кочевых (овцеводов)’*; в Индии это имя обрело значение *‘благородный’*, т.е. элитарный), как они себя называли — находится где-то на Западе, где выпадают снега, произрастает береза и встречается таинственный камень янтарь... Прояснилась первопричина родства индоевропейских культур! Начался научный поиск арийской прародины.

В этом поиске лидерство надолго перехватили немецкие исследователи. Еще бы! — их воодушевляли вышеупомянутые янтарь и береза... ну, если и не германские, то все-таки прусские. О том, что на территории России тоже произрастают березы (в арийские времена — аж до Черного моря), что янтарь встречается и в Поднепровье (в устье Псла, например), — как-то не думалось...

Как бы там ни было, а Р. Рот, за ним А. Людвиг осуществили классический перевод Ригведы на немецкий язык. Вскоре первый из них в соавторстве с О. Бетлингом начал издавать в Петербургской Академии наук 7-томный словарь санскрита (1852—1875). В те же годы их коллега Ф. Бопп опубликовал «Сравнительную грамматику санскритского, зендского, греческого, латинского, старославянского, готс-

кого и немецкого языков», к которым присоединил затем еще и армянский, старопрусский и др. Эти труды подытожили 100-летие разработки индоевропейской («индогерманской» или «германо-арийской», как принято было тогда говорить) тематики и заложили прочный фундамент для дальнейших исследований.

Наряду с разработкой генеральной, вышеочерченной линии исследовалось именно арийское ее ответвление — судьба тех пяти племен, которые дошли до Пенджаба и почему-то нарекли свою новую родину не *Арианом* (*Ираном*, как называли свою страну арийские же племена иных переселенцев), а *Бхаратой* — ‘Божественной *Аратой*’ (см. предыдущую лекцию). Истоки этой судьбы просвечиваются в грандиозных эпических поэмах «*Рамаяна*» и «*Махабхарата*», равных которым нет в мире...

На рубеже XIX—XX веков возобладали теории Й. Шмидта о «культурных волнах», расходящихся из немногих высокоразвитых центров. К несчастью, рациональное зерно этой научной теории обрело спекулятивный характер, питавшийся в те (как, впрочем, и в эти) времена националистическими амбициями и недоработками источниковедческой базы. Таким образом, австрийские ученые К. Паапе и К. Пенка, а за ними их германский коллега Г. Коссина — опиравшиеся на ненадежные археологические и антропологические данные — разместили «индогерманский» (праарийский) центр на территории Германии и Скандинавии... Это-то и было взято на вооружение идеологами «третьего рейха» — превратившими затем научную полемику в геноцид «неариев».

Между тем уже с начала XIX века выдвигались иные гипотезы относительно прародины индоевропейцев и ариев. Так, немецкий географ К. Риттер обратил внимание на созвучность наименования *Индии* с (*С*) *Индикой* — как называлось низовье Кубани вместе с Таманским полуостровом в скифо-античное время. Обратив на это внимание, Риттер предположил, что именно отсюда арии переселялись в Индию. В годы Второй мировой войны австрийский языковед П. Кречмер не только пришел к такому же выводу, но и сопоставил указанную выше «*новую Синдику*» античных авторов со «*старой Синдикой*», которая располагалась в низовьях Днепра. Так не отсюда ли, задолго до скифов и греков, произошло переселение ариев?... Во всяком случае, немецкий языковед О. Шрайдер, английский и польский археологи Г. Чайлд и К. Сулимирский уже в довоенные годы размещали прародину индоевропейцев и ариев в Черноморско-Каспийских степях; до недавнего времени эту позицию отстаивала выдающаяся американская исследовательница М. Гимбутас.

В 1950-е годы болгарский языковед В. Георгиев и украинский археолог В. Даниленко сузили круг прародины ариев и индоевропейцев до низовьев Днепра. Впоследствии проблема индоевропейской общности намного усложнилась, сопряглась с проблемами Аратты и Шумера (см. предыдущие лекции). Что же касается ариев, то факт их нижнеднепровской изначальной прародины подтвержден фундаментальными трудами языковеда О. Н. Трубачева «*Indoarica в Северном Причерноморье*» («Вопросы языкознания». — М., 1976-1981) и нескольких современных археологов.

Как понимается современными археологами общность арийских племен, отпочковавшаяся примерно в середине IV—III тысячелетий до н.э. от индоевропейской общности — более обширной и древней?

В. Н. Даниленко («Энеолит Украины». — К., 1974) лишь предположил, что ариев следует искать в «азово-черноморской линии развития степного энеолита», связавшей собою Триполье с цивилизациями Ближнего Востока (см. предыдущую лекцию). Указание оказалось верным по существу — тем более что исследователь предоставил ключ: необходимо расшифровать мифоритуалы, запечатленные в археоло-

гических памятниках, — а затем сопоставить полученные расшифровки с Ригведой и прочими словесными фиксациями мифотворчества индоевропейских племен.

В.А.Сафронов («Индоевропейские прародины». — Горький, 1989) поиск ариев в Северном Причерноморье и на прилегающих к нему территориях основал на сопоставлениях археологических и лингвистических данных. В результате иранское ответвление арийской общности было соотнесено им с ямной археологической культурой будто бы центральноевропейского происхождения, а индийское ответвление — с выделяемой им и Н.А.Николаевой днепро-кубанской культурой... Это построение имеет ряд серьезнейших упущений. Во-первых, недооценены древнейшие в Европе скотоводческие сурско-днепровская и генетически обусловленная ею среднестоговская культуры конца VI — начала III тыс. до н.э. Во-вторых, проигнорирована мощнейшая трипольская культура (Аратта), без рассмотрения роли которой невозможно адекватно понять ни вышеупомянутую «азово-черноморскую линию», ни сформировавшуюся вокруг нее общность арийских племен. В-третьих, вышеуказанные и другие упущения значительно исказили картины и возникновений, и взаимодействий двух ветвей индо-иранской или арийской общности.

Ю.А.Шилов («Прародина ариев». — К., 1995) решил взаимосвязанные вопросы возникновения и формирования данной общности, а также Ригведы (впоследствии окончательно оформленной в Индии) — опираясь при этом на указания В.Н.Даниленко, О.Н.Трубачева и стараясь избегать просчетов В.А.Сафронова...

2. Нижне-днепровская прародина ариев

Основной метод построения «Прародины ариев» заимствован (не только автором, но и другими археологами) из языкознания, где он именуется семиотикой — ‘наукой о знаковых системах’.

Исследователи курганов давно уже знали, что эти «пирамиды степей» содержат в себе три категории данных: вещи, захоронения, насыпи. По мере развития археологии последовательно углублялось их освоение. С вещами ученые разобрались в основном уже к началу XX века; присовокупив сюда и погребальный обряд, В.А.Городцов выделил в доскифских курганах три основные культуры — ямную, катакомбную, срубную (по типу могил). Вопрос о необходимости тщательного исследования курганной насыпи был поставлен лишь в начале 60-х годов — и впервые решен Ю.А.Шиловым, открывшим в «кучах земли» гигантские символы Праматери, небесных светил и прочих подобий давно уже известным на Западе «мальтийским богиням», «изобразительным курганам», др. Главное, что освоение насыпи сделало курган цельным научным источником — и позволило приступить к массовым расшифровкам отраженных в этом источнике мифоритуалов. Параллельно осуществлялось их сопоставление с теми, которые запечатлены в Ригведе и других литературных памятниках; задача намного облегчилась с выходом энциклопедического двухтомника «Мифы народов мира» (М., 1987—1988).

По авторитетному заключению голландского исследователя ведической культуры и выдающегося санскритолога Ф.Б.Я.Кейпера, *основной мифоритуал Ригведы — зародыш мироздания Вала, охраняемый змием-асурой Вритрой; появляющийся затем змиеборец Индра с помощью «трех шагов Вишну» и фаллосовидной палицы-ваджры освобождает и раскалывает «Вместилище» — Валу; так начинается каждый новый годовой цикл очередного дня Брахмы...* Русское (М., 1986) издание «Трудов по ведической мифологии» Кейпера снабжено восторженным предисловием Т.Я.Елизаренковой — главным нашим знатоком Ригведы — и потому принято автором «Прародины ариев» в качестве основного (вместе с Ригведой, прокомментированной Елиза-

ренковой и др.) инструмента анализа соответствующих археологических памятников. Комплексные, а тем более отдельные соответствия именно этим представлениям были обнаружены Шиловым, а потом и другими археологами во многих древнейших курганах Степного Поднепровья и прилегающих к нему областей.

Наиболее ранние из известных теперь соответствий сконцентрированы возле Усатово и в устье Псла: на морском побережье в районе Одессы и на левом берегу Днестра в районе наиболее северного пограничья степи. Первая группа памятников типолого-исторически древнее, поскольку переводит в курганный обряд образ яйца-змеи (Валы и Вритры) — издревле бытовавший в буго-днестровской, а затем и в трипольской культуре. На ее-то среднем этапе (а не из усатовского варианта позднетрипольской культуры) этот образ и проник, судя по имеющимся данным, в обряд рассматриваемых ниже арийских святилищ.

Древнейшее из доныне известных было обнаружено под курганом Цегельня. Оно представляло собой змеевидный ров с ямой-«яйцом» возле хвоста. «Змия» периодически кормили — что засвидетельствовано обломками в его головной части четырех корчаг раннего этапа среднестоговской культуры, а также фрагментами днепро-донецкой керамики. Вторая из этих культур контактировала, как мы помним, еще с сурско-днепровской, предшествовавшей среднестоговской; затем днепро-донецкая культура породила постмариупольскую — раннее погребение которой было совершено рядом со святилищем. Это захоронение сопровождали подобным «змием-с-яйцом», а затем все перекрыли первичной насыпью... Основа кургана Кормилица оказалась подобна последнему комплексу — но была существенно дополнена гранитными стелами и алтарем. На нем периодически устанавливали пару антропоморфных изваяний, которым порой придавались также фаллические и стопообразные очертания. По прошествии некоего времени (года?) пару свергали и вкапывали в змеевидный ров вниз головой (т.е. «змей пожирал божества»), а на ее место — не сразу же (в канун нового года?) — устанавливали следующую, подобную пару; так повторилось почти семь раз. В целом обнаруживается полное соответствие с трактовкой Ф.Б.Я. Кейпером основного мифоритуала Ригведы... В основах последующих курганов в устье Псла прослежено присутствие только образа Валы.

Рассмотренная группа курганов использовалась на протяжении двух тысячелетий, между серединами IV—III тыс. до н.э. То же можно сказать и о многих других курганных группах Дунайско-Донского междуречья, да и не только его. При этом определимые соответствия основному арийскому мифоритуалу обнаружены уже в комплексах всех археологических культур, следовавших за среднестоговской и постмариупольской — включая постарийские курганы киммерийцев и скифов (у с. Каиры недалеко от Каховки). Обнаруживаются также иные ведические мифоритуалы и образы.

В курганах у Большой Александровки и близлежащего Староселья (междуречье Ингульца и Днестра) гораздо отчетливее, нежели в рассмотренных выше курганах, прослеживается зарождение арийской общности племен вследствие взаимоконтактов странствовавших жрецов Аратты и Шумера. В предыдущей лекции уже упоминалось о паре соответствующих захоронений в основе Великоалександровского кургана. Далее здесь установлено, что непосредственным следствием данного контакта явилось образование кеми-обинской культуры — касты древнейших арийских брахманов, основной целью которых долгое время являлось обеспечение пути вдоль «азово-черноморской линии» (по В.Н. Даниленко). Выявлены также специфические соответствия образам: Адити — матери Индры и прочих братьев Адитьев, из которых обнаружены еще Дакша, Митра и Варуна, Манус и Яма; солнечным Савитару,

Сурье, Пушану; грозному Рудре, близнецам Ашвинам, воскресающим Рибху. Здесь же обнаружен переход араттского учения о «дне Брахмы» в арийский — где оно было затем на протяжении двухтысячелетнего почитания Высокой Могилы и проч. курганов, а после сохранялось, по-видимому, жителями возникшего в середине 2 тыс. до н.э. арийского поселения — жизнь на котором (с перерывами?) продолжалась и в древнерусский период; *не отсюда ли пошел столь характерный для украинцев Рахманский Великдень?*.. Еще одна важнейшая особенность Высокой Могилы: ее верхняя, кануна частичного переселения ариев в Индию, досыпка обнаруживает специфические соответствия как «Свадебному гимну» Ригведы, так и комплексу трех алтарей *шрута* — которые доныне сооружаются в Индии-Бхарате для *‘прослушивания’* ведических гимнов...

Выразительнейшие отражения уже ариезированного учения о «дне Брахмы» прослежены еще в нескольких курганных группах, наиболее примечательными из которых являются Белозерская и Чонгарская — располагавшиеся у одноименных сел в долине пересохшего левобережного притока Днестра и на полуострове в Сивашском заливе Азовского моря.

Белозерский курган 2 многократно достраивался носителями всех трех выделенных В.А.Городцовым культур эпохи меди и бронзы. На рубеже катакомбной и срубной, примерно в XVII—XVI веках до н.э., очередной досыпке придали крестообразные очертания, а центр ее сопровождали троекратным костром и жертвоприношениями крупного рогатого скота; затем был сожжен человек (неясно, жертвенный или умерший). Этот комплекс отвечает образу Хираньягарбхи — «Огненного зародыша (мироздания)». Подобное повторилось и в самой верхней досыпке — однако кресту придали очертания солнечной птицы, возносящей трупосожжение на небеса. Такие погребальные площадки доныне сооружаются в Индии, а в мифоритуале нетрудно распознать героя Гандхарву, возносимого орлом Супарной... Ответ небес посольству Гандхарвы запечатлен в семи довольно сходных досыпках срубного кургана 1. Их крестообразности было придано соответствие с мужской фигурой, в фаллической гипертрофированности которой нетрудно распознать ведического Ваджу-‘Семя’. Оно символизировало благодатную сущность бытия, — этим-то учредителям мифоритуала небеса и ответили... Но благоденствие продолжалось недолго, примерно до начала XV в. до н.э. Сооруженный в это время курган 6 имел очертания «вселенского змия» (голова и хвост с символикой Солнца и Луны, тело же — Млечного Пути) с признаками ведического вседержителя Шеши, испепеляющего-обновляющего мироздание на рубежах очередных «дней Брахмы». Действительно: этот курган стал последним в округе; последующие были возведены лишь тысячелетие спустя, уже в скифское время (то же — у Староселья, на Чонгаре и др.).

Чонгарский курган назывался Гарман — по-южноукраински ‘Ток’, который действительно устраивался на нем до недавнего времени. В двух-трех километрах от него было обнаружено упомянутое в предыдущей лекции зимовье(?) араттов, странствовавших «азово-черноморской линией» в направлении Крыма; их памятники могут обнаружиться в основе близлежащего кургана Могила. Что же касается Гармана, то во времена ямной и катакомбной культур он был зауряден — но вот последняя досыпка срубного времени сделала его одним из наиболее выдающихся сооружений планет... Полукилометровая насыпь и до, и в процессе раскопок обнаружила конфигурацию «змия-и-посоха», соприкасающихся своими концами. Внутри змия была выявлена пара яиц с признаками Хираньягарбхи и Валы (см. выше); посох же как бы стимулировал их порождение. Весь комплекс соответствует (по Кейперу) индоарийской мифологеме о вседержителе Шеше, на кольцах которого почи-

ваает бог-странник Вишну. Он просыпается накануне каждого Нового года и помогает змиеборцу Индре добывать Валу; когда же в конце «дня Брахма» просыпается Шеша, то испепеляет своим дыханием все мироздание. В соответствии с последним функционирование кургана (также как у Староселья и Белозерки) оказалось завершено трупосожжением. Однако, в отличие от змия-вседержителя белозерских курганов, чонгарский Шеша призван был возродить «день Брахмы» посредством Хираньягарбхи... *Подобно памятникам у Староселья, памятники Чонгара тоже указывают на возможность доживания аратто-арийской традиции до древнерусских времен. Только среди остатков рубежа 1—2 тыс. н.э. здесь преобладают не славянские, а печенежские — в виде могильника, устроенного вдоль Гармана. Не были ли это потомки арийского племени чангар? — часть которого доныне проживает в Пенджабе, а часть под именем цыган (-чингян-чангар, по мнению этнографа-языковеда И.М.Оранского) как раз в указанное время вернулась в Европу. К тому же чангары свои токи, как и украинцы, называют гарданами или гирманами;* так же называют они и ритуальные кучи зерна на токах, которым придают продолговатые, вроде бы человекоподобные очертания...

Обстоятельная аргументация арийской принадлежности доскифских курганов украинского Поднепровья и других степных регионов содержится в вышеуказанной монографии Ю.А.Шилова «Прародина ариев». В заключение данного краткого раздела нашей лекции необходимо остановиться на весьма важном вопросе — **истоке и специфике арийской разновидности индоевропейского института Спасительства.**

В предыдущей лекции упоминалось о том, что *этот институт сложился в государстве Аратта и был тесно связан с истоками учения о «дне Брахмы»*; в данной лекции указано на восприятие этого учения ариями. Формируя их общность, «кеми-обинцы»-брахманы избрали на роль арийского Спасителя одного из ярчайших героев рассмотренных выше мифоритуалов «дня Брахмы» — Гандхарву.

Имя его сродни греческому (по-видимому, пелазгийскому) Кентавру. Такое сходжение обнаруживает за собирательным героем образ древнейшей конницы мира. Существенная разница между кентаврами и гандхарвами заключается в том, что первые воспринимаются как бы со стороны («получеловек-полуконь», откуда происходит древнерусский *Полкан*), тогда как вторые — «летащими (на конях и вооруженными, к тому же, молотами-клевецами в виде вороньего клюва)». Можно полагать, что мифологема Кентавра сложилась в араттской среде, а родственного ему Гандхарвы — в среде ариев, первыми приручивших коня.

Рядом с пережженными останками человека на вершине Белозерского кургана 2 были найдены обломки костей крупного животного — возможно, коня. Именно такое сочетание выявлено в однокультурном Скворцовском кургане (недалеко от Каховки), символизировавшем «третий шаг Вишну» и тоже связанном с «днем Брахмы»... Более глубокий культурно-хронологический пласт соответствий Гандхарве представлен изображением на вершине Каменной Могилы: человек и конь лежат у подножия антропоморфного идола, обрамленного календарными «елочками» и «лицом непроявленного божества». Изобразительные аналоги (особенно из Высокой Могилы у Староселья) указывают на кеми-обинскую, т.е. брахманскую принадлежность этого памятника и отношение его к середине III тыс. до н.э. ... Затем следуют так называемые конеголовые скипетры — каменные навершия в виде взнузданной лошадиной головы и весьма схематического туловища со всадником. Эти изделия соотносятся в основном с древнейшей конницей новоданиловской культуры — сложившейся на рубеже IV—III тыс. до н.э. на основе среднестоговской и постмариупольской культур, вполне освоившей «азово-черноморскую линию» (по Данилен-

ко). Данные скипетры могли уподобляться последующей «стреле Аполлона» в руках его странствующих служителей-звездочетов (вспомним и предшествовавших странников малоазийской прародины индоевропейцев, около 6200 г. до н.э. заложивших этот обычай), т.е. служить знаком избранничества и посвященности (жертвующего собою Гандхарвы)... С предшествующим пластом соотносимы жертвенные останки человека-и-коня, обнаруженные в основе кургана Чауш над Новосельской переправой через Нижний Дунай.

Суммируя вышеприведенные и другие археологические, ведические, этнографические данные, Ю.А.Шилову удалось реконструировать мифоритуал и определить его как *Гандхарва — арийский Спаситель*. Происходило все так:

Согласно традиции, учрежденной брахманами араттского происхождения («кеми-обинцами») с целью обеспечения пути в Шумер и др., вызывался-назначался герой. Его обязанностью было пространствовать год по арийским просторам, вернуться затем — как воплощению пространства-и-времени или вселенной — в родимое племя и отдать себя здесь на заклание. Оно совершалось прилюдно и сопрягалось с последующим причастием; это применялось жрецами для вызывания шока и раскрытия подсознания своих соплеменников. Считалось, что в момент самопожертвования герой Гандхарва (Пуруша и др.) перевоплощался в бога — ‘Отца существ’ Праджапати, — и такую метаморфозу обязан был прочувствовать каждый участник обряда. Далее следовал ритуал воскрешения — но уже не существа-вещества, а духа-поля, которое именовалось Вираджд-‘Сияние’. **Отождествление с воскресшим Спасителем на уровне подсознания закрепляло у народа чувства бесстрашия, патриотизма, готовности к самопожертвованию во имя всеобщего блага...**

Можно считать, что на вершине Каменной Могилы — величайшего из известных донныне святилищ планеты — был изображен канон арийского Спасительства с участием Гандхарвы, Праджапати, Вираджд. Эту Троицу следует рассматривать как наиболее развитую предшественницу Православия; тем более, что реминисценции образа Гандхарвы донныне бытуют среди потомков казачества...

3. Ариан: от Аратты до Бхараты Итак, общность арийских племен возникла как специфическое явление в рамках более обширной и древней по своему происхождению «индоевропейской общности», которая в VII—IV тыс. до н.э. формировалась преимущественно в Циркумпонтийской зоне. Этнокультурным ядром индоевропейцев и зоны было древнейшее в мире государство Аратта, основанное не на воинской силе — а на жреческой мудрости, не на насилии — а на самопожертвовании. *Формирование арийской общности степных полукочевых скотоводов — родственников и соседей земледельческой оседлой Аратты — явилось прямым следствием обеспечения пути из этой ‘Солнцеподобной страны’ в Месопотамию и Малую Азию.*

Отслеживая возникновения и бытования вышерассмотренных и других мифоритуалов, автор «Прародины ариев» особое внимание обратил на то обстоятельство, что — исходя преимущественно из трипольской и кеми-обинской культур (т.е. от Аратты и ее миссионеров) — эти мифоритуалы не имеют затем жестких этноисторических ограничений. Иными словами: *арии не сводимы к той или иной археологической культуре (народности, племени) — это действительно-таки общность племен и народностей, причем зачастую разноэтничных.*

Пуповина арийской общности — причем не столько в содружестве разноэтничных племен (в данном случае: среднестоговских, днепро-донецких и постма-

риупольских, трипольских и нижнемихайловских), сколько в ведическом на-
полнении ее основного мифоритуала — обнаруживается в святилищах и могиль-
никах устья Псла и в поселении у современного с. Деревка на противоположном
берегу Днепра. Эти памятники возникли в середине IV тыс. до н.э. (или раньше,
что пока уточняется).

Разгадка времени не составляет труда: Аратта как раз строила свои города, акти-
визировала выход к рудникам Кавказа и своей Малоазийской прародине, участво-
вала в возникновении Шумера, брала под контроль древнейшую конницу своих
непокойных соседей... Что же касается места, то оно обусловилось не так ландшаф-
тно-географическими и эколого-хозяйственными особенностями района, как на
редкость мощной его энергетикой. Ибо здесь выходит гранитный кряж, оканчива-
ется Курско-Криворожско-Комсомольская магнитная аномалия с ее разнообра-
зными рудами, а главное — наличествует редкостное скопление мантийных каналов.
Последние представляют собой некие гравитационные потоки, восходящие из зем-
ного ядра в неизведенные пока еще центры Вселенной. Замечено, что именно к та-
ким скоплениям тяготеют проявления малопонятных современной науке феноме-
нов; именно в эти же каналы идеально — по данным аэро- и георазведки — оказа-
лись «вписаны» рассмотренные выше курганы Цегельня и Кормилица...

Гармоничный союз Аратты и Ариана в лице связанных с «азово-черноморской
линией» носителей нижнемихайловской и среднестоговской, а затем кеми-обинс-
кой и ямной культур просуществовал около тысячелетия — до укоренения усатовс-
кой культуры с ее морским путем в Малую Азию и до проникновения в Днепро-
Дунайское междуречье из Закавказья старосельского типа алазано-беденской куль-
туры (тип этот определен Сафроновым и Николаевой как днепро-кубанская куль-
тура индоариев — см. выше).

По ряду признаков «старосельцы» оказались хурритами — древнейшими картвела-
ми или тесно соприкасавшейся с ними группой индоевропейских племен. Их появле-
ние в ядре формирующихся ариев было каким-то образом связано с северомесопотамс-
кой экспансией Аккадской династии, воцарившейся в конце XXIV в. до н.э. в Шумере
(см. предыдущую лекцию). Прослежено также, что принесшие обилие металла и пер-
вые повозки пришельцы образовали с местными «ямниками» более прогрессивный
союз, нежели тяготевшие к Аратте «кеми-обинцы». Следствием хуррито-арийского со-
юза стал совместный поход в сторону Закавказья (и Месопотамии) — вероятно, с целью
некого отпора захватчикам (возможно, для участия в восстании «пяти народов» против
засилия аккадских владык Саргона, а затем Нарамсина). *Вернувшись из похода, союзни-
ки на рубеже XXIII—XXII вв. до н.э. построили каменную крепость (первую в Восточной
Европе!) над удобной переправой через Днепр в районе Михайловки — Лепетихи. Ее в
некоторой мере можно считать зародышем будущей северомесопотамской Митанни —
первого арийского государства* с соответствующей правящей элитой, опиравшейся на
местный хурритский этнокультурный массив. Впоследствии Митанни (совместно с
соседской, рассмотренной в предыдущей лекции Араттой?) стала, вероятно, непосред-
ственным трамплином для частичного переселения в Индию; оставшаяся же часть яви-
лась подосновой становления Урарту — предтечи Армении...

Помимо строительства крепости, проявились и другие воздействия рабовладель-
ческой цивилизации Шумеро-Аккада. Особенно наглядна смена археологических
культур — ямной на катакомбную. При этом распространение катакомбных могил
(по сути семейных склепов многократного использования) сопрягалось с распрост-
ранением малоизвестных ранее групповых захоронений, перезахоронений и расчле-
нений покойников. Менялись не только родо-племенные связи, но и жизненно важ-

ные аспекты мировоззрения: на бытие и небытие, на посмертные судьбы души и особенности потустороннего мира. Все это специально рассматривается в шумеро-аккадской «Поэме о Гильгамеше» — и не случайно местные сосуды с изображением ее центрального эпизода оказались в раннекатакомбных погребениях Молочанско-Днепровского междуречья, да еще и одновременно с прекращением 5(если не 10)-тысячелетней летописи расположенной здесь Каменной Могилы. Не отрицание ли бессмертия царем Гильгамешем — чья династия выводила себя из Аратты — сказалось тут?... В общем, пагубное воздействие рабовладельческой идеологии на общинный строй Ариана не вызывает сомнений (см. предыдущую лекцию). Иной вопрос: привело ли оно к зарождению классовых отношений и т. п.? Соответствующих данных не обнаруживается. Можно говорить лишь о *всплеске индивидуализма (индивидуализации посмертного существования и проч.) — но и он означал разложение веками освящавшихся связей, в том числе и Спасительства*. Закономерно, что именно в раннекатакомбной культуре впервые проявились ведические соответствия буйному Рудре и Марутам, его сыновьям («Рычащему», «Мертвецам» и др.), характеризующихся в арийском пантеоне непочтительностью к старшим богам...

В предыдущей лекции мы выделили то обстоятельство, что доклассовое государство Аратта в последние столетия III тыс. до н.э. угасло, рассредоточилось. Однако исследователи обнаруживают некую связь между усатовской культурой позднейшего Триполья и их довольно явственными реминисценциями в северной среднеднепровской и южной ингульской культурах. С первой связывается предыстория части славян, со второй — греков. Сосредоточим сейчас внимание на ингульской культуре: в ней **обнаруживается ключ к тайне разделения былой индоевропейской цивилизации на восточный (индо-арийский) и западный (греко-европейский) пути**.

В отличие от остального Триполья, усатовский его вариант, или, как многие полагают, вполне автономная культура, давно уж вступил на стезю патриархальной индивидуализации личности. Покойников здесь почти не сжигали и хоронили на кладбищах, а то и в курганах, снабжая многочисленным и разнообразным инвентарем; в ходу был и свойственный также «кеми-обинцам» обычай сопровождать обычно(?) умершего жертвой. При этом нередко прослеживаемая приоритетность второй свидетельствует в пользу не классового расслоения на господ и рабов, а особых ролей в потустороннем мире: воскресительных и искупительных, небесных и хтонических. Спасительство, таким образом, обрело здесь особую форму — пока еще, впрочем, сопоставимую с дуализмом ведических дэвов и асуров: богов и демонов вроде Индры и Вритры.

Поскольку керамика, отчасти погребальный обряд, антропология усатовской и более поздней ингульской культуры обнаруживает некоторое сходство, но захоронения последней совершались почти исключительно в катакомбах, — то можно предположить, что мифоритуальный канон этой позднекатакомбной культуры был создан жрецами уходящей Аратты с целью противопоставления идеологической экспансии месопотамской раннекатакомбной культуре. Они отличаются антропологией, керамикой и т. п., подпрямоугольностью и (в ингульской культуре) округлостью катакомб, скорченностью и вытянутостью погребенных, прижизненным деформированием черепов (в восточном ареале) и посмертными масками, соответствующей распространенностью магических курильниц и чаш. В Поднепровье особенностью «ингульцев» является сравнительно частая встречаемость оружия (стрел, булав, топоров); *здесь же (в Каирском могильнике и в окрестностях Каменной Могилы) выявлены соответствия прообразам Зевса Талейского, Аполлона Таргелия и Диониса*.

Первые два божества обнаруживают традицию лендельских, но прижившихся также в трипольской культуре святилищ-обсерваторий (см. предыдущую лекцию). Вместе с тем они основные персонажи главного греческого, а значит, и европейского мифа — о борьбе светоносных олимпийцев с мрачными титанами, стремящимися вырваться из потустороннего мира. Удалось это только лишь Аполлону, а в какой-то мере и его брату Дионису — воскресающему после злодейского умерщвления титанами. Есть веские основания считать, что воплощавшим их покойникам также надлежало «вырывать себя» из загробного царства... (Углубление темы — в заключительной лекции.)

К сказанному выше об ингульской культуре следует присовокупить то обстоятельство, что смена в ней образов Аполлона и Диониса, а также календарной символики на чашах-секстантах совпала с грандиозной геокосмической и идеологической катастрофами. Около 1700 г. до н.э. Телец, чей культ пестовался с 4400 г. до н.э. во всех основных мифоритуалах не только индоевропейских народов, уступил свое первенство в зодиаке Овну; в эти же годы грандиозный парад планет резко изменил активность Солнца — и Средиземноморско-Черноморский бассейн обуял Деаклетианов потоп (см. выше о потопе Огигосове XXII в. до н.э.). Тогда-то был покинут жителями разрушенный землетрясением Крит с его особым культом Зевса Талейского, а на севере Месопотамии возникло арийско-хурритское государство Митанни.

Стало назревать мощное миграционное движение — пик которого в середине II тыс. до н.э. ознаменовался, с одной стороны, многовековым забвением курганного обряда и массовым распространением поселений в духе ранней Аратты, а с другой — частичным переселением ариев в Индию, нареченную ими 'Божественной Аратой' — Бхаратой. Если даже признать, что непосредственное переселение происходило из прикубанской (С)Индики, иранских Митанни и Аратты, или же зауральского Аркаима — то и тогда многочисленнейшие аратто-арийско-индийские соответствия украинского Поднепровья не поколеблят уверенности в *наличии среди мигрантов местных племен и брахманов. Тем более что на Украине — в связи с ее Рахманским Великднем — донныне бытует предание о «переселении рахманов за Синее море».*

Оставшаяся в Дунайско-Донском междуречье часть ариев, как отмечено выше, перестала вдруг заботиться о курганном обряде — и возродила араттскую традицию земледельческо-скотоводческих поселений с практически неизвестными кладбищами. Ясно, что столь специфическое «совпадение» осуществлялось под руководством все той же интеллектуальной элиты — некогда распустившей, а теперь вновь собиравшей Аратту... Новая вошла в историю под наименованием Киммерия — но не только. Этот и другие вопросы будут рассмотрены в следующей лекции.

***

Основная литература:

- Даниленко В.Н. Энеолит Украины. — К., 1969.
Трубачев О.Н. Indoagica в Северном Причерноморье. Источники. Интерпретация. Реконструкция // «Вопросы языкознания». — М., 1981, 2.
Сафронов В.А. Индоевропейские прародинны. — Горький, 1989.
Шилов Ю.А. Прародина ариев; Пути ариев. — К., 1995; 1996.
Лагодовська О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.Л. Михайлівське поселення. — К., 1962.
Телегін Д.Я. Середньостогівська культура епохи міді. — К., 1973.
Шарафутдінова И.Н. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. — К., 1982.

Пелазгия и Гиперборея: легенды и реалии

1. «Темное место» европейской истории

Как «история началась в Шумере», так и «отцом истории» является будто бы древнегреческий путешественник-повествователь Геродот (484-430 г. до н. э.). То есть в обоих — и многих иных — случаях сталкиваемся с искаженными научно-культурными стереотипами,

которые со временем превратились в косную традицию, мешающую разбираться в действительном положении вещей.

Выше мы убедились, что на самом деле история началась в Аратте — из которой, в частности, выводили себя шумеры. А на роль древнейшего историка может претендовать разве что А-энзу — тот доараттский жрец-правитель Шу-нуна (Каменной Могилы на р. Молочной), который где-то в начале VII тыс. до н.э. начал вести летопись мифических, легендарных и вполне реальных событий. Впрочем, и А-энзу был лишь одним в чреде прочих, восходящих здесь к изображениям мамонтов и календарных пометок еще XII тыс. до н.э. ...

Уже более двух тысячелетий европейцы считают, что их история начинается с Греции — точнее, с осады и взятия греками в конце II тыс. до н.э. малоазийской Трои. Между тем сами победители не забывали (см. «Историю» того же Геродота: II, 56; VI, 137; VIII, 44; др.), что их цивилизация возведена на обломках некой Пелазгии, основанной полумифическим гиперборейцем Пелазгом... Считается также, что европейская мудрость проистекает опять же из Греции. В действительности она не только плохо знала свою предысторию, но даже не ведала о происхождении собственных Зевса, Аполлона и прочих богов — склоняясь к мысли, что о приходе их из Египта, Пелазгии, Гипербореи, то о выдуманности их пелазго-троянцем Гомером (которого предпочитали считать греком — однако же ни места рождения, ни времени жизни назвать не могли).

Учитывая вышеизложенное, зададимся вопросом: можно ли исходить в разумении собственных истоков из расхожего мнения: «раз сам Геродот, посетив Поднепровье, не указал здесь славян, — то их тогда там и не было»? Есть они там или нет — «отца истории» волновало куда меньше, нежели истоки Эллады (см. выше). Ведь Геродот задался целью рассмотрения скифов — накануне греко-персидских войн с честью устоявших пред натиском Персии; иные народы (тех же славян, как убедимся попозже) Скифии путешественник упоминает лишь вскользь... Итак, в своих истоках следует разбираться самим — максимально используя бесполовые на сей счет сведения «отца истории» и других достаточно авторитетных античных авторов.

Начнем с Борисф(т)ена, как эллины-греки называли наш Днепр. Считается, что название — древнегреческое и означает «текущий с Севера». А почему не «из берестовых

лесов» Среднего Поднепровья? — где и поныне протекают *Берестенка*, Берестовка, Бересточь, Берестина, Берества и десятки подобных. А если все же именно *Борисфен* — то почему он греческий, а не пелазгийский? Ведь, судя по уже неплохо изученной генеалогии протогреческих, догреческих и древнегреческих имен и племен, *Борисфенос* впервые появляется в окружении прародителя-гиперборейца Пелазга.

Судя по генеалогии пелазгийских племен, Борисфенос был каменным хранителем жизненных сил (не тех ли, которых шумеры локализовали в Каменной Могиле своей араттской прародине? Или тех, которых почитали носители родственных шумерам буго-днепровской, сурско-днепровской, трипольской культур, проживавшие в районах речных порогов?). Высказанные нами предположения подтверждаются несколькими взаимосвязанными обстоятельствами.

Во-первых, родословная *Борисфеноса* соприкасается с не менее мифологическим *Ахелоосом* — человеко-быком, ставшим прообразом или предком троянского героя Ахилла... Так они и соседствовали затем в античной географии Северного Причерноморья: *Борисфен* — низовья Днепра, и *Ахиллов* Бег — нынешняя Тендровская Коса возле устья Днестра. А дальше, по маршруту каботажного плавания на Делос и в Трою (см. ниже), располагался уникальный остров Левка (да) (ныне о. Змеиный). Так же греки называли 'Белую скалу' у входа-выхода потустороннего мира. Считалось, что именно на указанном острове обитают души известнейших героев Троянской войны: Ахилла, Патрокла, Елены.

Во-вторых, пелазгийско-гиперборейский же Борисфенос соприкасается с легендарным своим соотечественником царем Огигосом — во времена которого (по-видимому, в XXII в. до н. э.) случился упоминавшийся выше потоп...

Суммируя вышеизложенные и учитывая нижеизлагаемые факты, можем констатировать следующее:

имеются веские основания начинать античную историю Европы не с описанной Гомером Троянской войны конца II тыс. до н. э., а на тысячелетие раньше — с Огигосова потопа;

вполне перспективно углубление вышеозначенной истории к середине III тыс. до н. э. — ко временам патриарха Пелазга;

Пелазгия тождественна Гиперборее, помимо «гиперборейца Пелазга» (согласно Гесихию) их объединяют Борисфенос — Борисфен — Берестень;

истоки европо-античной истории обнаруживаются не в балканской Элладе или малоазийской Троаде, а в восточноевропейском Поднепровье.

2. Родословная Зевса и его окружения Современные исследователи уже не сомневаются в том, в чем вовсе не сведуши были даже самые мудрые эллины: Зевс-Дзеус-Дий произошел от индоевропейского (индо-арийской Ригведой засвидетельствованного) Дьяуса-Дьявы и был изначально тождественен славянскому Диву, иранскому Дэву, кельтскому Дису и т.д. Неплохо знают ученые и родословную окружения главы олимпийских богов.

Первой супругой Дзеуса-‘Неба’—владыки Олимпа—была *Гера*, третьей — Лато-Латона. Имя Геры выводится из индоевропейского ‘Года’ и близко германскому *Йар*, а также славянской *Яриле* (у белорусов; иные славяне женскую форму этого божества уже позабыли). Греческие мифы повествуют о преследовании Герой как ею же, ‘Герой прославленного’ *Геракла*, так и несчастной Латоны. Первый спасается совершением 12 подвигов — именно так и надлежит вести себя с 12-месячным ‘Годом’. Подобным же образом ведет себя и вторая — но эта сущность Лато пока что мало изучена.

Известно, что древнейшей формой имени критской *Лато* было *Рато* — индоевропейское 'Круг'. Близкое к нему арийское (точнее, ведическое) Рита переосмыслено было в '(Высший) Закон'; Н.А. Чмыхов убедительно показал родственность такого понятия '(календарному) зодиаку'. Такое значение Рато-Лато наиболее сохранилось в гиперборейской ее родословной, довольно полно — хотя и отрывочно — запечатленной античными авторами. Она выступает дочерью Фебы — 'Луны' и титана Коя, сестрой же Лато была Астерия — 'Звезда'. К ней-то — на остров Астерос, позже названный Делосом, — и убежала Лато от Геры, рожать близнецов Артемиду и Аполлона... Календарно-путеводные значения Луны и некой звезды вполне очевидны. Что же касается Коя, то соответствующие значения его имени вполне очевидны лишь в восточнославянской культуре. *Кол(ом)* или же *Гайстером* (ср. с *Астерией*) украинцы называли Полярную звезду. Им же, как и всем славянам, известна *Лада* — к тому же нередко сочетаемая с *Диди* (очевидно, не с позже переосмысленным «Дедом», а с *Дивом-Дием*). Под Ладой славяне, как и греки-ликийцы, обычно подразумевают супругу, женщину-мать, — но вместе с тем ни у кого из исследователей не возникает сомнений относительно ее тождественности с гиперборейско-греческой Латой.

А.Ф. Лосев, Б.Н. Рыбаков и другие виднейшие исследователи образа *Лато-Лады* упускают из виду то достаточно очевидное обстоятельство, что рожденные богиней Артемидой и Аполлоном стали как бы воспроизведением ее же родителей. Ибо популярнейшим эпитетом брата становится *Феб*, сестра же наследует — через приверженность к Медведицам — связь с Полярной звездой... Таким образом, обнаруживается реально-историческая подоплека бегства Рато-Лато-Лады от Геры на Астерос-Делос: реформация содержания лунно-зодиакальной системы. Наиболее радикальным моментом данной реформы стало преобразование бабушки-Луны во внука-Солнце, — что вполне соотносимо с произведенным на рубеже XXIV—XXIII веков до н.э. переакцентированием символик и ориентиров святилищ от британского Стоунхенджа до нижнеднепровской Высокой Могилы.

Следовательно, мы вновь возвращаемся к периоду катаклизм, озаменованному такими природными и историческими потрясениями, как падение праиндоевропейского Шумера под натиском семитского Акадда; миграции арийских, хурритских и прочих племен; Огигосов потоп и др. Этот этноисторический узел подтверждается родством шумерской царицы степей *Нидабы* и царицы одного из пелазгийских племен *Ниобы*. Первая была матерью Нинлиль, супруги аратто-шумерского Энлиля — предтеч славянских Ляли и Леля (сродственных Ладе и, вероятно, некогда предварявших Артемиду и Аполлона). Вторая же была расстреляна вместе с детьми вышеназванными близнецами «за непочтение к их матери *Лато*».

Истоки мифоритуала отмищения за непочтение к календарю обнаруживаются в ротонде (округло-крестообразном святилище-обсерватории типа древнейшего Стоунхенджа) у Фрибригга, на юге Австрии. В центре, едва присыпанные землей, лежали скелеты молодых мужчины и женщины; последняя была убита со спины дротиком или стрелой. Воплощала ли эта жертвенная пара начала IV тыс. до н.э. древнейших *Аполлона* и *Артемиду* — судить пока затруднительно. Более уверенно можно признать такое за *Аполлонией* и *Артемитией* — дочерьми известного уже нам Ахелооса, чей образ соотносим с районом причерноморской части Аратты времен Огигосова потопа.

Выше мы неоднократно затрагивали вопрос о морских связях этого района бытования «усатовской культуры позднейшего Триполья» с малоазийской Троадой; настал момент конкретизировать данный вопрос.

Итак, проявленные связи между Ахелоосом-Ахиллом-Ахилловым Бегом (Тендровской Косой) — Левкой (о-вом Змеиным) довольно очевидно очерчивают этот

отрезок каботажного плавания в Трою, где Ахилл побывал после ристалища Бега и до загробной Левкады... Изображения кораблей критского типа III—II тыс. до н. э., обнаруженные Б.Д. Михайловым в нескольких гротах Каменной Могилы, — несомненное отражение соответствующих морских связей — объясняющих, в частности, способы бегства Лато из Гипербореи на Делос, а затем перенесение Артемидой в Тавриду Ифигении, дочери героя Троянской войны Агамемнона. К тому же среди опубликованных Михайловым изображений имеется выполненная в аратто-лелегском стиле зодиакальная композиция: среди точек-звезд — опрокинутая вверх ногами собака, над ней — женщина с мечом, сражающаяся с копьеносцем-мужиной. Данный календарно обусловленный сюжет имеет специфические соответствия в троянских мифах об Артемиде (Прокриде, Эос) и Зевсе (Кефале, Орионе), душа которого воплощена в «золотом псе» (антитезе колхидского «золотого руна»).

Феба с Лато, затем Лато с Артемидой вполне соотносимы с материнско-дочерними богинями; предшествуя известным греческим Деметре и Персефоне, они вполне могли существовать в причерноморской Аратте второй половины III тыс. до н. э. Так, В.Н. Даниленко определил как «охотничью пра-Артемиду» изображение божества на стеле из кургана 1—3 возле Усатово. Сочетая женское лоно с головою Тельца, оно, скорее, сопоставимо с Дьяусом-Притхиви ('Небом-Землею') или Дьявой индоевропейского пласта Ригведы, — однако же древнейший зодиак в виде Оленя с Олененком над правым плечом божества не позволяет отказаться от резонов Даниленко. Тем более что восточнославянская этнография сохранила память о замене указанной зодиакальной мифологемы на мифологему Медведиц, о связи первой с Рожаницами (затем — с Рождеством Богородицы и Днем урожая), а вторых — с *Комоедицей*. *Комедии* греков тоже посвящались Медведицам, а заодно Артемиде — славянам вроде бы неизвестной. Но это если не знать, что греки называли *артосом* хлеб, вывозимый от «скифов-пахарей» или борисфенитов; не видеть в богине *Арте-м-иде* — '*Арты-м(ать)-Иду*'. Богиня жертвоприношений *Ида* неоднократно упоминается в аратто-арийской Ригведе, а пелазги называли ее именем священные горы у Трои, на Крите, в Элладе; на троянской Иде медведица вскормила Париса. По такой же традиции и «тавская Артемида» — *Дева* (не от женской ли ипостаси *Дива*, предтечи Зевса с его Идой на Крите?) — почиталась в Крымских горах; возможно, еще с араттских и, несомненно, уже с троянских времен.

С.И. Наливайко и другие исследователи резонно настаивают на родстве гипербореико-греческого Аполлона с арийским *Гапаланом* и славянским *Купалой*. При этом наиболее очевидно значение имени эпитета Кришны — 'Коровий защитник', вполне соответствующий греческим воинам-*гоплитам*. Да и 'Крестоподобный' стрелок Кришану — впервые упомянутый в Ригведе, изображенный на Каменной Могиле и в одной из кавказских гробниц у ст. Новосвободной, а также на шаманской колотушке из кургана у с. Соколово (Орельско-Самарское междуречье) — вполне сопоставим с Аполлоном. Имя которого непонятно не то что современным языковедам-античникам, но было покрыто мраком даже для посвященнейших из его служителей.

Один из них, знаменитый биограф Плутарх, оставил нам сочинение о диспуте по поводу W-образного знака над входом в Дельфийский храм Аполлона. Гадали и эдак и так, но никто не догадался сопоставить его с широко распространенными в древней Колхиде символами Тельца и Овна. Судя по сопоставлению указанного знака с опрокинутым «эпсилон», подразумевалось последнее из этих зодиакальных созвездий — за чьим Золотым Руном древнегреческие герои под покровительством того же Аполлона отправились в Колхиду на корабле «Арго»... Таким образом, *намечается связь божества с главенствующим в зодиаке новогодним созвездием — Тельцом примерно в 4400—1700 годах до н. э. и Овном после того.*

«Покровителем коров», подобно Кришне Гопалану, Аполлон мог быть лишь в ипостаси Тельца. И он был им, о чем свидетельствует его древнейший эпитет Пайон — родственник аратто-арийскому быкоподобному божеству весенних гроз *Парджанье*, славянскому громовержцу *Перуну*, кафирским *Перуне* — Плеядам в созвездии Тельца... Таково и *то воплощение Аполлона Таргелия* (да еще и по соседству с воплощением *Зевса Талейского*, характернейшего для Крита!), которое было обнаружено в ингильском погребении кургана 1 — Пвозле с. Каиры недалеко от Каховки, на Нижнем Днепре. Выжженные глазницы лучника соответствуют «огнеликости Феба-стреловержца», для передачи облика которого нередко изготавливались бронзовые статуи с прозрачными глазами и жаровнями внутри головы. Бронзолитым чудищем представлялся и Талос — образу которого соответствуют кузнечные принадлежности второго покойника... Примечателен амулет из оленьего рога, представлявший собою шарик с рожками сверху (Телец) и крестиком в круге под ними (известный символ пушечной в небо стрелы).

Указанное воплощение Аполлона относится к XVIII в. до н. э., когда он мог почитаться и под привычным нам именем — выведенным, возможно, из аратто-арийского Гопалана. Вероятнее представляется, впрочем, обратное. Исходя из наиболее правдоподобной трактовки имени *А-поллона* как «Не-город(-полис)», можно предложить стоящий за ним образ «...а святилище-обсерватория» — напоминающий своей планировкой концентрические поселения Аратты, но вынесенный подальше от воды на удобную для календарно-астрономических наблюдений «лысую гору». Валы и рвы таких святилищ вполне могли использоваться и для укрытия неподалеку пасущихся стад. При этом славянский *Ку-пала* мог связываться уже с родными *ку(орова)ми*, а не с индоевропейскими *го(ава)ядами* своего родственника *Го-палана*.

Подобно Артемиде, имя Аполлона могло появиться в XXIV—XXII вв. до н. э. — при сопряженных с данным периодом пертурбациях. До мифоритуального же замещения своего деда Коя Аполлон мог не только прятаться за эпитетом Пайон (см. выше), но и носить имя «Солнечного» *Иллояса* — давшего наименования и пелазгийскому городу-государству *Илиону* (Трое), и полумифическому герою восточных славян *Илье* (Муромцу, -пророку)...

Подытоживая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что гиперборейские по своему происхождению *Лато*, *Артемиды* и *Аполлоны* — так же как их божественный муж и отец *Дий-Дзеус-Зевс* — изначально были связаны со святилищами-обсерваториями лендельского типа и вполне выражали их мифоритуальный канон: «Небеса» с «Зодиаком» порождали «Жертвенную» ось мироздания в виде Медведиц с их Полярной звездой, а также воплощение сути «Святилища» в виде главенствующего в солнечном зодиаке созвездия. Очерченный канон сложился в XXIV—XXII веках до н. э. в условиях массового переселения из северопричерноморской Аратты в малоазийскую Троаду. Ранее же — при господстве лунно-зодиакального календаря, примерно с рубежа V—IV тыс. до н. э. (с появления в Подунавье святилищ-обсерваторий лендельского типа) — канон существовал без Артемиды и Аполлона. Возникновение и распространение их мифоритуалов было обусловлено не только лунно-солнечным реформированием календаря в условиях геокосмических изменений (приведших к Огигосовому потопу и проч.), но и этноисторическими пертурбациями — потребовавшими, в частности, значительного углубления консолидации потомков праиндоевропейских (араттско-«трипольских») и индоевропейских («винчанско-лендельских») выходцев из малоазийской прародины. Главный узел искомой консолидации завязывался в районе Троады и Делоса, основная же нить исходила из приднепровско-северопричерноморского центра Аратты... Подтверждается сделанный в двух предыдущих лекциях вывод о планомерном рассредоточении этого государства его правящей интеллектуальной элитой.

3. Гиперборея как северный рубеж Пелазгии

Выше мы обнаружили вполне очевидные связи между: а) приднепровской Араттой середины III тыс. до н.э. — этноисторическим ядром праиндоевропейских по своей сути племен усатовской и т. п. позднетрипольских культур; б) Пелазгией — растекающейся из

Аратты «периферией» (ее же включая), обусловленной как геокосмическими и проч. катаклизмами, так и планомерной волей брахманов; в) системой святилищ-обсерваторий, зародившейся в среде лендельской и т. п. индоевропейских по своей сути культур; г) синкретизацией трех указанных выше явлений. При этом связанные родственными узами Пелазг, Артемида и Аполлон, а также мать двух последних божеств Лато нередко именуются в древнегреческих мифах гиперборейцами. Причем главные гиперборейцы, трое последних, входят в канон *святилищ-обсерваторий, возникших в Подунавье на рубеже V—IV тыс. до н.э. и до середины II тыс. до н.э. распространившихся от британского Стоунхенджа до зауральского Аркаима.*

Сооружаясь, перестраиваясь, обслуживаясь, посещаясь (до времен непонятных уже Геродоту и проч. «странствующих гипербореев» и «одержимых Фебом» своих соотечественников) много позже «исчезнувшей» как будто Аратты, — эти весьма трудоемкие сооружения воочию свидетельствуют о сохранении аратской традиции интеллектуального управления общинным («первобытно-коммунистическим») обществом. Очевидно и то, что основой такого служения были, с одной стороны, хозяйственная необходимость, а с другой — сохранение древнего института Спасительства.

Хозяйственная необходимость обнаруживается при взгляде на карту: *наиболее грандиозные святилища-обсерватории тянутся лесостепями, в виде широкой полосы наиболее северного (т.е. воистину «Гиперборейского») в те времена земледелия; от этой системы на юг и на север расходятся курганы, лабиринты и т. п. с неперенными признаками все тех же святилищ.* Таким образом, в индоевропейском мире была создана разветвленная сеть интеллектуально-организующей службы: календарного дела, ландшафтно-экологических познаний, селекции растений и животных, технологий, языкознания и фольклористики, обрядов и празднеств, семейно-социальных отношений и проч. **Работа в такой сети требовала огромнейшего духовного и физического напряжения — и уже сама по себе была проявлением Спасительства,** помимо неперенных самосожжений престарелых жрецов и т. п. ... Все эти умозаключения выведены автором монографий «Прародина ариев», «Мифы о «космических странниках» и календарная служба Европы V — I тыс. до н.э.» и др. из анализа огромной литературы и множества фактов, — некоторые из них приводятся ниже в качестве иллюстраций к вышеописанному. Итак:

Легендарная 'Сверхсеверная' Гиперборея несомненно была знакома (но вряд ли простиралась, как хочется современным приверженцам этой легенды) с календарно-климатическими особенностями Заполярья, где — согласно Плинию Старшему — *«находится пели мира и крайние пределы обращения светил. Солнце светит там в течение полугода, и это только один день».* По Геродоту, Гиперборея находится вроде бы там, где *«нельзя ничего видеть и туда невозможно проникнуть из-за летающих перьев»* (-снегов) и так далеко, что *«о гипербореях ничего неизвестно ни скифам, ни иным народам этой части света».* Однако тут же сообщается также о том, что гиперборейцы передают скифам жертвенные дары, завернутые в пшеничную солому, — причем приносят эти дары *«на границу своих владений и передают соседям с просьбой отослать их другим народам»* аж до греческого острова Делос в Эгейском море, перед Троадой... Вот и разберись: так знали ли скифы гипербореев? Действительно ли обитали они за Полярным кругом? Или все же там, где выращивается пшеница?

Гиперборейцев не только знали, но и общались с ними и скифы, и греки. Согласно Геродоту, Гекатею, а затем Диодору, *«гипербореец Абарис приезжал в Элладу, что-*

бы возобновить старинную дружбу и родство с делосцами» — поражая при этом эллинов своей выносливостью, аскетизмом, ясновидением и некой «стрелой Аполлона», — словом, довольно отчетливым комплексом признаков йога. Еще с большим основанием такое можно сказать об обожествленном германцами Одине, предводителе аратто-арийского племени данов; он же или его тезка «гипербореец Оден» основал со своими соплеменниками Дельфийский храм Аполлона. Наименования обслуживавших его прорицательниц-*пифий* не случайно перекликаются и с побежденным Фебом змием *Пифоном*, и с «гиперборецем *Пифагором*» — знаменитейшим из служителей Аполлона... Характерные черты йога, к тому же совместно с присущим индоевропейцам Спасительством, проступают и в образе Иисуса Христа, происходящего из эллинизированной ко времени его появления Галилеи.

Его далекими, восходящими к присущему араттам матриархату, можно считать гипербореянок Аргу и Опис, а затем Гипероху и Лаодику, которые достигли делосских святилищ Артемиды и Аполлона — и, судя по всему, принесли себя в жертву любимой богине. Греки даже считали, что именно первая пара принесла с собой этих богов, — что согласуется с созвучием имен странниц с вышеупомянутым кораблем «Арго» середины II тыс. до н. э., а также с Описом — первым мужем Латоны еще до XXII—XXIV вв. до н.э. Эти даты согласуются с тем, что комплекс аналогов всех упомянутых выше имен обнаруживается в окружении прародителя Пелазга.

Гипероху и Лаодику «сопровождали пятеро горожан», — Гиперборея, выходит, имела свои города. «Некоторые греки посещали Гиперборею» вопреки так и не достигшему ее таинственному оборотню-поэту-страннику Аристею, в чьих выходах обнаруживается отслеживание и обозначение (во имя Аполлона!) географических координат (для чего могла использоваться и «стрела Абариса»). Подобные сведения приносили и те, кому удалось побывать в «сферическом храме Гипербореи». Он, как и вся страна, располагался на огромном острове прямо под созвездием Медведиц и очень низкой Луной. Святилище обслуживалось наследственными жрецами Бореадами. Сам Аполлон посещал остров каждые 19 лет — «*это период, за который звезды завершают свой путь по небу и возвращаются на прежнее место*», а лунный и солнечный календари приходят в соответствие, что позволяет рассчитывать места и сроки затмений. Бог пребывал в храме «*от весеннего равноденствия до восхода Плеяд*».

Исследователи правомерно усматривают в означенном острове Британию с ее выдающимся Стоунхенджем. Но нельзя упускать из виду и подобие острова между Бугом, Синюхой и Росью — где некогда достиг апогея центр дунайско-днепровской Аратты и где тоже располагались выдающиеся храмы-майданы (как доньше называют их и на Украине, и в Индии) вроде Буртов, предшествовавшие Стоунхенджу...

В последующих лекциях мы углубимся в специфику пра- и славянских проявлений затронутых выше событий.

***

Основная литература:

Геродот. История. — Л., 1972.

Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. — М., 1957.

Вуд Дж. Солнце, Луна и древние камни. — М., 1981.

Кифишин А. Г. Геноструктура догреческого и древнегреческого мифа // Образ — смысл в античной культуре. — М., 1990.

Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. — М., 1981.

Чмыхов Н. А. Истоки язычества Руси. — К., 1990.

Шилов Ю. А. Мифы о «космических странниках» и календарная служба Европы V—I тысячелетий до н.э. // На рубежах познания Вселенной. Историко-астрономические исследования, вып. XXIII. — М., 1992.

Лекция 7

Пракорни Руси

---

1. Аратты — лелеги — лиды

Истоки праславян обнаруживаются уже в подунайской Аратте. Здесь, среди прашумерских или шу-нунских (каменно-могильского типа) надписей археологической культуры Кереш VI тыс. до н.э., встречается имя небесного бога Ураша — предтечи пелазгийско-греческого Урана. Почитание этого еще догреческого Урана(оса) — как бога неба и древнейшего владыки Вселенной и смертных — до недавних времен сохранялось у славян и фракийцев. Так, древнерусское «Сказание о Мамаевом побоище» начинается словами: «*Сие поведай, Уран, како случися брань на Дону*». А на Волынщине украинцы в хороводе *кривого танца* певали:

*Га! — Уран матку [Землю] кличе:
Та подай, матко, ключі,
Одімнути небо, —
Випустити весну,
Дівочу красу.*

Согласно фракийским мифам, младшей дочерью Ураноса была Рея. Греки считали ее матерью богов — а эту веру переняли они у пелазгов, которые особо почитали Рею в Троаде... Таким образом, связь прафракийцев и родственных им праславян с Малоазийской прародиной индоевропейцев существовала уже во времена первой — праиндоевропейской — миграции оттуда в Европу.

Смена Урана его недоброжелательными потомками — Кроносом-‘Временем’ и Дзеусом-‘Небом’ — произошла, очевидно, в процессе перемещения центра Аратты из Подунавья в Приднепровье, а затем с укоренением второй — индоевропейской — миграционной волны, утвердившей новые святилища лендельского типа. В предыдущей лекции достаточно обстоятельно был рассмотрен вопрос об изначальном каноне этих святилищ-обсерваторий — с главенством в нем Дзеуса-Дива и Лато-Лады. Было указано также на то, что утверждение образов их детей-близнецов — Артемиды и Аполлона — произошло в XXIV—XXII вв. до н.э. в процессе возвращения на малоазийскую прародину некой части населения приморской Аратты (усатовской культуры позднейшего Триполья).

В предыдущих лекциях мы неоднократно сталкивались с разительными соответствиями между аратто-арийской (ведической) и славянской культурами украин-

ского или степного и лесостепного Поднепровья, т.е. с артефактами несомненной этноисторической преемственности на протяжении по крайней мере VI тыс. до н.э. — II тыс. н.э. Оставим пока в сторонке это уже достаточно вызревшее направление праистории Руси, отвлечемся от фактов сухопутных миграций в направлениях Карпат, Балкан, Кавказа, Урала — и сосредоточим внимание на судьбах переселенцев в Троаду.

Начало переселения, как установлено выше, было сопряжено с потоком и прочими потрясениями, случившимися — согласно наиболее вероятностным древним расчетам — около 2136 г. до н.э. в правление царя Огигоса, потомка прародителя Пелазга... Известно, что этноним данного гиперборейца и якобы порожденного им народа — это позднее закреплённая греками калька более архаического наименования племени или племен лелегов. Так их называли (наблюдавшие их соседи, а может, и сами) за приверженность к странствиям (что вполне согласуется с морскими путешествиями «усатовцев»), уподобив перелетным аистам. *Лелеги* и пелазги — суть «аисты»; украинское название этих птиц — *лелеки* — вполне сохранило звучание тех далеких времен. Сюда же следует присовокупить, что эллины (от имени прародителя Эллена) изначально были ветвью лелегов-пелазгов — которые нарекли их *греками* («грачами», по-украински *граками*) за природную смуглость и чернявость волос. В общем, близкие родственники обменялись любезностями, — и все осталось бы в истории прекрасно и мило, не случись затем между ними Троянской войны...

Согласно троянским преданиям, они происходили от Зевса и *Небы* (от Дзеуса-*Неба* в женской его ипостаси?), породивших Иноха — отца Пелазга. Последний в Троаду не переселялся, а остался с частью народа в Греции, на Морейском ее полуострове. Переселение возглавил, по-видимому, патриарх *Ман* (индоевропейский, затем ведический *‘Муж, Человек’* — специфическое соответствие которому удалось обнаружить в гробнице брахмана середины III тыс. до н.э. из Высокой Могилы у Староселья). Внуком Мана был Атис-*‘Отец’*, а сыном последнего — *Лид*, родоначальник соседствовавших с троянцами *лидов* (*‘люда, людей’*). Соседями тех и других были *брежане* (*‘береговые, прибрежные’*), а также *венеды*. От последних, как увидим мы ниже, тянется прямая линия до несомненных *венедов-славян* византийских времен; да и прочие **указанные выше этнонимы — вполне праславянские...**

Троянская война, по наиболее вероятным подсчетам, охватила 1260—1250 годы до н.э. Но уже задолго до этого непоседливые лелеги-пелазги начали родами и племенами переселяться в Италию. Это миграционное движение было обусловлено как демографической перенасыщенностью Троады, так и страшными геокосмическими катастрофами 1700-1250 годов до н.э.: вспомним лишь исход населения из разрушенного землетрясениями Крита, взрыв Санторина, обусловленный им временный успех реформ Эхнатона, исход из Египта евреев... Землетрясение разрушило и Трою-VI (по определению Г. Шлимана и др.), непосредственную предшественницу гомеровской Трои — с которой неверно принято начинать письменную историю Европы. Вернее говорить бы о греческом понимании истока этой истории, сопряженном с последующим имиджем Греции как основоположницы европейской цивилизации. А между тем римское понимание глубже, ибо отталкивается от преданий догомеровских времен. Общее же и главное в том и ином понимании то, что **и Греция, и Рим вырастали на плечах истинного патриарха не только европейской, но и всемирной цивилизации — Араты(-Пелазгии-Троады).**

Древнейшее из известных римлянам (а от них — и науке) переселений из Троады в Италию произошло, вероятно, в XVII в. до н.э. под предводительством братьев Энотра и Пивчиста, которые считали себя внуками патриарха Пелазга. Затем последовала

миграция во главе с Тиреном, братом легендарного Лида (см. выше). В Италии тирены под руководством *Тархона* (тезки знакомого уже нам по нижнеднепровским памятникам Аполлона *Таргелия*, а также последующего *Тарха Тараховича* древнерусских былин) построили 12 городов: *Волчини, Косу, Луку, Ваду, Малюту, Перусию, Артану* и др. ***Праславянская принадлежность этих названий не вызывает сомнений.***

2. Венеды — этруски — русы

Наряду с несомненным патриархатом троянцы еще долго сохраняли матриархальные традиции своей старины — в частности, привезенный при переселении метеорит, воплощавший у них праматерь богов Рею. Фракийцы называли ее также Пандорой. А та, согласно пелазгийско-греческой мифологии, была матерью Пирры — супруги царя Девкалиона. При нем около 1570 г. до н.э. случился очередной ужасный потоп... К сказанному в начале лекции надо добавить, что мифы связывают эту катастрофу с мстью Зевса за смерть своего сына Диониса — ‘Бога нашего’, младшего брата Аполлона (который, подобно египетскому Атону, приняв после 1700 г. до н.э. воцарение в зодиаке Овна, — оставил брату сомнительную честь ежегодно умирать и воскресать вместе с ушедшим на второй план Тельцом). Зевс уничтожил убийц своего любимого сына — 12 титанов, детей Урана, — а заодно и надоевшее ему человечество (послепотопное поколение которого было зачато потом Девкалионом и Пиррой).

Девкалионов потоп совпал с правлением в прагреческих Афинах пелазга Кекропса, часть народа которого вынуждена была переселиться в Италию — к своим родственникам-тиренам... Как видим, бывшие аратты-лелеги блюли не только культурно-, но и этноисторические традиции. (Это к вопросам преемственности троянских и византийских венедов, оставшейся в Поднепровье после рассредоточения Аратты и вернувшейся туда же в Арту-Арсанию путем «из Варяг в Греки» другой части славян-праславян...)

Поскольку тирены и кекропсы расположились в той области Италии, которая издревле называется *Этрурией*, то родственные потомки Пелазга стали именоваться *этрусками*. Неизвестно, как и с лелегами, — сами себя или же соседи так их называли. Зато известно другое: переселенцев настолько поразило обилие у аборигенов крупного рогатого скота превосходной породы, что они нарекли свою новую родину *Италий* — ‘Телячьей’.

Этноним *этруски* был принят переселенцами, наверное, не без учета созвучности милым их памяти *Расы, Роси, Р(а)сы* — рек, протекающих на их оставленных родинках между Дунаем и Волгой, а также у Трои. Кроме того, есть основания полагать, что среди родственных карпов (карпатских племен) уже тогда сложились существующие поныне *русины*, оказавшие впоследствии осажденным троянцам посильную помощь... Следует, кстати, учесть: ‘*Приятным*’ был *Приам* или нет — однако имена его сыновей Троила и Дия можно считать праславянскими. А века, тропу, землю Троянью из «Слова о полку Игореве» искать и здесь — на полузабытой прародине индоевропейцев...

После десятилетней осады и падения приамовской Трои, троянцы-венеды во главе с Антенором и Энеем переселились сначала в Италию и Фракию, а затем воссоединились в Этрурии — где в устье Медвака основали города Энею и Потаву. Здесь к ним присоединилось уже этруское племя евганнеев во главе с Велесом. ***С комплекса этих событий конца II тыс. до н.э. следует говорить уже не о праславянах, а о славянах*** — по крайней мере, в отношении их венедско-этрусской ветви. Основания, помимо вышеизложенных, тут таковы:

Производные от *Энея* имена *Еней* и *Юней* поныне бытуют у чехов и у болгар. Могила героя была найдена в 1846 году у итальянского города Креччио. Плита над склепом оказалась украшенной этрусской надписью троянского происхождения. По сообщениям античных авторов и по данным современной науки, именно в Троаде изобрели древнейшую алфавитную, т.е. «звучащую» (в отличие от предшествующей «понятийной»), письменность — от этрусков затем разошедшуюся по Европе и далее, а славянами сохраненную в «Велесовой книге» и прочих «чертах и резах» дохристианской Руси... Но вернемся к надгробию Энея, переведенному Ф.Воланским с этрусского на русский, польский, немецкий и др. языки — при несомненной близости оригинала только к славянским:

Рески вес Бог, выш Вима и Дима, Езмено Расией...

а в конце:

Ой! Дороги, хороший!

А вот русский перевод, предлагаемый Ф.Воланским и Е.Класеном:

*Райский всех Боже, вышший за Вима и Дима, Езмень ты Расии, —
Возьми под опеку мой дом и детей, наилучший Езмень!
Гекаты владения далече: до долу земли поезжаю;
Именно так это есть! Как царь — родом Эней я.
Сидя с Ладом в Елисее, Леты зачерпнешь — и забудешь...
Ой! Дорогой, хороший!*

Расия здесь — воспоминание, по-видимому, о речке *Р(а)се* у Трои. Праздники в честь бога *Езменя* перекликаются с этнографическими данными о славянском *Ясмене*, *Ясене* и т. п., а в приведенном контексте могут быть истолкованы как '*Я — Ман* (реки) *Расы*'. Славянская принадлежность бога Лада тоже не вызывает сомнений; *Вим* и *Дим* нам пока не известны. Остальные божества известны из мифологии римлян.

Пелазго-венедско-этрусское наследие римляне прибирали к рукам, а славяне теряли. В Этруррии отчетливо прослеживается первопричина тому, и ее можно разложить тут на важнейшие из составляющих:

- во-первых, осада Трои и ее падение подорвали традиционную власть интеллектуальной элиты, основанную на институте Спасительства; общество возглавилось авторитарной воинской кастой;

- во-вторых, губительным оказалось нетворческое сохранение полисной системы государственности — в условиях иноэтничного окружения, свернувшего (в силу катастроф и миграций, развитости торговли и грабежей) с пути «священной» на стезю «военной демократии»;

- в-третьих, родо-племенные связи внутри полисов (городов-государств) оказались куда прочнее, нежели общетнические связи потомков «перелетных аистов» — лелегов-пелазгов.

Очень многого из нами излагаемого не зная и не понимая, выдающийся историк середины XIX века А.Д. Чертков верно, тем не менее, охарактеризовал содержательную сторону этноисторической первопричины «загадочности русской души» — неизмеримо древнейшего и чрезвычайно богатого корня молодых да хищных побегов

потомков индоевропейской Аратты: *«Территория этрусков на всем протяжении ее существования оставалась «федеративной республикой, племена которой были слишком мало соединены между собой (хотя все этруски имели общий сейм — кажется скорее для рассмотрения внутренних отношений и споров...). Что же касается внешних дел, то каждый отдельный город действовал самостоятельно, воевал, мирился, заключал договора независимо от иных племен и общего веча. Именно потому мы всегда видим двенадцать племен, которые поочередно воюют с Римом и никогда вместе. Отсюда и те пагубные последствия для всей Этрурии, которые, в конце концов, превратили ее в Римскую провинцию».*

Подобное будет, увы, периодически повторяться все снова и снова — во всех временах и странах славянского мира — хранящего, но утрачивающего таким образом генофонд Золотого века великой Аратты... Такое вот проявление сотворенного ею Спасительства!..

3. Славяне древнейшей Руси

Современные исследователи — языковеды, этнографы, археологи, историки, антропологи — все более утверждают в том, что *прародина славянского мира располагалась на территории между Карпатами, далее — средними течениями Днестра, Южного Буга, Днепра, затем — Припятью и, наконец, Средней Вислой и Одером...* Этот же круг областей очерчен и нами — причем указанная выше последовательность повторяет тот путь, который прошло ядро индоевропейского мира — Аратта — с момента зарождения в Прикарпатье трипольской археологической культуры до ее свертывания в среднеднепровской культуре Полесья. Из позднейших проявлений последней между низовьями Десны и Одера образовывается в XV—XII веках до н.э. тшинецкая археологическая культура — праславянская принадлежность которой не вызывает сомнения у таких авторитетнейших ученых, как Б.А. Рыбаков, П.М. Третьяков, М.И. Артамонов и многие другие... Но что произошло с потомками южной, приморской («усатовской») части трипольской культуры? С потомков ли именно тшинецкой (или все же кукутеньско-трипольской?) культуры началось праславянское освоение Карпат? Следует ли и далее игнорировать праславянские параллели в культуре этрусков, представленные в «устаревших» (или все же провидческих?) трудах Черткова, Воланского, Классена? А если не игнорировать, то как увязать Малоазийско—Италийское Средиземноморье с вышеуказанным регионом Восточно-Центральной Европы? Как посягнуть на многовековую научно-церковно-культурную — даже не европейскую, а мировую! — традицию иерархии «прогрессивных и отстающих народов»: греков, римлян, этрусков, фракийцев, кельтов, германцев, славян... что, славянин выше грека?! — А как же «Скифская пустыня», Андрей Первозванный, Кирилл и Мефодий, Владимир и Петр?! Нет уж, проще «Черткова закрыть»; вкупе с «Велесовой книгой», «веками Трояновыми»... и всем, «чего ни один Ученый совет никогда не пропустит»...

Наш курс лекций старается следовать фактам и их взаимосвязям, — отсюда, а не из «приличных» и прочих теорий, вытекают и картины, и выводы. Только так, очевидно, и можно если не возродить, то хотя бы сохранить остатки высочайшего интеллектуально-нравственного потенциала ядра общности индоевропейских народов.

Итак, задолго до тех венедов, которых описывают римско-византийские авторы I—VI веков н.э. и с которых принято начинать историю славян или даже праславян, — в малоазийской Трояде уже были несомненные предки тех же венедов, ставших «венедо-этруско-славянами» в европейской Этрурии с конца II тыс. до н.э. Тогда же, веро-

ятно после Троянской войны, часть венедов (энетов, по Геродоту) оказалась на Кавказе в окрестностях озера Ван, а царь Руса возглавил государство Урарту (не «полис Арты» ли, один из ее форпостов?). Анты и склавины — будто бы впервые упомянутые готским историком Йорданом в VI в. н.э. — появились тогда же. Следуя патриархальной традиции, *анты* могли пойти от *Антенора* — сподвижника Энея; во всяком случае, Птолемей в начале н.э. кроме венедов называет и *андиантов*. Он же указывает на неких *севаков* в *венедской* провинции *Норик*; «*славяне суть нарци*», — напишет впоследствии киевский монах Нестор, а в районе *Венец(д)ии* доныне бытуют *Славини* и *Славия*. Можно предположить, что *склавины* (в отличие от позднее распространившихся *славян* — то ли ‘славных’, то ли ‘словом (владеющих)’, то ли ‘слвеков(-человеков-людей)’) — это ‘в скалах живущие винаеды’ или же ‘горные венеды’.

Вероятно, не позже V в. до н.э. племена венедов обитали не только на северном и южном побережьях Черного моря, а также в Италии, но некоторые из них дошли «Янтарным путем» до Балтики. Тамшний янтарь упоминает Софокл, а Геродот пишет о янтаре малоазийской «реки Эридана от энетов». Позже распространяется название Венедский залив (будущее Балтийское море), важнейшее святилище которого со статуей славянского Святовита и проч. располагалось на острове *Руг* (Рюген, Руян; Буян) и находилось во владении одноименного племени. По западноевропейской традиции VII—XI веков именно из *ругов* вышли наши летописные *русы* (известные в германских и византийских хрониках также как *россы* и *россомоны*). Произшли ли они от венедов, вышли ли вместе с ними из троадской *Расии* или даже с берегов восточноевропейских *Расы*, *Роси* и т.п. — однако в V веке часть *ругов-русов* пострадала в вышеупомянутом итальянском Норике, связав свою судьбу с венетами, склавинами и, очевидно, антами.

Вышеочерченный темный период славянской истории конца II тыс. до н.э. — середины I тыс. н.э. освещен, вероятно, в загадочной «Велесовой книге». Не Ант-ен-Ор ли вспоминается в ней под именем Ор(ей)а? Которому предшествовал «Богумир — муж Славы» и супруг Славуни, родившей от него Севу и Руса. «*Сотворились роды те в Семиречье, где обитали мы в краю зеленом, когда были скотоводами. И было это в старину до выхода нашего к Карпатской горе. И было это за тысячу триста лет до Германареха [т.е. в IX—X вв. до н. э.]. И в те времена была борьба великая за берега моря Готского, и там пращуры наши возводили курганы из белых камней, под которыми хоронили мы бояр и вождей своих, которые пали в сече*».

С этих слов А. И. Асов и другие комментаторы данного, не утвердившегося еще пока в научном мире источника делают вывод о скифо-арийской принадлежности древнейших славян, отождествляя упомянутое Семиречье со среднеазиатским районом Балхаша. Но оно могло находиться и в районе обитания венедов-этрусков. Так, согласно Страбону, «*на самой излучине Адриатики находится местность Тимава, посвященная Диомиду. Это священный лес, пристань и семь источников...*» Отождествление загадочного Семиречья с этим районом Венедии тем вероятнее, что далее в «Велесовой книге» оно называется уже Пятиречьем, что в какой-то мере сопоставимо с венедской же областью Пентаполе («Пятиполье» или «Пятиградье»-Пятиполисье), граничившей с городками Киев, Перун, Озеро, Боян и т.п. Кстати, не исключено подобие упомянутых Диомида («Бога Мида»?) и Богу-мира. К тому же не следует считать легенды и предания «Велесовой книги» исторической хроникой всех славян — повествуется, вероятно, о странствиях некой части ушедшего из Италии на север ядра (см. выше).

Ввиду ненадежности источника не станем подробно разбирать эти странствия, а ограничимся несколькими более необходимыми замечаниями.

«Велесова книга» могла быть создана потомками жрецов венедов-этрусков в конце IX в. где-то в Крыму — наверное «в Сурожѣ [где] свет будет над нами». Известно ведь, что задолго до внедрения на Руси христианской (будто бы!) кириллицы, крымские русы имели уже не только собственную письменность, но и — по словам самого св. Кирилла — «Евангелие и Псалтирь, русскими письменами писанные». Известно также, что пелазги-венеды-этруски делали свои священные записи преимущественно на дубовых дощечках — на которых была написана и «Велесова книга»...

По имеющимся сведениям, руги-русы первыми открыли путь «из Варяг в Греки», пройдя по нему на ладьях через днепровские Пороги в Таврию еще до появления там германского племени готов, т.е. во II—III веках. В Тавриде руги обосновались в районе Неаполя Скифского, именовавшегося с тех пор иногда Новгородом Русским. Есть указания, что это был не захват, а следование неким исконным правам — восходящим к индоевропейским временам и бывшему родству русов и хазар со скифами. Персидский «Сборник историй» следующим образом объясняет поселение русов у Неаполя-Новгорода: «Рус и Хазар были от одной матери и отца. Затем Рус вырос и, так как он не имел места, которое ему пришлось бы по душе, написал письмо к Хазару и попросил у того часть его страны, чтобы там обосноваться». Позже «и Славянин пришел к Русу», но тот «ему ответил, что это место тесное» — и тому пришлось поселиться там, «где ныне земля славян»... Вполне вероятно, что вышеуказанные права восходят ко временам падения малоазийского *Илиона-Трои* и возникновения (в связи с частичным возвращением оттуда бывлых переселенцев) и *Триполья* над Днестром, и *Гелона* над его левобережным притоком Ворсклой.

В скифо-античное время *Гелон* стал крупнейшим городищем Европы; общее его укрепление включало *три городка* и окружало около десятка селений. «Велесова книга» упоминает его как *Голунь* — что согласуется с ранним появлением здесь славян, уже в VI веке обладавших письменностью. Упоминается в «Велесовой книге» и *Ясунь* — сын некоего *Сидика*. Подразумевается, возможно, связь с *Синдикой* — будущей Тмутараканью, а ныне Таманью, — с которой были, очевидно, связаны вышеупомянутые кавказские энефы, или же ваны. С.И.Наливайко резонно предположил, что именно на арийской *Синдикой* зародилась легенда об индо-пальнульских братьях Куаре, Мелтее и Хариане, записанная в VII в. в армянской хронике Амартола и неким образом (в «Повести временных лет» киевского летописца XII века Нестора) трансформированная в легенду о славяно-полянских братьях Кие, Щеке («Змее», как и Мелтей), Хориве и сестре их Лыбеде... Между тем, *общим истоком двух этих легенд можно считать рассказ «Велесовой книги»* о Кие, Пашеке (Щеке, местами) и Горовато (Хореве) — сыновьях упомянутого выше Ор(ей)а:

Пошли те три брата от докучливых недругов искать «иные земли, в которых течет мед с молоком... Так шли на юг до моря и мечами врагов поражали, шли до горы великой, до долины с травами, где злаков немало. И там освоился Кий, начавший налаживать Киев, который стал русским...» «Сначала мы были там, где Солнце садится, а оттуда пошли за Солнцем до Непры, и взял там Кий укрепленный град, в котором пребывали иные славянские рода. И там мы поселились...» «И вот Орей шел пред нами, а Кий вел русов, и Щек вел свои племена, а Хорив своих хорват, и шли они с земель тех. И так было предрешено богами, когда отошли оттуда Щек и Хорев, чтобы сели мы в Карпатских горах... И вот враги напали на нас, и мы побежали до Киева-града и до Голуни, и там поселились... И тут умер Кий, тридцать лет нами владевши. А после него был Лебедян, его же называли Славей, и тот жил двадцать лет». О Щеке сказано еще, что был он из иранцев (т.е. из ариев) и правил где-то в VIII—IX веках до н.э.

Таким образом, *узаконенные государством и церковью легенды «Повести времен-*

ных лет» о происхождении славян, Киева и Руси восходят к этноисторическим обстоятельствам расселения троянско-этруских венедов. Походы и миграции этого ответвления предков славян связывают, на наш взгляд, Адриатику, Карпаты, Прибалтику, Поднепровье, Крым и Тамань, города Голунь (Гелон), Сурож (Судак) и несколько Киевов. В раннее средневековье по всей этой территории, и даже в Британии, встречаются представители племени ругов. Известны также две Краины ('Страны (коренной)', по-украински): адриатическая Черногорская и прибалтийская П(о)-русская. Последняя неким образом сопрягалась со жрецами(?) -украи — настолько распространившимися среди различных племен от Нарвы до Дании, что германцы нарекли эту область Укер-марком. Как продолжение этой древней традиции можно рассматривать последующее возникновение третьей или четвертой из «крайн» — Украины.

Известный историкам летописный список славянских племен дополняется в «Велесовой книге» упоминаниями о родстве русов с боруסיнами, антами, сурожцами (таврами?), скифами и другими народностями. *Все они были, оказывается, кровнородственными — «кравенцами» (не иначе как по своей принадлежности к аратто-арийской или же индоевропейской общности), потомками священной коровы Земун, которая воплощала Мать-Землю и супругу небесного отца Даждьбога. Тринитарность мировоззрения и стремление к единобожию творцов указанной «Книги» продолжила традицию аратто-арийской Ригведы. Так, три ипостаси вездесущего Триглава — Сварог, Перун, Световид — отвечают Сурье, Парджанье (Пушану как сосредоточию Солнца), Савитару. Правомочность такого сопоставления подтверждается особым почитанием Солнца и Пана пелазгами, переселявшимися (по Платону) из Троады в Этрурию, — а также Сурьи, сурицы, Сурожа в «Велесовой книге».*

По свидетельствам персидских, арабских, германских, византийских, отечественных летописей и хроник, русы до конца X в. весьма отличались от прочих славян и по обычаям, и даже по языку. Можно считать, что эти выходцы из прибалтийского племени ругов впервые замкнули кольцо двадцатипятивековых странствий той части потомков приднепровской Аратты, которая с конца III тыс. до н.э. обживала малоазиатскую Троаду, италийские Этрурию и Норик, «Янтарный путь», прибалтийские Пруссию и Руг, «путь из Варяг в Греки», Тавриду с ее Неаполем-Новгородом и Феодосией-Сурожем... На последнем из этих этапов руги-русы вошли в союз со славянским племенем полян, пришедшим в V веке в Поднепровье с верховьев Вислы, из-за Карпат и Дуная. К началу IX в. русы возвысились над полянами. Что и было закреплено в 852—862 годах освобождением русским военачальником Аскольдом от хазар Киева, где в то время правил полянский (или родственный им дулебский) первосвященник Дир. С этого момента началась история государства Русь, состоявшего из Куявии (Киевщины), Славии (очевидно, Черниговщины) и Арсании (вероятнее всего, центр современной Черкасщины), прямой наследницы древнейшего государства Аратты.

Спустя несколько лет словене Новгородчины призвали к себе княжить Рюрика из оставшихся в Прибалтике ругов — втянутых уже в процесс создания варягов, морских военных отрядов с германо-скандинавской основой. В 882 году князь Олег, наследник почившего Рюрика, захватил Киев — ключевой город на торгово-военном пути «из Варяг в Греки». Началась активная смена первобытнокоммунистических традиций Аратты-Арты-Арсании новациями раннеклассовой Руси. Эти две государственные системы сосуществовали еще и в XI веке, однако воинская каста одержала верх над жреческой...

Православный монах Нестор скрыл от читателей своей «Повести» крещеность Аскольда и Дира, убиенных язычником Олегом: не ложился сей факт в церковно-

государственную концепцию превосходства новой столицы над старой — Киева над Новгородом... В этом, как и в иных случаях, автор(ы) «Велесовой книги» смелее и глубже:

Огнебог, покровитель жилищ и семей, *«отвратил лик свой от нас за то, что имеем князя Аскольда, крещенного греками. Аскольд же — воин мрака и сегодня научен греками так, что будто бы нету никаких русов, а только лишь варвары... Наступает или засуха, или иная беда. А сей Аскольд приносит жертвы чужим, а не нашим богам, — как было заведено предками нашими... А греки стремятся и нас окрестить, чтобы мы забыли богов наших и так обратились в их веру, дабы стричь с нас дань тем пастырям, которые стекаются ныне в Скифию.*

Не позволяйте, люди, красть волкам ягнят, которые есть дети самого Солнца!.. Мы должны отцу нашему Дажьбогу жертву творить. И она сторицей высветится (нам) в Ирие (Гае)!»

Данным завещанием так и хочется завершить эту лекцию. Но долг ученого-публициста заставляет напомнить о том, что:

восточные славяне, доверившись воинам, а не священнослужителям, не вняли призыву отечественной интеллектуальной элиты и продолжили трату бесценного наследия 'Солнцеподобной' Аратты;

греки (византийцы) с их христианством оказались не самыми вероломными врагами Руси, — за ними исподтишка, после воцарения в Хазарии начала IX века, последовали иудеи; именно их захват Киева, а затем изгнание из него хазар и спровоцировали в 867 г. частичное крещение горожан — вызвавшее тревогу создателей «Велесовой книги»;

вернуться к форме и содержанию прошлого никому не дано, но **суть культуры всех времен и народов — Бессмертные души — подобно весне возвращается снова и снова;** когда-нибудь да удастся нам — детям Дажьбога — воссоединиться с даруемой весной Душой!..

***

Основная литература:

Чертков О.Д. Пелазго-фракийські племена, які заселяли Італію // «Основа». — К., 1993 — 1995, №24(2) — №28(6).

Класен Е. Новые материалы для древнейшей истории славян... — М., 1854; СПб, 1995.

Книга Велеса. Перевод и комментарии Асова А.И. — М., 1997.

Нестор. Повесть временных лет. — ПСРЛ, т.9. — М., 1965.

Слово о полку Игореве. По списку, изданному Пекарским П. — М., 1996.

Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. — М., 1989.

Лебедев А.Н. Образование славянского мира. — К., 1997.

Пракорни славянской культуры

Предыдущая лекция завершила «Праисторию Руси VII тыс. до н.э. — I тыс. н.э.» в плане последовательного рассмотрения располагаемых современной наукой письменных источников. Однако для закрепления выдвинутой нами концепции необходимо подтверждение — в виде рассмотрения соответствующих пластов народной памяти, сконцентрированной в этнографических данных. Этому будут посвящены две последующие лекции.

Научное понятие «глубины народной памяти» было выдвинуто и закреплено выдающейся монографией Б.А. Рыбакова «Язычество древних славян» (М., 1981). Согласно автору, дописьменную историю славян можно поделить на три основных периода: прашурский — эпох неолита и энеолита (V—III тыс. до н.э.), протославянский — конца энеолита (рубеж III—II тыс. до н.э.), праславянский — эпоха бронзы (II тыс. до н.э.). Новые данные, в особенности прочтение А.Г. Кишиным древнейшей в мире летописи Каменной Могилы в низовьях Днепра, заставили нас кардинально пересмотреть эту схему. Однако мы не отвергаем, а обновляем ее, вскрывая указанные выше и другие пласты.

1. Пращуры каменного века

Б.А. Рыбаков впервые показал и обобщил те элементы культуры восточных славян, которые восходят к верхнему палеолиту — 'древнему каменному веку' времен формирования современной (кроманьонской) антропологической расы, существования мамонтов и таяния ледника. В Каменной Могиле наряду с соответствующими изображениями тех времен обнаруживаются календарные пометки 11582 г. до н.э. и даже более ранние.

По мнению Рыбакова, выразительнейшие из вышеуказанных элементов таковы: орнаментика в виде ромбов и производных от них композиций, воспроизводящая (согласно исследованиям В.И. Бибиковой) естественные узоры на спицах бивней мамонтов; фольклорные воспоминания об этих животных и охоте на них... В качестве иллюстрации можно привести отрывок из народной украинской сказки «Про богатыря Дымка и зятя его Андрушка». (Не этот ли Дымко или Димко вспоминается в надгробии троянца Энея?). Итак:

«Давным-давно, когда люди не имели еще ни огня, ни мисок, ни ложек, селились они на берегах рек... А там, гляди, когда собиралось все больше и больше людей, начали делать хатки земляные. Аж потом нашелся меж ними один крепкий мужик,

звали его Дымко. Он такой был силач, что охранял то село и ту речку. Возьмет палицу-кий, и как явится какой хищник в село, то он кием махнет — и убьет его враз...

А была среди них и баба Мария, жила сама себе в лесу, ее звери не трогали... Пришла к ним та баба Мария и дала в подарок кусочек кремня, камешек да губку. Дала и сказала: «У вас нету огня, то я вам его дарю. Бейте камешком о камень — и губка загорится».

...Как дойдет Дымко и его товарищи до речек, где люди живут, — раскладут огонь... Они берут своих буйволов, слонов и переходят туда, где живут Дымковы люди, селятся с ними, пускают свою скотину до ихней...

Когда это в один денек летит поверх села змей... Как стал, начал свистеть, а люди и скотина совсем поперепугались. Тогда Дымко созвал своих вояк, взяли дрюки в руки и идут змею навстречу... Зарыли его позади бабиной Марииной хаты...

Сюда же — в палео-мезолитические пласты нашей культуры — следует включить и некоторые мотивы изображений на писанках («пасхальных яйцах»): особенно оленя или двух, да еще совместно со знаками женщины, дерева, реки. По заключению М.Янковича — исследователя древнейшего, уходящего в палеолит зодиакального календаря, — такие мотивы воспроизводят «Оленя возле Реки» (Млечный Путь в сочетании с утвержденными много позже созвездиями Медведиц, Кассиопеи, др.) или его модификации, доньше бытующие у северных народов. Некогда бытовали они и у южных, сохраняясь в приднепровской Аратте до конца трипольской культуры (и далее, до поныне воспроизводимых народными умельцами писанок). Так, на упоминавшейся выше стеле из кургана I—3 возле Усатова представлена пра-Артемиды или же Дьява с парой небесных оленей над правым плечом; подобных композиций немало на великолепной трипольской керамике.

На Новгородчине сохранилось воспоминание о календарно-зодиакальной замене Оленей Тельцом, восходящей к середине V тыс. до н.э. Так, традиционно забывая быка возле церкви после Петровок и летнего солнцеворота, рассказывали при этом, что «раньше приходили к нашей церкви два оленя и было сказано [свыше], что брать на убой одного, а второго отпускать на волю». На одной из старинных вышивок Архангельщины представлен знак плодородия — ромб, под ним — Оранта-Рожаница в окружении пары оленей, а над ним — еще одна пара по сторонам жертвенника с крестом и быком... Обнаружено, что скатерти с подобными вышивками вторично использовались местными иконописцами XVI века. Б.А.Рыбаков полагает, что «для подгрунтовки икон были использованы церковные скатерти, связанные с древними полуязыческими пирами-братчинами, на которых поедалось мясо жертвенных оленей».

Факты палеоевропейских или доиндоевропейских корней славян, как видим, вполне очевидны. Так что выдвинутая А.Г.Кифишиным гипотеза о существовании палеолитической Аратты — запечатленной, в частности, вышеупомянутыми датой и проч. на Каменной Могиле — имеет основания перерасти в ранг научной теории... Пока же будем придерживаться отождествления Аратты с трипольской и генетически предшествовавшими ей археологическими культурами долин бассейнов Дуная — Днестра.

2. Доараттское наследие в славянской культуре

Рассматривая древнейшие греческие, а вообще-то индоевропейские мифы, А.Г.Кифишин показал их родственность шумерским и египетским. Такое родство могло существовать на протяжении IX—VII тыс. до н.э. в доиндоевропейской среде ближневосточных племен, у которых началось становление производящего хозяйства (земледелия и скотовод-

ства)... Независимо от вышеуказанного исследования знаток украинского фольклора М.Чумарна выдвинула гипотезу о древнеегипетских параллелях в общеизвестной сказке «Про деда, бабу и курочку-рябу».

Исследовательница обращает внимание на те обстоятельства, что *ди-ди* в представлениях египтян — это кровь, которая считалась бессмертной субстанцией, перетекающей от предков в потомков; *ба* — наименование вечной души; *ра-ба* — ‘солнца душа’. К этому добавляется наименование водоплавающей праптицы, которую египтяне называли Гоготун — вполне созвучно славянскому прозвищу одной из пород чаек.

Как ни отнесись к такой чрезвычайно глубокой трактовке «примитивнейшей сказочки», но резоны в ней есть. Тем более, что помимо детского варианта с концовкой в виде обещания снести яичко «не золотое, а простое» имеется еще два, по крайней мере, варианта фольклорных записей — архаический украинский и русский с уже искаженной сакральностью текста. Оставим в стороне последний с его «курочкой-татарушкой» и сосредоточим внимание на особенностях первого. Оказывается, что помимо деда и бабу, возгоревавших за разбитым мышкой яйцом милой их курочки, соболезнования выказали также соломенные двери избушки, зеленый дуб у порога, идущий к водопою баран, в кровь обратившаяся от такого известия речка, девка на ее берегу, попадая у квашни, а поп — так тот отрезал себе с горя косу. Получается 11+1(яйцо) персонажей — несомненно отражающих календарно-годовой мифоритуал с акцентированием весеннего равноденствия (обещающего «снести» летнее солнце с возобладанием дней над ночами).

С рассмотренной сказкой соприкасается украинский обычай разбивать на Проводы три крашанки-яйца на кресте: «Помолись, (покойный) дедуня, за умерших тата, маму...» Вышеупомянутая коса досталась попам в наследство от их дохристианских предшественников; в этой связи можно ограничиться упоминанием Геродота о прядях волос, которые греческая молодежь приносила на могилу гипербореянок у делосского храма Артемиды...

Судя по мифоисторической летописи Каменной Могилы, в Поднепровье уже в доиндоевропейские времена бытовал образ создателя *Энлиля* — ‘Воздуха колыхания’, ‘Ветра’; тогда же или попозже его наделили супругой *Нинлиль* и эпитетом *Кургаль* — ‘Великая гора’... Традиция их почитания прекрасно сохранилась в славянской (с широкими индоевропейскими аналогами) Красной Горке с ее *Лелеми* и *Лялею*, — тем более что местом этого весеннего праздника избирался обычно *курган*. На нем, считалось, собираются духи мужские, тогда как на «лысых горах» (вспомним местоположения святилищ-обсерваторий Гипербореи) — женские.

Красная Горка (соответствующая именно древнейшим курганам обилием красной краски в их погребениях) празднуется в начале мая, накануне Рахманского Великдня, который связывается с почитанием мудрых прашуров и воссозданием ими Прайяца из скорлупы съеденных до этого крашанок. Играют попарно — «Красна девица» и «Горю-горю пень». На пень же или подобное возвышение усаживают («жертвенную») девушку, воплощение Ляли. Ее «как лялю» (говорится в народе) украшают венками, цветами и наделяют крашанками и молочными яствами — которыми все затем угощаются. В конце девушки разбирают венки, а цветы с Ляли топят в реке.

Та пожалуй-ко яечко, о Лелю!
Еще красенькое, о Лелю!
Що на красному блюди, о Лелю!

В предыдущих лекциях не раз подчеркивалось то обстоятельство, что *началом индоевропейской, а вместе с тем и всей планетарной цивилизации (государственности) вообще следует считать посещение около 6200 г. до н.э. жрецами малоазиатского Шу-эден-на-ки-дуга приднепровского Шу-нуна и заключение письменного* (судя по факту копирования летописи последнего и перенесения копии на барельеф Праматери в особо построенном для этого храме) *договора о сосуществовании в Циркумпонтийской зоне палеоевропейского и праиндоевропейского населения. Вследствие этого появилось государство Аратта* — этнокультурный центр которого располагался поначалу в Подунавье, а затем (со середины V тыс. до н. э.) стал смещаться к Поднепровью... Очерченный период надежно маркируется в этнографии восточных славян данными о календарно-зодиакальной смене Оленя Тельцом (см. выше), а также многими архаическими песнопениями со воспоминаниями о родине возле Дуная.

*Налетіли гуси з далекого краю,
Замутили воду в тихому Дунаю...*

3. Араттский пласт славянской культуры   Араттский пласт можно рассматривать, начиная с приводившихся выше упоминаний Урана в «*кривом танце*» Вольны и др. Затем, опираясь на выше рассмотренную же последовательность формирования аратт-ской системы святилищ-обсерваторий и непременно учитываемая матриархальную доминанту в культуре ранней Аратты, следует перейти к рассмотрению Диванны — специфически славянской формы индоевропейского Дьяуса-Притхиви или же Дьявы (двуполого 'Неба-Земли' с доминантой последней), сохранившей реминисценции палеоевропейского по своему происхождению Ану (тоже 'Неба' араттов и шумеров).

Диванна украинских галичан и др. в наиболее архаических своих проявлениях — это воплощение или ближайшая родственница знакомой нам уже Лады; позже — дочь Перуна и Литицы (Леты?). Я. Ф. Головацкий связывает ее с Даной и считает светлой богиней вод (хотя здесь уместно вспомнить и тот ведический 'Поток' — Дану, который арии считали матерью змия Вритры), а также отождествляет с греческой (следует же — с пелазгийской, затем этрусской и римской) *Дианой*, вспоминая при этом скифское происхождение последней. Однако, следуя намеченной нами трактовке, Диванну можно понимать как *Див-Анну* или же *Див-(Ин)анну*, — тогда становятся понятными ее чрезвычайная архаичность и весомость в самой сердцевине славянской культуры.

Польская *Дзеванна* или Зевана, будучи богиней лесов и охоты, явно родственна пелазгийской Диане с ее ланью и проч. (см. выше об Олене). Известна также форма *Живана*, или Жива. Имя этой весенне-летней богини говорит само за себя, особенно в сравнении с противоположной богиней зимы и смерти — Мара, Морана. К тому же в одной из польских хроник читаем: «*Божеству Живе было устроено капище на горе, названной по ее имени Живец, где в первые дни мая благоговейно сходится многочисленный народ просить от той, которую считают источником жизни, долговременно-го и благополучного здоровья. Особенно же приносились ей жертвы теми, кто слышал первое пенье кукушки, что возвестило им столько лет жизни, сколько раз повторился ее голос. Думали, что высочайший владыка вселенной обращался в кукушку и сам произвещал продолжение жизни...*»

Как видим, взаимосвязь *Диванны-Дзеванны-Зеваны-Живаны-Живы* с *Дьяусом-Дзеусом-Зевсом* и т.п. вполне подтверждается; тем более что греки верили в пере-

воплощение Зевса в кукушку, а Див в древнерусском «Слове о полку Игореве» в начале трагического похода «кличе на вершине древа».

В украинском фольклоре Диванна нередко скрывается под именем Ганна или за титулом панна-‘госпожа’; обнаружить ее можно по ряду признаков, ведущий среди которых — древо, в особенности ива-верба. Например: «...умирает мать. А умирая, призвала к себе дочь да и говорит: «На тебе, доченька, это зернышко да никому не говори, что оно у тебя есть. А коль случится с тобою беда, посади его...» Вот взяла посадила его на леваде, полила, а сама села и вновь плачет. Плакала, плакала да и уснула. Просыпается, аж из того зернышка такая прекрасная верба выросла, а под вербою криничка, и вода в ней такая студеная и чистая, как слеза. Подошла девица к вербе да и молвит: «Вербо яра, отворись! Ганна-панна идет...»

Украинские панна и верба (‘госпожа’ и ‘ива’) близки к пелазгийским лесным божествам Пану и Вербию — последний из которых был спутником Дианы. С другой стороны, именно ива считалась у хеттов и индоевропейцев вообще воплощением мирового «древа жизни». Такое название иногда проявляется и в украинском фольклоре. Так, Ивою зовется девочка-утка в сказке «Кривенька качечка» («Хромая уточка»), которую баба с дедом отыскивали в лесу. Пролетая над их двором, уточки призывают друг дружку:

*Онде наша діва,
Онде наша Іва...
Скиньмо по пір'іні,
Нехай летить з нами!*

М. Чумарна резонно полагает, что распространенный в фольклоре Иван сродни [пелазгийско-этрускому] Вербию и женской ипостаси ивы-вербы. Таким образом, становится очевиден изначальный смысл *Ивана Купалы* (тем более в сочетании с Мореной, о которой см. выше) — на родство которого с *Аполлоном* и *Артемидой* (аналогом, в известном смысле, *Диане*) мы уже указали. Подобно *Диванне* и *Иве*, *Иван* и в купальской обрядности, и в фольклоре тоже тесно связан с деревьями. Так, в сказке «Дерево до неба»: «...Раз задремал царь в саду и приснилось ему, что в тот день, когда страшная буря прошла среди дня, в туче был семиголовый змей. Это он схватил его дочь и унес на вершину высокого древа... Иван осмотрел дерево и врубил в него топор. Стал на топор, затем вынул и врубил над своей головой: так поднимался все выше и выше...»

Завершая наше краткое рассмотрение ипостасей Диванны и ее окружения, следует привести еще *Сиву* (заодно уж и *Севу* «Велесовой книги», и севаков Птолемея) полабских славян. Она представлялась им обнаженной простоволосой девушкой с венком на голове, яблоком и виноградом в руках; главное капище этой венероподобной богини (вспомним также ‘Венеру’-Инанну) находилось в Рацербурге. Ее же идол в польском Прильвице имел одеяние, однако имя *Сисие* заставляет вспомнить многогрудую Артемиду Эфесскую и т.п.

Можно согласиться с авторитетным мнением Я.Ф. Головацкого, что Диванна была «важнейшим из имен женственно-водного существа у славян». Более того, она намного полнее и выразительнее прочих дохристианских божеств отразила начало синтеза местного палеоевропейского и пришлого праиндоевропейского населения Дунайско-Днепровского региона. Будучи наследницей «палеолитических венер» и «охотничьей пра-Артемиды» (по В.Н. Даниленко), Диванна, вместе с тем, отчетливо указывает на аратто-лелего-пелазгийские корни славян.

Далее, основываясь на хорошо аргументируемом выводе Б.А. Рыбакова, можно утверждать, что наследие развитой трипольской культуры (т.е. уже поднепровской Аратты, которая в IV тыс. до н.э. достигла здесь своего апогея) наиболее явственно проявилось «в двух Рожаницах, в двух хозяйках мира» — обнаруженных выше не только в соответствующих сосудах и статуэтках, но и в древнейших (до утверждения культа Аполлона и Артемиды) святилищах-обсерваториях уже второй, индоевропейской миграционной волны из Малоазийской прародины.

Не предполагая еще открытий А.Г. Кифишина, исследователь поставил вслед за «неизвестными именами трипольских богинь» мать-и-дочь Лету и Артемиду (следовало бы уж предшествовавших им Фебу и Лету); теперь этот список должны возглавить известные нам из каменномогильской летописи Гатумдуг и Инанна, а также следующие за ними фольклорные Диванна и Ива.

Возможно, именно парные и проч. трипольские «биноклевидные сосуды» и статуэтки, в качестве жертвоприношений использовавшиеся в погребальном и других ритуалах, вспоминаются в заклании из украинской сказки «Про царевну Оленку и ее брата Иванка» (не Олениху ли с Ивой? — о чем см. выше). Прячась от угрозы греховного супружества с Иванком, девица трижды обращается к Матери-Земле со словами:

*Ви, дзвони, задзвоніть,
Ви, ляльки, заспівайте,
Ти, земле, розступися —
Най я ввійду в тебе!*

Найдя там, в потустороннем мире, свою двойницу в супруги Иванку, Оленка выходит с нею из-под земли посредством несколько иного заклания: «... — *и выпусти на белый свет!*» М. Чумарна верно указывает на родственность этих персонажей Ляле и Лелю, а также индоарийским Сите и Раме. Но если Оленка с подругой-невестой побеждают потустороннего змия (обычно, кстати, изображавшегося на древнейших трипольских статуэтках), то Ситу забирает Мать-«Земля»-Притхиви, на мгновение поднявшаяся из потустороннего мира — на троне в окружении змей. Объяснение верного замечания исследовательницы относительно обязательности змиеборчества во имя обретения героем суженой будет приведено в заключительной лекции. Здесь же ограничимся еще одной фольклорной параллелью аратто-«трипольской» культуре. В весенней девичьей песне поется:

*Калино-малино, ягода червона!
Ой я за квіточку, змія — за ручечку...
.....
Миленький прийшов, з мене змія зняв.
Калино-малино, ягода червона!*

С упомянутыми «биноклевидными сосудами» в виде двух пар взаимообращенных воронок сопоставим образ славянской *Ма(о)коши* — изображавшейся то с поднятыми к небу, то с опущенными долу руками. Подобные изображения женского божества восходят к Триполью, но продолжают в аналогичном виде бытовать и в украинских писанках. Б.А. Рыбаков обстоятельно рассмотрел трактовки данной богини: близость ее к Ражаницам и Ладе, к весенне-дождевой «мокрости» (руки к небу — мольба о дожде), но также к обозначающим достаток «кошелям» (руки долу — под тяжестью ноши).

Образом Макоши и следует завершить эту лекцию. Ибо, по заключению Б.А. Рыбакова, Г. Лозко и других авторитетных специалистов, этой славянской богине предшествовали индоевропейские Ма-Дивия, Дана, — а унаследовали ее православные Параскевия Пятница и Оранта-Богородица. Образ последней ярче и национальнее всего представлен в Софиевском соборе Киева — «матери городов русских».

***

Основная литература:

Головацький Я.Ф. Виклади давньослов'янських легенд або міфологія. — К., 1991.

Афанасьев А.Н. Древо жизни. — М., 1982.

Воропай О. Звичаї нашого народу. — К., 1991.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. — М., 1981.

Чумарна М. Мандрівка в українську казку. — Львів, 1994.

Лекция 9

Ствол славянского дерева

---

1. Этно-исторические соответствия лелегам— этрускам

В некоторых из предыдущих лекций рассматривался вопрос о связях приморской части Аратты (усатовской культуры позднейшего Триполья) с малоазийской Троадой. Теперь надлежит рассмотреть соответствующий пласт славянской культуры.

Начнем с напоминания о морском характере указанных связей и об изображениях парусных кораблей в святилищах Каменной Могилы. Изучивший эти изображения Б.Д. Михайлов указал на критские аналоги 3000—1400 гг. до н.э. Он же допускает наличие здесь соответствующих надписей и мифоритуальных соответствий тем, которые описаны в «Илиаде» Гомера. Исследователь обращает внимание на сходения главного святилища гомеровской Трои с обустройством вершины приднепровского Шу-нуна (по А.Г. Кифишину), на «поразительную согласованность топографии» этой исконной «Руки-закона владычицы» с древнегреческими храмами Деметры и Афродиты, на аналоги среди ее изображений известным древу Диониса и Зевса и двулезвийной секире последнего... Сюда же следует присовокупить жреческие воплощения Зевса Талейского (специфически критского), Аполлона Таргелия (гиперборейского) и Диониса, обнаруживаемые в упоминавшихся уже погребениях ингульской (по наименованию реки между Днестром и Бугом) археологической культуры, производной от усатовской и родственной также среднеднепровской. Но это аналоги уже постараттского времени, XVIII—XVII вв. до н.э. Что же касается отмеченного выше сходения святилищ, то специфические соответствия троянским имеются и в древнеславянской культуре.

Так, в руинах Трои открывший ее Г. Шлиман нашел «клад L», состоявший из янтарной бусины гиперборейского происхождения, шести хрустальных наверший кинжалов (?), более сорока разнообразных линз из такого же камня, четырех ритуальных топоров из различных пород лазурита и жадеита, а также двух металлических фигурок... А вот свидетельство одного из авторов гораздо более позднего времени и никак с Троадой не связанного: «Были в земле Славянской священные строения. Одно из них находилось на горе — одной из наивысших, как утверждают философы. То строение славно своею архитектурой, камнями разных пород и цветов, отверстиями вверху надстроек, сделанными в них для наблюдений точек восхода солнца; драгоценными камнями, что в них хранятся; знаками, на нем изображенными, показывающими грядущие дела, напрогнозированные теми драгоценными камнями до их свершения...» Ну как тут не вспомнить Кассандру, прекращающую падение Трои!..

Хотя бы частичному переселению приморских араттов в Троаду несомненно содействовали геокосмические катастрофы, сотрясавшие побережья Черного и Средиземного морей. Установлено, что накануне, а может, и в период Огигосова потопа Троя-II была разрушена страшным землетрясением и около полувека пролежала в руинах. Ее восстановление и заселение в начале XXIV в. до н.э. вполне могло осуществляться исчезающими в то же самое время из Северного Причерноморья араттами.

Заселившие Троаду племена назывались, как мы уже знаем, лелегами — («перелетными») аистами» (*лелеками*, по-украински). *Греки* («грачи»; *граки*, по-украински) перевели данный этноним на свое наречие как пелазги — и указывали на их (очевидно, привычное) расселение на побережьях и островах... С тех же времен и, быть может, событий сохранились на Украине специфические имена и фамилии, аналоги которым известны лишь в Пелазгии: Палажка, Лелека, Гайман, Гамалия, др. Сохранилась и приуроченная к *Рахманскому Великдню* (от ведического *Дня Брахмы*, как показано выше) легенда о переселении *рахманов* «за Сине-е-море». Ежегодную весточку посылают им тем, что бросают скорлупу от великденьских крашенок-писанок в реки, текущие в Черное море, — заморские рахманы собирают, мол, ту скорлупу и ежегодно же воссоздают из нее Прайяцо...

Связь этого уникальнейшего мифоритуала с описываемыми событиями подтверждается, с одной стороны, аратто-«трипольскими», а с другой — крито-микенскими изобразительными аналогами украинских писанок. По народной традиции изображенные на них свастики, бегущие волны, меандры и проч. называются *сваргами*, бесконечниками, круторогами; есть здесь и соответствующие теме нашего разговора «черное море», «черногузы» (те же лелеки), «ветрячки», «берегини». К последним мы еще обратимся при рассмотрении скифских аналогов, а здесь укажем фольклорную параллель женоподобным изображениям (Диванны-Дианы-Ганны-панны? — см. выше) среди «уточек», «деревцев» и проч.:

*За ворітьми, за приворітьми,
Там стоїть сосна, від срібла ясна,
Від злата красна, —
А в тії сосні корабель пливе,
А в тім кораблі гречна панна...*

Говоря о Трое, необходимо постоянно помнить об «Илиаде» Гомера. Своим названием «Солнечный» *Илион* обязан *Иллою* — которого греки-эллины называли *Аполлоном* и не зря считали покровителем Трои. Указанное же имя было сугубо лелегским; оно сохранялось затем их италийскими потомками — этрусками, посвятившие надписи которых вроде «это дето ази Иллояс» («это дано богу Иллою») указывают и на праславянскую принадлежность данного божества. Действительно, *ему родственны не только Ильи древнерусских былин и поверий, но также описанный Геродотом загадочный город Гелон*, в котором особо почитали младшего брата Аполлона — Диониса. Археологи отождествляют этот город с гигантским — наибольшим в тогдешней Европе — городищем у современного Бельска над долиной Ворсклы. Возник он уже после падения Трои, в скифское время — но (если верить «Велесовой книге» и ее предложенной выше трактовке) в связи со скитаниями переселившихся в Италию потомков Энея и Антенора («анта Ора»?)... Что же касается творца «Илиады», то исследователи все более склоняются к выводам о его лелегско-пелазгийском происхождении и собирательности этого образа из плеяды *омиров* (как, кстати, и называ-

ют древние авторы уже привычного просвещенному миру *Гомера*). Омирами лелеги называли сказителей, обычно к иным делам не способных — как тот же слепец Гомер или слепые лирники и т.п. украинцев.

Здесь следует указать и на другие довольно специфические для троянцев (или онов) особенности, обнаруживающие аналоги в славянской культуре. Сведения об этих особенностях сохранили римляне, долгое время соседствовавшие с такими городами переселенцев из Трояды, как Медула, Трикрины, Калат(ч)ия, Волю, Турана, Конины и др. От них соседи переняли, в частности, такие *фараки* («браки» от *братъ*, вспомним характерное для Руси дохристианских времен «умыкание жен»), которые вошли в историю как «похищение сабинянок». При этом этруски осуждали майские браки и одобряли июньские («...а то будете маяться. Дождитесь Купалы!» — доньне поучают нетерпеливую молодежь на Руси). Перенятые у тех же этрусков особые воинские игры традиционно назывались римлянами *троянски лиду* («*троянские люди*»). Другой танец назывался *трипадурэ* и, судя по описаниям, напоминал украинско-казачьи *трепак* и *гопак*. Якобы изобретшие этот воинственный танец этрусские жрецы куриты включаются исследователями в семантический комплекс таких культурных проявлений, как *Курес* и *Кера* («Городки» недалеко от Артаны), а также *куры* (из-за причесок в виде «петушиных гребней»); правомернее бы сопоставлять *куритов* с *курениями* и *характерниками* тех же казаков. Тем более что этруская *Артана* сродни и древней *Аратте*, и доньне существующему украинскому *Артаплоту*...

Настал момент указать и на родство названий Триполье и Троя — возможно, действительно породнившихся во времена странствий героев «Велесовой книги» и формирования той воинской касты «веков Троянских», о которых с тоской вспоминает автор «Слова о полку Игореве».

Народная, а за ней и научная этимология ищет в Триполье «Три поля». Однако при взгляде на карту мы видим три «Змиевых вала», расходящиеся от городка и Днепра; кроме того, у Днепра же, на равном расстоянии от основы этого тризуба, расположены кольцевые валы славянских городищ у Зарубинцев и Трахтемирова. Так что куда правомернее сопоставлять Триполье с *Артаплотом*, *Аполлоном* и *Гопаланом*, *Купалою* и *полянами*, а также *Палунью*. Во всех этих случаях имеем дело с «городами-защитами» — о чем выше (при анализе имени Аполлона) уже говорилось. К тому же в молдавском наречии фракийцев *троян* — это «вал». В подтверждение сказанного выше о «Велесовой книге» и «Слове о полку Игореве» можно сослаться теперь на упоминаемых уже возле Альп этрусках-*триполян*х, обитавших в долине *Валь Тримпия*...

У истоков этруско-римских *календ* и *календаря* стоят пелазгийский титан *Коя* (уже упоминавшийся нами отец Лато-Лады) и славянские *Колю* — «Солнце» и «солнечный Год»; *календарь* произошел, очевидно, от *Кола дара*. При этом «Велесова книга» сохраняет традицию аратто-лелегских времен:

И те свята —

первое Колядь, зимний солнцеворот, Рождество [Ю.Ш.]

и второе — Яр, весеннее равноденствие

и Красна гора,

и Овсяна Езмень (Ясень и т.п.), осеннее равноденствие

Великая и Малая...

«А Богов купальте» «оберегайте», от *полис-пала*

и Дажда чтите Солнце летнего, *Купальского* солнцеворота

Здесь отражен весьма архаический, еще индоевропейский календарь: трехсезонный, с разделением лета между весною и осенью; наметившееся четырехсезонье приурочивается к равноденствиям и солнцестояниям. Такой комплекс признаков характерен для эпохи Тельца 4400—1700 гг. до н.э. Затем последует 8-частный солнечно-зодиакальный календарь эпохи Овна — с акцентированием (согласно Г.Лозко и др.) Риздва, Колодия, Великдня, Русалки (Троицы, Зольника), Купалы, Спаса, Врожая, Макоши (Колиты)... *Имеем весомое указание на подлинность «Велесовой книги», на документальную архаичность ее компиляций.*

В заключение раздела приведем краткий список этрусско-русских языковых соответствий:

агна — ягненок
 аки — как
 багети — богатый
 вале — вал
 врага — враг
 гараздо — хорошо (укр. гаразд)
 гнитус — гнет
 гуре — гора
 двар — дверь
 дивiana — девица
 живас — живой
 жеуна — жена
 жупанос — кафтан (укр. жупан)
 зар — жар
 заутсас — заяц
 каледонес — колядки
 ката — угол (укр. хата)
 кондулус — кандалы
 кориус — кора
 лар — ларь
 либ — хлеб

луес — лой
 мак — мак
 макос — май
 паин — господин (укр. пан)
 пагани — плохой (укр. поганий)
 никун — пекти
 пелянос — каравай (укр. паляница)
 перома — паром
 пулу — поле
 патакс — птица (укр. птах)
 ртеле — тщательно (укр. ретельно)
 секурис — секира
 скрипиум — сундук (укр. скриня)
 сопил — сопилка
 спака — собака
 сутина — полумрак (укр. сутинки)
 скатера — скатерть
 талан — судьба (укр. талан)
 теремнон — терем
 тес — тес
 цена — цена

Разнообразие и частота сходжений указывают на несомненное родство лелегско-венедско-этрuscoго и славянско-украинско-русского языков. При этом наибольшая близость именно украинского подтверждает выдвигаемую концепцию морского переселения из причерноморской (район Одессы) Аратты в Троаду, а оттуда — в Этрурию. На это же указывают и вышеприведенные этнографические данные — также, по большей мере, сконцентрированные на Украине.

2. Арийские традиции в славянской культуре *Итак, потомки араттов (лелеги, известные здесь позже — по Геродоту — как «гиперборейцы», гелоны, сколоты, борисфениты и проч.) отчасти продолжали обитать на своей территории между Днепром и Дунаем, а частично (с конца III тыс. до н. э.; пелазги, илионы, лиды, венецы, этруски, русы; др.) расселились по свету — чтобы затем (в IX в. н.э.) сойтись, в значительной мере, на своей исконной родине под новым именем Русь.*

За прошедшие века — с кем только не сводила судьба то или иное пра-иль-славянское племя, чего не набрались и чего не утратили! Однако без рахманов, харак-

терников, волхвов и подобных им мудрецов не обходился никто — а они уж умели постоять за традиции!.. Вот так и хранили веками язык и заветы.

Не станем здесь повторять то, что давно уж известно. Наша задача конкретней — отследить славянские корни на их исконной земле в материнских культурах Аратты и Ариана. С первой частью задачи мы справились выше; приступаем теперь ко второй, опираясь при этом на «Indoarica в Северном Причерноморье» языковеда О.Н.Трубачева и «Прародину ариев» археолога Ю.А.Шилова.

Если уж оседло-земледельческая Аратта (в III тыс. до н.э. с центром на Правобережье Днепра) оказалась в потоке перемешавшихся стран и народов — то скотоводческо-кочевому Ариану (соседу Аратты) и Бог велел!.. Однако *даже и в скифо-античные времена в низовьях Днепра наряду с «царскими скифами» продолжали обитать дандарии — «жезлоносные арии»; так что традиция арийской прародины не прерывалась. Наряду с этой «старой Синдикой» где-то в середине II тыс. до н.э. в процессе частичного переселения в Индию, в низовьях Кубани сложилась и «новая Синдика». Именно к последней — через армянскую хронику VII в. (а много ранее и через кавказских энетов в районе озера Ван, а также этрусские реминисценции «Велесовой книги») — тянутся нити аратто-арийско-индийско-славянского родства.* Нити уже вполне очевидные, но почти не исследованные... Не станем пускаться в эти дебри и мы; ограничимся некоторым расширением тех сведений, которые приводились в предыдущих лекциях.

Отдельные рода днепро-кубанских ариев (об ариях Закавказья и Зауралья, также о шумеро-иранской Аратте говорить здесь не будем) — очевидно, из племен дандариев, чангар, синдов, др. — переселились в Индию в середине II тыс. до н.э.; другие рода тех же и прочих племен остались на месте или были втянуты в иные миграции «народов моря» и киммерийцев. (Арийская принадлежность последних, тяготеющая к пелазго-фракийско-индийской ветви, стала довольно определенно проступать после обнаружения в их могильнике у села Каиры, недалеко от Каховки, аналогов основному мифу Ригведы.) В ту часть потока, которая оказалась причастной к Троянской войне, попали прашуры создателей «Велесовой книги» — начинающей изложение исторических преданий уже после переселения разбитых троянцев в Этрурию. *Указания на прапредков Богумира и Ора можно рассматривать как отражение изначального лелегско-арийского союза родов, ослабяннившегося в период освоения Энеем и Антенором (восприемников того же союза?) Италии.*

Потомки Ора — Кий, Щек и Хоров — побывали в Голуни (Гелоне, производном от Илиона и основанном родом, вернувшимся на прародину из разгромленной Трои?) и близрасположенном Киеве (будущей столице Руси): могли побывать они в IX—VIII вв. до н.э. и на Синдике, что напротив восточного чтимого ими Сурожа. Ее Тмутаракань мог основать Лебедян (он же Славер), восприемник умершего Кия; тогда же, возможно, появились возле озера Вана энеты... *То, что эти предания восприняло индусское племя, которое на время переселилось в Армению, — свидетельство традиции арийских этноисторических связей, хранимых вплоть до возвращения в Европу из Индии части чангар-чингян-цыган. То, что эти же предания «Велесовой книги» были использованы киевским летописцем Нестором в XII в. — свидетельство сохранения славянских этноисторических связей, но уже подгоняемое под хронологию и проч. христианства. Воистину «греки стремятся и нас окрестить, чтобы мы забыли богов наших». В своем забвении такого завета монах Нестор отнюдь не честнее и глубже, нежели академик Д.С.Лихачев... И только автор призывно-скорбного «Слова о полку Игореве» воссиял в Православии как хранитель сопричастности корня славянского к «векам Трояновым»; к этому корню преклоняем ныне свои колени и мы...*

Таким образом, историческая связь древнейших славян с ариями времен переселения тех в Индию уже не вызывает сомнений. Не должна вызывать сомнений и гораздо более древняя связь (со времен расцвета приднепровской Аратты и зарождения Ариана) — ибо откуда же взяты и Рахманскому Великдню украинцев, и подчеркиваемым Б.А. Рыбаковым славянско-ведически-индийским связям? Остановимся на нескольких примерах последних.

Прежде всего — о кургане *Савурюга* над *Конкой*, меж селами Григорьевкою и Юльевкою на Запорожчине. Его название родственно ведическому *Свар-юга* — «Золотому веку»; сопоставление подтверждается сходным названием реки — *Канка*, «Священная река» или «Река празднеств» (укр. свят). По ведической традиции Золотой век завершился в ночь с 17 на 18 февраля 3102 г. до н.э. Случилась тогда катастрофа или сменились календари — курган в честь подобного события насыпать могли; могли и приурочить его к соответствующей махауге «дня Брахмы». К тому же *Сварог*, высшее божество древнейших славян, мог произойти не только от *Сварги*, но и от ведического же *С(у)вар-аг(ни)* — «Золотого (Солнечного) огня»...

С Савурюгою или Савур-могилой и Конкой связаны легенды о Первопредке-всаднике, мудром пращуре Савуре, Казаке-характернике, Золотом коне... Рассказывают о брате-Первопредке, казнившем вероломную сестру за сговор со Змием — и проступает время формирования ариев-всадников, утверждающих патриархат. Рассказывают о предтечах Казака Мамаю (мамаями на Украине называли каменных идолов на курганах-могилах) — и проступает образ арийского Спасителя Гандхарвы. Рассказывают о Городище на месте кургана, о спасшем горожан от нашествия мудром патриархе Савуре — и проступает образ приморской Аратты лелегских времен... Со специфическими деталями этих легенд можно ознакомиться по сборнику «Савур-могила» (К., 1986).

Особую научную ценность имеют сопоставления местных, давно уж опубликованных легенд и преданий — с реалиями недавно раскопанных археологами курганов, фигурирующих в этом фольклоре. Такие исследования были произведены в устье Псела и долине Белозерки, на полуострове Чонгар, над Новосельской переправой через Нижний Дунай. Сопоставления археологических и этнографических данных привели автора «Прародины ариев» и «Путей ариев» (К., 1995—1996) к гипотезе *о сохранении традиций не только изустно и т.п. — но также посредством биополей («душ предков»), хранимых энергетикой людей и природы...* Вывод, конечно, за пределами «академической науки» и «здорового смысла» — однако некоторые из сопряженных с ним фактов столь очевидны, что заставляют работать и в этом направлении тоже. А то ведь как разберешься с истоками йоги и прочими чудесами — сохраненными аратто-арийскими *брахманами* Индии и угасшими на нашей арийской прародине вместе с *рахманами* и их восприимчиками...

Отсылая аудиторию к вышеназванным и другим книгам (где, в частности, в связи с чонгарским Гарманом ариев рассматривается интереснейший вопрос о происхождении «Змиевых валов» славян), в заключение данного раздела необходимо остановиться еще на трех группах источников.

Специфической деталью Рахманского Великдня украинцев является блюдо с моделью кургана: земляной холмик загодя засевают овсом или житом, а затем обкладывают красными яйцами по числу поминаемых умерших. Такая модель отвечает именно арийским курганам — покойников которых окрашивали охрой и называли Мартандой — «Мертвым яйцом». Засвидетельствован также обычай (в с. Обиточном на берегу Азовского моря) выхода населения в степь «бить гадюк, за каждую из которых Бог прощает по сорок грехов». В арийские времена, по-видимому, это рас-

ценивалось как помощь змиеборцу Индре в его битве с демоном *Вритрой* за освобождение зародыша мироздания *Валу*. Известно, что от этих образов произошли славянские *Волох* (*Велес*) и *Воротар* — доныне изображаемые на писанках-яйцах и упоминаемые в фольклоре...

Ярчайшим признаком арийской культуры есть конь: впервые здесь его приручили, впервые создали конницу, всадник *Гандхарва* стал здесь арийским Спасителем. Случайно ли на украинской прародине ариев конь — по авторитетному заключению фольклористов-этнографов — доныне остается самым любимым и священным животным? (За ним следует корова, а дальше — вол и собака.) При этом почитание коней обнаруживает специфически арийские связи с вершинами (вспомним *Валу* и птицеподобность *Гандхарвы*), трехчастным делением мира; иногда даже с голубем — как символом загробного мира (в то время как ворон обнаруживает свою связь с солнцеподобным *Аполлоном*).

*Из-за гори крем 'ноі голуби літають —
Не зазнала розкошоники, вже й літа минають.
Запрягайте коні в шори, коні воронії,
Та й поїдем здогоняти літа молодії...*

Обратимся теперь к сопоставлению лексики ведического санскрита — и некоторых из наших доныне часто употребляемых слов:

багута — много (укр. багато)

беут — быт(ие)

вар(и) — варить

вартита — вертеть

видита — известный

(укр. видомый)

вита — приветствие

(укр. витання)

гати — гатить

грама — община

(укр. громада)

грива — грива

дара — дыра

дарава — дерево

даса — десять

дата — дать

два — два

двара — двери

дивья — дивный

джив — жить

кара — кара

карб — заметка (укр. карб)

крин — корень (хрен)

кшатрий — военачальник

(укр. кошовый)

лата — латка

любгьяти — любить

Мара — Мара

матар — мать

мриты — умирать

мира — мера

мла — мла

мур — кладка (каменная)

(укр. мур)

нана — мама (укр. неня)

пан — господин (укр. пан)

плавана — плавание

потджати — мощный

(укр. потужный)

приятя — приятель

Здесь, как и при рассмотрении этрусско-славянских соответствий, заметна большая близость украинского языка — который не только архаичнее, но и автохтоннее русского (прошедшего вместе со своими носителями, исключая разве что новгородцев, из Этрурии через Европу и Прибалтику). Вместе с тем необходимо отметить больший этноформирующий потенциал лелегско-венедско-этрusco-русского ответвления (в то время как консервативное араттско-арийско-украинское ответвление в большей мере сохра-

нило ядро индоевропейской общности). К этому всему необходимо присовокупить и то обстоятельство, что санскрит — «искусственно созданный» язык Вед — нельзя считать арийским лишь в этническом понимании этого слова; его в основном создавали брахманы Аратты.

Ее наследие обнаруживается и в скифское время.

3. От Скифии до Запорожья

В науке господствует мнение, что скифы, а немногим позже греки — это переселенцы в слабо заселенное Северное Причерноморье VII—V веков до н.э. Первые, мол, пришли сюда в поисках новых пастбищ; вторых привели в «Скифскую пустыню» перенаселенность и голодное прозябание в некоторых из городов-метрополий, а также интересы торговли.

Относительно скифов исследователи опираются преимущественно на **третью** из рассказанных «отцом истории» Геродотом легенд (IV, 11—12) — повествующую об их приходе из-за Волги, о походе их в Переднюю Азию якобы с целью преследования убегающих киммерийцев... Между тем выдающийся скифолог Б.Н.Граков считал этот народ преимущественно автохтонным потомком срубной [арийской] археологической культуры — и акцентировал при этом **первую** из геродотовых легенд (IV, 5—7):

«Первым жителем этой тогда еще безлюдной страны был человек по имени Таргитай. Родителями этого Таргитая, как говорят скифы, был Зевс [«Папа»-Папай, как в другом месте называет его Геродот] и дочь реки Борисфена [змееногая богиня, наверное]... а у него было трое сыновей: Липоксаис, Арпоксаис и наимладший — Колаксаис. При их царствовании на Скифскую землю упали с неба золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша... Когда подошел третий, младший брат, пламя погасло, он отнес золото к себе домой. Поэтому старшие братья согласились отдать царство младшему...

Все племена вместе именуются скелотами, то есть царскими. Эллины же зовут их скифами.

Так рассказывают скифы о происхождении своего народа. Они полагают, между прочим, что со времен первого царя Таргитая до вторжения на их землю Дария [во главе персидского войска, в 514 г. до н.э.] прошло как раз только 1000 лет».

Очевидно, что скелотов во главе с Колаксаисом (иранский Сколахшайя) и вышеприведенным комплексом священных предметов никак нельзя считать кочевниками-скотоводами (как повествует дальше Геродот о других «царских скифах») сугубо иранского происхождения. Поэтому некоторые исследователи резонно связывают *с-коло-тов* и *Кола-к-сая* со знакомым нам уже славянским *Коло* — «Солнце» (откуда и Колядки с их караваями, изукрашенными символами плуга, ярма и др.). В таком же ключе можно трактовать Липо-к-сая — «Прекрасного царя»; не исключено, что Арпоксай — ошибочное Арто-к-сай — «Царь Арты». В связи с трактовкой этноисторической принадлежности скелотов можно указать на пелазгийские, очевидно, по своему происхождению местности *Скол* и *Сколопоэнт*, где затем проживали греческие племена Балкан и Анатолии. К тому же *скелотский Таргитай*, как отмечено Б.А.Рыбаковым, имеет немало соответствий среди индоевропейских народов: это и «гиперборейско»-греческий Аполлон *Таргелий* (чье выразительное жреческое воплощение было обнаружено в ингильском погребении XVIII в. до н.э. возле Каира), и этрусско-римский *Тархелий*, и хетто-лувийский *Тарху-Тархунт*, и, наконец, *Тарх Тарахович* одной из сохранившихся на русском севере сказок (а возможно, и Трахтемирова — не «мира-общины Тарха» ли?).

Этот богатырь-старец жил на Сиянской («Солнечной», то есть) горе и враждовал с Бабой-Ягой необычного вида — возглавлявшей женскую конницу, которая совершала набеги на пастухов быков. Похоже на амазонок, ставших легендой уже в V в. до н.э. — во времена Геродота. Поскольку существуют легенды также об индийском Траитане и иранском Траэтане, которые, борясь с трехглавыми змиями, освобождали быков и женщин, то возникновение древнерусской сказки о родственном им Тархе Тараховиче следует относить к периоду расселения ариев из Поднепровской прародины, то есть к середине II тыс. до н.э. — как раз ко временам геродотовского Таргитая. Наличие же вышеуказанного хетто-лувийского бога грозы позволяет углубить дату по крайней мере до рубежа III—II тыс. до н.э. — до завершения переселения приморской части Аратты в Троаду и проч.

Таким образом, линии этногенеза автохтонных и мигрировавших линий праславян, формировавшихся на основе ядра индоевропейской общности (т.е. Аратты), или довольно синхронно и контактировали друг с другом. Можно также сделать вывод о том, что сколоты были не частью пришлых кочевников-скифов, но прямыми потомками указанного государства.

Кроме них были еще, по словам Геродота, «скифы-хлеборобы. Их эллины, которые живут на речке Гипанис, называют борисфенитами»; через эти земли пролегали исконные «Священные пути» — некогда соединявшие, по-видимому, лесостепную и приморскую части Аратты. Известны также *ализоны* (гализоны-галичане?), *невры* (которые раз в году будто бы обращались в волков)... Некоторые исследователи считают эти племена праславянскими. Как бы там ни было, а казаки-запорожцы многое сохранили именно из арийско-скифских (а также троянско-этрусских, как отмечалось выше) обычаев: и своеобразные чубы-«оселедцы» (встречавшиеся, впрочем, и у иных индоевропейских народов или же каст), и красную накидку на лики погибших, и почитание курганов-могил, и прозвище волков-«*сиромак*» — в которых будто бы умели они превращаться, и предания о магической силе отрубленной правой руки кошевого атамана *Сирка*. Подобие последнему записал Геродот: «...У заколотых жертв отрубают правые плечи с руками и бросают их вверх... Из правой руки вражеских трупов выделяют чехлы для своих колчанов».

Аратта, как не единожды уже отмечалось, хранила ядро всей пра-, а затем и индоевропейской общности. Из него выходили пращуры не только славянских, но и других племен: некоторых арийских, греческих, индийских. Так, среди населения Дунайско-Донского междуречья Геродот называет «эллинских скифов» и гелонов — которые «говорят отчасти на скифском языке, а отчасти на эллинском», имея при этом «святилища эллинских богов со статуями, алтарями и храмовыми строениями из дерева, сооруженными по эллинскому образцу». Такие удивительнейшие соответствия культуры этих варваров с греческой «отец истории» пытается объяснить тем, что «жители Гелона давным-давно были эллинами. После изгнания из торговых поселений они осели среди будинов» — подобно сюда же переселившимся неврам. Однако такое объяснение нельзя считать удовлетворительным, поскольку оно расходится с мотивацией **второй** легенды из рассказанных Геродотом о происхождении агафирсов, *гелонов* и скифов от пришедшего Геракла и местной змееной богини. Подоснова данной **эллинской** версии обнаруживается в **илионской** (троянской) легенде о спасении Гераклом от змия *Гесионы* (с рудиментами сюжета о проглатывании героя **змееноподобной** богиней), сестры будущего царя Приама. Совершив этот подвиг, Геракл заслужил пару божественных коней, за которыми вернулся в Трою из похода не то в Колхиду, не то против амазонок. Невыдача коней Лаомедонтом, отцом Гесионы, послужила поводом для первого (догомеровского) захвата греками

Трои — и, возможно, для переселения групп троянцев не только в Италию (под предводительством Тирена?), но и на Тамань и Кавказ, а также на свою приднепровскую прародину. Где донныне бытует легенда о царевне из змиевой пещеры острова Перун, родившей богатырю-освободителю трех сыновей...

Таким образом, обнаруживаются мифоисторические связи между гомеровским Илионом — геродотовским Гелоном — Галунью «Велесовой книги». Исследование подобных связей уже привело Л. И. Акимову к предположению, что специфика «тро-янской славы» в передаче Гомера «чрезвычайно укоренена в этнопсихологии славян, имя которых, возможно, связано с данным понятием. Очевидно, славяне имели прародину на той северной территории, которая стала центром создания будущей «истории Трои». [...] Если сохранились данные о присутствии в Трое трех этносов (аттического, критского и этрусского), это может значить, что на деле в Троаду пришли с севера некие три племени, давшие филиации в Аттику (или Аркадию), Крит и Этрурию. Обратное предположить невозможно». Очерченное предположение хорошо согласуется с нашими выводами: Троада в XXIV—XXII веках до н.э. заселялась трипольской Араттой, а во второй половине II тыс. до н.э. часть переселенцев возвратилась из Трои-Илиона и основала Гелон...

Вернемся, однако, к родословной гелонов, агафирсов и скифов — порожденных в днепровских Плавнях, якобы, странствовавшим Гераклом и местной змееногой богиней. Археологам удалось отыскать это место, его указал арийско-киммерийско-скифский могильник у села Каиры, недалеко от Каховки.

Материалы арийских курганов оказались весьма интересны. Из местных праэллинических (ингульской культуры, упоминавшейся выше в связи с предтроянской, лелегской Араттой) чрезвычайно важным стало обнаружение жреческих воплощений Аполлона Таргелия и Зевса Талейского XVIII в. до н.э. Затем последовал киммерийский могильник конца II тыс. до н.э. с выразительнейшим мифоритуалом сохранившегося здесь ведического представления о единоборстве героя Индры со змием Вритрой за обладание зародышем новогоднего мироздания Валою. Персонажи были представлены в виде огромных трех рвов, вырытых (и после жертвоприношений зарытых) в начале формирования кладбища. Рядом соорудили несколько более поздних киммерийских курганчиков, потом пошли скифские VI—IV веков до н.э. Курган вождя символизировал фигуру богини-роженицы, у ног которой оказалась непотревоженная (катакомбы воителя и его супруги были нарушены ритуалом «вскрытия Валу») могила девочки со стрелами и украшениями, у входа в которую лежал юноша — тоже со стрелами и с парой уздечек под головой. «Геракл, пришедший за конями к деве-богине». Ряд специфических деталей указал исследователям на трансформацию этого мифоритуала из предыдущего — т.е. корни рассказанной Геродотом легенды о происхождении трех братских народностей обнаружили в аратто-арийской Ригведе... Поговорим о славянских соответствиях этому узлу мифотворчества.

Специалисты сопоставляют ведические *Валу* и *Вритру* со славянскими *Велесом* и *Воротарем*. На мартовские (некогда новогодние) гуляния «открывания Врат» девицы начинали водить гаевки. «Пусти нас, пусти нас к горам воевати», — напевали они, но Воротарь требовал выкупа — одну за другой... С *Индрой* (дохристианские *Индрик*, *Ондрий*, в православии — святые *Андрей*, а затем и *Георгий*) можно сопоставить некоторых змиеборцев: см., например, в приводившейся выше сказке «Про богатыря Дымка и зятя его Андрушка». Помимо имени и змиеборчества, специфическое родство этой сказки с главным ведическим мифом проступает в таких моментах, как взросление *Андрушка* под присмотром праматери (вед. Адити — слав. бабы Марии),

вспаивание его (амрита и сома — разноцветные вина в качестве «мертвой и живой воды») для победы над змием, усиление конем (Дадхикра — конь гнедой, наилучший из трех). Завершается же сказка не просто избавлением суженой, а соотносением ее с амазонками (вспомним тут Бабу-Ягу из сказки о Тархе Тараховиче). Примечательно то, что спасенную девицу зовут не О(А)лена — как полагается по-славянски, — а именно Елена (см. выше об Елене, Эллене, а заодно и об Аполлоне Таргелии). Налицо также пережитки матриархата, свойственные украинской культуре и восходящие к Аратте: *«Потом вышла баба Мария, ударила трижды ногами, двери в дубе закрылись, кони пред ними явились, баба скомандовала коням: «Ложись!» Белый конь лег перед Еленой, гнедой перед Андрушком, а черный перед бабою. Сели они и поднялись в воздух».*

Указанные пережитки свойственны также пелазгийско-греческому Гераклу — «Возвеличенному Герой» и использованному змееной богиней. Выше освещен был вопрос о календарно-годовой подоплеке образа героя, а также о тождестве его со славянским Яро-словом. Оба они связаны с Тельцом времен господства того в Зодиаке (4400–1700 годы до н.э.): Геракл попал к богине Поднепровья, когда «гнал быков Гериона», подаренных тому Гелиосом-«Солнцем»; обычным же эпитетом Ярослава есть «Яр-тур», т.е. «Солнце (периода летнего солнцеворота) — Телец». Присовокупив к вышесказанному факт существования в Поднепровье образа Иллойса-Аполлона по крайней мере с XVIII в. до н.э., получим исходные основания для размышления о взаимосвязях Илиона и Гелона...

Украинская легенда, ближайшая к зафиксированной древнегреческим Геродотом, связана с нижнеднепровским островом Перун. Так будто бы звался змий, который обитал там в пещере и «таскал туда красивых девчат, жил с ними, а потом их пожирал». *«Однажды он притащил какую-то царскую дочь и начал было уж над ней издеваться, но Бог послал туда такого богатыря, который убил того лютого змия, а на царевне женился и имел от нее три сына-сокола».*

Можно очертить культурно-исторический диапазон, в котором сформировался цикл из нескольких подобных легенд о Перуне. С одной стороны, название его и эти легенды являются отзвуком бытовавшей на острове уникальной мастерской по изготовлению каменных топоров-жезлов начала II тыс. до н.э., украшавшихся символами ликов божеств, молний, дождевых потоков, растений. Эта мастерская принадлежала постараттской ингульской культуре, а топоры — нередко встречаемые в захоронениях — использовались в мифоритуалах аполло-дионисийского круга. С иной стороны, народная память связала легенды острова Перун с крещением Руси, с борьбой прашурской и христианской религий:

«До принятия нашими предками христианской веры, говорят, посреди Киева стоял каменный идольский Бог Перун, с золотой головой. А тогда, как киевский князь Святославский привез в Киев от греков христианскую веру, того Бога сброшено было в Днепр. И поплыл тот [каменный] Перун вниз за водою, и остановился аж меж порогами, возле высокого скалистого острова, напротив Тивильжана. В том острове есть большая пещера, и в той пещере и поселился тот Бог Перун. Там он перекинулся в семаголового змия...»

Говорят, что Перуновое островка когда-то не было, и приплыл на нем змий откуда-то сверху. Как плыл он, тогда, говорят, одной стороной бежали идолопоклонцы и выкликали его на берег, а другой вышли навстречу православные и начали молеbstвовать и призывать. Где стояли православные с хоругвами, туда он подплыл и стал...»

Такой вот поразительный по глубине своей образ нашел наш народ для своего понимания Православия — с его прашурскими корнями и христианским привоем.

В связи с предыдущим, в качестве заключения лекции прямо-таки необходимо привести «Завещание кошевого атамана Сирка» — главного героя картины И.Репина «Запорожцы». По казацким легендам, это завещание было оставлено уже перед третьей, окончательной смертью Ивана Сирка («Волка-оборотня», как мы уже знаем). Говаривали, что исполнение данного завещания привело к изгнанию Наполеона из Москвы 1812 года... Необходимо сохранение языка оригинала. Итак:

«Сірко на три частини захований: перша його частина лежить отут саме, де Чортмлыцька Січ; друга — під Кривим Рогом, а третя — під Полтавою. Він як умирав, так дав таку заповідь: «Як я помру, то одберіть у мене праву руку і носіть її сім год[...]. А на сьомому году хай мене ждуть, і хто вийде до могили або на Різдво, або на Великдень, або на Зелену неділю, так нехай мене дожида. Не бійся, що я неправославний християнин, — я єсть православний християнин Сірентій Іоанович!»

От таку він, той Сірко, дав заповідь!»

***

Основная литература:

Михайлов Б.Д. Петроглифы Каменной Могилы на Украине. — Запорожье. 1994.

Савур-могила. Легенди та перекази Нижньої Наддніпрянщини. — К., 1986.

Геродот. История. — М.-Л., 1972.

Чертков О.Д. Пелазго-фракійські племена, які заселяли Італію// «Основа». — К., 1993—1995. №24(2)—№28(6).

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. — М., 1981.

Акимова Л.И. Троянский мир в античной мифоритуальной традиции // Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана. — М., 1996.

Место Руси во всемирной цивилизации

Перед нами прошла 8-тысячелетняя праистория Руси и генетически предшествовавших ей государств Поднепровья.

Картина необычайная, доселе невиданная! На протяжении последних 2,5 тысячелетий она скрывалась под невольными и злоумышленными искажениями «отцом истории» Геродотом, монахом-летописцем Нестором, позднейшими неосведомленными и ангажированными специалистами... Между тем историческая истина продолжала тускло мерцать под пылью веков — в сокровищнице этнографии, в сотнях и тысячах археологических памятников, в не совсем понятных нам еще письменах — и медленно разгораться трудами поколений самоотверженных патриотов-ученых. Капитальные исследования А.Д. Чертковым троянско-италийской линии становления славянства, В.Н. Даниленко — истоков индоевропейской культуры Восточной Европы, Б.А. Рыбаковым — дохристианской Руси, О.Н. Трубачевым — языковых истоков славянства, А.Г. Кифишиным — приднепровских начал письменности и летописания, А.И. Асовым — подлинности «Велесовой книги» и родственных ей документов, — подытоживаются теперь очерком праистории Руси. Данный очерк может стать основой современного понимания не только отечественных, но также всемирных судеб — прошлых, настоящих и будущих.

Подытожим произведенную нами *систематизацию артефактов* и извлеченных из этого выводов; заглянем в сущность прошедшей пред нами истории Аратты — Пелазгии — Гипербореи — Скифии — Руси, доньше хранящей корень и ствол индоевропейской цивилизации.

1. Этно-историческое содержание корня

Итак, славянство и Русь — корень индоевропейской цивилизации. Его понимание и периодизацию становления, предложенную в свое время «Язычеством древних славян» Б.А. Рыбакова, можно теперь уточнить:

праиурский период восходит ко временам пока еще гипотетической, но несомненно палеоевропейской Аратты-0 Карпато-Крымско-Дунайско-Волжской территории (по А.Г. Кифишину); примерно с XII тыс. до н.э.;

протославянский период соответствует истории праиндоевропейской Аратты I и II (с центрами в Подунавье, а затем в Поднепровье), которая под влиянием второй волны мигрантов из своей малоазийской прародины стала индоевропейской во второй половине своего существования; этот период охватывает примерно 6200 г. до н.э. — середину III тыс. до н.э.;

праславянский период соответствует аратто-лелегской Пелазгии времен перенесения ее центра в Троаду — на малоазийскую прародину индоевропейцев; начало XXIV в. до н.э. — середина XIII в. до н.э. (падение Трои, переселение венедов и др. на Тамань и Кавказ, в Этрурию);

славянский период начался в годы скитаний венедо-этрusco-русских племен под предводительствами Энея, Антенора, Ора; на коренной араттской территории этому началу соответствует закладывание святилища Девы-Артемиды в крымском Гурзуфском Седле, а также Гелона, Киева и подобных им городищ в Поднепровье;

русский, или исторический (*в отличие от предыдущих, условно поименованных праисторическими — но фактически историческими, т.е. письменными данными обеспеченных*), период отечественной истории следует начинать с рубежа I тыс. до н.э. и I тыс. н.э. — со времени обоснования потомков троянских венедов в Пруссии и прилегающих районах Прибалтики, а также начала освоения ругами-русами «пути из Варяг в Греки».

Нетрудно заметить, что каждый из этих периодов (в том числе и неясный пока прашурский) кратен примерно 1,5 тысячелетиям — в известных смыслах сопоставимых с теми геокосмическими циклами, о которых ведали древние творцы учения о югах-‘поколениях’ Брахмы и знают современные исследователи (Чижевский, Великовский, Гумилев, Чмыхов, др.). **Ныне Россия, как и другие страны Земли, определенно находится на рубеже уходящей и грядущей эпох.**

Вспомним, что становление цивилизации, притом именно в среде общности праиндоевропейских племен, началось в Малой Азии как западной оконечности «полумесяца плодородных земель» с их «Великой неолитической революцией» IX—V тысячелетий до н.э. — ознаменовавшейся переходом от присваивающего к производящему хозяйству (к земледелию и скотоводству). Примерно к 6200 г. до н.э. назрела демо-экологическая катастрофа — и жрецы-правители малоазийского Шу-эден-на-ки-дуга предприняли поиск новых земель для расселения своего страдающего народа.

Спасение было обретоено союзом с палеоевропейским населением Дунайско-Днепровского междуречья, закрепленным договором со жрецами-правителями (исконной Аратты?) Шу-нунского центра; **этот первый в истории человечества письменный, к тому же союзнический договор следует считать началом земной цивилизации (государственности).**

Пращуры славян, как и остальных народов постледниковой Европы, были палеоевропейцами. К концу VII тыс. до н.э. обозначилась бесперспективность присущего им присваивающего хозяйства (собирательства, охоты и т. п.), однако потенциал его оставался еще настолько высок, что превосходил молодое производящее хозяйство Малой Азии и прочих регионов Ближнего Востока; наиболее очевидные показатели тому — древнейшая в мире письменность приднепровского Шу-нуна и копирование ее интеллектуальной элитой малоазийского Шу-эден-на-ки-дуга. Так что последовавший *синкретизм союзных аборигенов и пришельцев был паритетным и взаимовыгодным* — что со всей очевидностью отразилось в старчево-керешской, буго-днестровской, сурско-днепровской и т.п. археологических культурах, а также в том пласте славянской этнографии, который характеризуется принадлежностью к кругу Диванны — Ивы-Ивана... Последующая индоевропеизация днепро-донецких и т.п. тяготевших к финно-угорскому миру культур производилась вышеуказанными союзниками. При этом *распространялись не так этносы, как новые виды хозяйства — обуславливавшего, совместно с экологическими изменениями, демографические пертурбации.*

Когда из Малой Азии покати́лась вторая значительная волна уже индоевропейской миграции (винчанская, лендельская и другие археологические культуры), центр

праиндоевропейской Аратты сместился из Дунайско-Карпатского региона на Правобережье Днестра — и оформился, на материнской основе буго-днепровской культуры, в культуру Триполья. Начался апофеоз Аратты-II, характеризующийся созданием полисного государства во главе с интеллектуальной элитой, власть которой зиждется на развитом уже институте Спасительства. *Этногенез ядра индоевропейской общности и этногенез протославян представляли здесь единое целое.* Торился новый сухопутный путь на малоазийскую прародину (через Крым и Кавказ); наряду с продолжением индоевропеизации окрестных народностей началось выдвижение собственных (не обязательно араттских, но непременно под их эгидой) этнокультурных форпостов в малозаселенные Зауралье (тохары), Закавказье и Месопотамию (шумеры). Возможно обнаружение соответствующих протославянских связей.

Таковы несомненны уже среди потомков общности скотоводческих племен Ариана — который начался формироваться примерно в середине IV тыс. до н.э. по соседству с Араттой, преимущественно на Левобережье Степного Поднепровья. Основой его формирования стали вышеупомянутая сурско-днепровская, затем среднестоговская археологические культуры, тесно контактировавшие с генетически связанными днепро-днецкой и постмариупольской. В этих контактах *сложилась древнейшая конница* — весьма заинтересовавшая Аратту как в плане защиты от этой всепобеждающей силы, так и в плане обеспечения эффективности днепро-месопотамско-малоазийского пути. Кардинальным решением такого узла проблем стало создание брахманами — жрецами-правителями Аратты, а затем и Ариана — арийской модификации института Спасительства, воплотившейся в мифоритуал Гандхарвы (Кентавра). Помимо мифов Индии и Греции, *традиция данного мифоритуала легла в основу казачества восточных славян*; она неплохо просматривается в Пол(у)ка(о)не и былинных богатырях древней Руси, доньше сохраняется в образе украинского Козака Мамарыги (Макоши?) или Мамая. *Крестьянская же основа славян хранит реминисценции араттского Спасителя — Масленицы (не этнически, но культурно-исторически — в исконно индоевропейском русле — родственного последующему Христу- 'Помазаннику' 'грекоязычного Евангелия).*

Шумер на всем протяжении своей доаккадской истории считал Аратту своей прародиной, общаясь с ней посредством небольших делегаций — особенно заинтересованных в архивах и святынях Шу-нуна (Каменной Могилы у совр. Мелитополя)... С утверждением в Месопотамии семитской Аккадской династии положение изменилось. Наметилась тенденция покорения Аратты-III, иранского форпоста поднепровской Аратты-II. Прослеживаются и обратные действия союза арийско-хурритских племен, направленные в XXIII в. до н.э. против северной (до Закавказья и Малой Азии) экспансии аккадских полчищ Саргона и Нарамсина.

Вышеуказанные этноисторические изменения, сопряженные с пагубными воздействиями идеологии рабовладельческого Шумеро-Аккада на общинную государственность Аратты и стократно помноженные на геокосмические катастрофы конца III тыс. до н.э., *привели к ее самороспуску — в основу которого положен был, по всей вероятности, исконный обычай периодического (агротехнически и проч. обусловленного) самосожжения устаревающих полисов Аратты. Таким образом проявлялись государственные аспекты араттского института Спасительства...* Самороспуск был сопряжен с расселениями — наиболее примечательные из которых были направлены в Полесье и на малоазийскую прародину индоевропейцев, куда загода уже проторили морской путь. *То обстоятельство, что оба этих потока породили вполне родственные и традиционно взаимосвязанные между собою (а также со многими арийскими и эллинскими племенами) ветви славянства, — условно говоря, венецкую и рус-*

скую, — подтверждает наш вывод о практической тождественности протославян с индоевропейским ядром поднепровской Аратты. Третья линия ее постшумерских судеб оказалась менее прочно связана с последующим развитием этногенеза славян; она соединилась с частью арийских племен и двинулась (через иранскую Аратту-III и зауральский Аркаим?) осваивать Индию... Вероятно также наличие четвертой (посттроянской, как и обращенная в Италию) линии, связанной с преобразованием арийско-хурритского государства Митанни в Урарту ('полиса Арты'-IV, куда могли относиться энеи),

Полесская линия породила среднеднепровскую и выводимую из нее тшинецкую археологические культуры; п. заславянская принадлежность последней не вызывает у исследователей серьезных сомнений. Что же касается морской линии — ведущей от побережья Одесщины в малоазийскую Троаду, а оттуда в италийскую Этрурию, — то это направление исследований почти заблокировано западноевропейской научно-культурной традицией, со времен Возрождения полностью консолидирующейся в этом отношении как с католической, так и с православной церковью; эта глубоко эшелонированная традиция напрочь отвергает не только идеи, но и факты родства русских с этрусками, а тем более троянских (малоазийских II тыс. до н. э.), норикских и прусских (италийских и прибалтийских рубежа I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) венедов... Разблокировка исследований второй линии возможна лишь совместными усилиями восточно-, центрально- и западноевропейских исследователей. Узловыми проблемами станут: а) гиперборейская система святилищ-обсерваторий типа Стоунхендж — Кийовица — Бурты — Аркаим; б) наличие и родство дунайско-днепровской Аратты с ее шумерской, иранской, индийской, этрусской, греческой, русской восприемницами; в) взаимосвязи малоазийского Илиона с Геллоном днепр-донского междуречья. *Чрезвычайно важно уяснить то обстоятельство, что конечная цель вышеуказанного союза ученых по разрешению этих и с ними сопряженных проблем — не борьба кабинетных идей и конфронтация национальных престижей, а выяснение судьбоносных основ и перспектив индоевропейской, да и планетарной цивилизации...*

2. Основы индоевропейской и славянской цивилизаций

Главнейшее, что следует уяснить из вышеизложенного: **славянство — корень индоевропейского мира, который — основа планетарной цивилизации.** В чем планетарная ценность — и корни, и основы? Что и так ли храним; на что покушаются недруги — только лишь на наш престиж или же на судьбы всего человечества?..

Любое явление — в том числе и человеческая культура всех времен и народов — имеет три уровня: *форму, содержание, суть*. Форма — это более внешнее, вещественное и очевидное; в «народной культуре» такое считается «этнографическим антуражем». Содержание — это главным образом история формирования и приоритетов народа; тут главенствуют вопросы международных связей и проч. А вот суть — она общечеловечна, ибо связана с генетикой и подсознанием, соподчиненными не так вещественным проявлениям, как полевым первоосновам материи... Все три уровня, к счастью, взаимосвязаны и, к несчастью, поддаются спекулятивным или же невольным манипуляциям. Так, подменив суть содержанием, можно внедрять в культуру «общечеловеческие ценности интернационализма» — похеривая при этом и этнографию с историей в паре, и генетику с подсознанием вкупе; возможны, как говорится, и варианты...

Окинув непредвзятым взглядом исконные основы лидирующих на протяжении

нашей эры культур, обнаружим довольно отчетливые мифоритуалы **СОТВОРЕНИЯ МИРА** — полновластным Владыкой у иудо-семитов, Олимпийце-титаноборцами у греко-европейцев, змиеборцем-одиначкой у индо-ариев... То, насколько важны для тех или иных народов и для человечества в целом эти «примитивнейшие заблуждения», сколько судебных было принесено на алтари их ниспровержений и утверждений — обсуждать здесь не станем; ограничимся констатацией наличия важности. Теперь зададимся элементарным вопросом: исходит ли эта важность из *формы* (да нет же! — Саваофа, к примеру, почитают конфронтирующие между собою и иудеи, и христиане), из *содержания* (вроде бы да — в чем только не обвиняют христиане и иудеи друг друга!) или все же из *сути* (действительно ведь! — а то кто бы признавал себя, в нашем-то веке, «рабом» какого-то ветхозаветного Господа)?

Приемом сопоставлений подступимся к сути.

Что Олимпийцы сохраняют еще какую-никакую общинность, а Саваоф выражает «более прогрессивное рабовладение» — это истмат безошибочно все объяснил (*беда только: формально, поверхностно — даже в содержательной части*). Однако же следует сосредоточить внимание на содержательности античного и крайней формализованности иудейского образов... А что же третий — ведический — образ, насколько существен он?

На поверхностный взгляд, поражает нас то, что ведический змиеборец Индра куда архаичнее не то что Саваофа, но и самих Олимпийцев, а поди ж ты — тоже норовит сотворять в одиночку! И это при том, что имя Индры означает ‘Яйцо’ (отсюда и качество ‘Мужества’ производного от этого змиеборца Андрея), его палица-ваджра происходит от ‘фаллоса’, разбиваемый этим орудием Вала означает ‘Вместилище’, а убиваемый Вритра — ‘Преграду’, ‘Врата’. В общем, атрибутика весьма первобытная... Понадобилась колоссальная эрудиция величайшего знатока Ригведы филолога Ф.Б.Я. Кейпера, чтобы поставить вопрос о сопряженности здесь *извлеченных из подсознания образов слияния яйцеклетки и сперматозоида, формирования эмбриона, затем рождения; синтез зачатия-и-космогонии, — вот в чем суть ведической, аратто-арийской культуры!* Никакая иная в мире культура донныне не сотворила столь глубокой, жизненно важной, всеобъемлющей и дееспособной основы. Одна йога чего стоит!.. А учение о Бессмертии и перевоплощениях Души — как показали современнейшие исследования Р.Моуди, С.Грофа и многих других медиков и биофизиков — имеют весьма веские под собой основания, заставляющие гораздо существеннее понимать институт Спасительства и в ведических, и в христианских его проявлениях.

Стоит ли после сказанного объяснять значение сохранения змиеборческих мотивов в славянской культуре — прямой наследницы великой Аратты? Для современного и будущего человечества есть лишь два живых еще полюса индоевропеизма: индуизм и славянство.

На фоне сути ведического, более традиционного ответвления былой индоевропейской общности, античное ее ответвление выступает куда менее существенным и более формализованным. Его содержание теснейшим образом связано с «туннелем Бессмертия» — обстоятельно моделировавшимся в погребальных катакомбах пелазгов, а затем в длинных курганах пракиммерийцев Степного Поднепровья. Ю.А. Шиллову в «Прародине ариев» удалось проследить, что возникновение основного, титано-богоборческого мифоритуала праэллинов (а значит, и европейского ответвления индоевропейской культуры вообще) происходило из стремления не «пройти чрез, переродиться» (как было в Ведах), а «вырваться из, избежать» потустороннего мира (как стало в «Илиаде»). *Принятие затем христианства (а по сути — возрождение исконно присущего именно индоевропейцам института Спасительства) воистину явилось*

спасением из этого смертоносного тупика — перемоловшего античные культуры Греции, Рима... искалечившего было и Православную Русь.

К концу X века язычество славян переживало *естественный упадок* — обусловленный, прежде всего, угасанием образно-интуитивного и укоренением логико-аналитического мировосприятия, утверждением главенства сознательного над подсознательным. Соответственно, исконная власть священнослужителей сменялась актуальной властью военачальников, общинный строй — раннеклассовым. Смена мировосприятий сопровождалась забвением родовых культов и распространением поляризованного иранского митраизма и спекулятивного эллинского манихейства. У славян эти промежуточные явления воплотились на протяжении III—X веков в представления о противостоянии Белобога и Чернобога, а затем в Бога и Дьявола богумильцев — хотя еще и после XII века продолжалось почитание весьма архаических Рода и Рожаниц, восходящих ко временам Аратты. «Велесова книга» отразила попытку упорядочить жреческие верования середины IX века, тогда как «Повесть временных лет» донесла сведения о последующей попытке со стороны военщины в лице князя Владимира — решившегося затем на разрыв с верованиями предков и на принятие христианства византийского толка. *Утвердившееся на Руси православие явилось, по сути, синтезом принятой религии с дохристианским мировоззрением.*

Утверждение Владимиром в 988 году православия ('небес прославления', следуя канону «Велесовой книги») закрепило победу Руси над иудейской верхушкой Хазарии, отнюдь не случайно разбитой убежденным язычником Святославом в том же 965 году, когда его мать Ольга крестилась в Византии. Однако иудаизм уже пустил свои корни, которые пришлось вырывать восстанием киевлян 1113 года и последовавшим указом Владимира Мономаха о поголовном изгнании из Руси евреев — чьи денежно-торговые интересы (но главное: *установка иудаизма на шельмование, подчинение, истребление «гоев»* — всех неевреев) порождали падение власти и нравов, военные столкновения между русичами и нашествия чужеземцев. Но ни тогда, ни впоследствии корни вырвать до конца не удалось — и мертвящий след их обнаруживается и в борьбе Руси XVII века за свое воссоединение, и в войнах, революциях, голодоморах, перестройках XX века, потрясших не одну лишь Россию. Россия стала центром иудаистских поползновений не столько вследствие своих национальных, территориальных, сырьевых и прочих особенностей — сколько в силу сосредоточия в ней корня всемирной (индоевропейской) цивилизации. Борьба идет тут за национальный престиж — но по форме, за преобладание славянской или же еврейской модели культуры — но по содержанию; по сути же — идет борьба за выживание всего человечества или же за гибель его в означенном выше греко-еврейском тупике цивилизации...

«Диалектический материализм» Маркса — Ленина зря гордился своим происхождением от древнегреческого «материализма»; не следовало бы прельщаться «гробами вапленными» античной культуры, но исходить из ее индоевропейских (сохранившихся наиболее в Ведах) истоков. А то ведь истмат оказался, по сути, завершителем того тупика, которым пошла Греция после Троянской войны. Беда для Руси, славянства, индоевропеизма, человечества была многократно усилена тем, что марксизм-ленинизм вовсе нестати подпитал агонизировавший (в условиях начинавшейся научно-технической революции) иудаизм — внедрившийся некогда в умирравшую Римскую империю при содействии христианской (преимущественно католической) церкви. Рабовладением порожденный, иудаистский мифоритуал Господа Яхве вместе с ним и погиб бы — да вот пригодился банкирам, священнослужите-

лям и господам, а затем и политикам в качестве инструмента государственной власти классовых обществ. Инструмент же этот как держали, так и держат в руках отнюдь не индоевропейцы, а носители культуры без архетипических мифоритуалов в основе (см. выше), без общечеловеческой сути. Зато формой, отчасти и содержанием владеют они бесподобно; имя их инструмента — концентрация власти, отчуждаемой от общества посредством «золотого тельца». А с виду, с современных позиций, — вроде бы «ликвидация эксплуататорских классов и отмирание государства как аппарата насилия» (по сути: уничтожение славянской элиты, а также крестьянства и казачества — ее питательной среды и хранителей традиций); в качестве «побежденного религиозного мракобесия» иудаизм, стоявший за большевизмом, подставил православие с его присущим индоевропейцам Спасительством... Российская социалистическая революция в марксистско-ленинском ее исполнении купилась на эти и другие манипуляции с божественной (сверхчеловеческой) сутью, государственным (общественным) содержанием, человеческой (обыденной) формой культуры. Следом за Россией этим тупиком прельстились и многие другие народы. *Выход из этого смертоносного тупика — в синтезе культур Востока и Запада, в диалектическом (спирально-поступательном) «возврате» на генеральный (индоевропейский), наиболее хранимый индусами и славянами, путь цивилизации...*

Да позаботимся о своей исстрадавшейся Родине! Да послужим священной индоевропейской культуре!

3. К вопросу о перспективах Руси

Говоря в начале первого раздела нашей заключительной лекции о геокосмических циклах — предопределяющих, в конечном счете, общее течение истории — мы подчеркнули рубежность современной эпохи. Эта рубежность не ограничивается окончанием уходящего и началом грядущего 1,5-тысячелетнего периода. *Ибо диалектическое сходство между столь разными по своим качествам и уровням развития революциям — былой «Великой неолитической» и нынешней «Научно-технической» (с цепью от нее производных) — указывает на завершение некоего витка в развитии всемирной истории.*

Что же было главнейшим в прожитом цивилизацией витке VII тыс. до н.э. — II тыс. н.э.? С чем подходит она к следующему циклу развития? Что станет определяющим на новом витке III — ... тыс. н.э. и насколько он будет продолжать традиции уходящего, нашего?

Рассуждения о формах и содержании оставим для специалистов-футурологов. Поговорим о той сути, которая открылась нам при анализе славянского корня индоевропейской, наиболее древней и развитой из цивилизаций Земли.

Главнейшим в уходящем витке развивающейся цивилизации было то, что оторвавшееся (своим переходом от присваивающего к производящему хозяйству) от пуповины матери-природы человечество не погибло в порожденных таким отрывом противоречиях, а научилось хоть как-то с ними справляться. Справляться с *вещественными* («материальными»), как показалось было эллинам, а затем и марксистам) их проявлениями.

Посредством этого, но отнюдь не с этим подходит наша цивилизация к началу очередного витка. Она подходит с пониманием того, что *первоосновой материального мира является вовсе не вещь, а поле*, — его-то и предстоит осваивать человечеству на грядущем витке. И снимать уже не так социально-экономические, как «божественно-человеческие» противоречия.

Именно почитание Бога (Информационного Поля и т.п., как его нынче все определенной понимает наука) должно связать и уже начинает связывать уходящий и грядущий витки диалектической спирали истории. Оптимальнейшим инструментом культуры было, есть и останется то же: Спасительство как Снятие противоречий — сводимых в конечном счете к противостоянию бытия-и-небытия.

«Бытие», насколько мы его теперь понимаем, — это вещественная сторона материального мира; «небытие» — полевая. На грядущем витке приоритеты их в культуре должны поменяться — и в этом суть поджидающих человеческий мир катаклизмов; из этой же сути выводимы столь привлекающие футурологов содержание и формы неизвестного завтра.

Русь более иных стран подходит для зародыша Завтра. (В этом ее беда, но и будущность тоже.) Ибо она хранит корень индоевропейской — самой жизнестойкой и прогрессирующей из цивилизаций Земли. Ибо она духовна — а значит, предрасположена к вниманию Информационного Поля. Ибо она, Православная, не утратила живого родства со Спасительством — которое выходило из пелен на протяжении витка уходящего, но воистину будет править миром на протяжении витка предстоящего...

Спасется Русь — спасутся с нею и народы Земли.

Москва — РОД 20.02.1997

Содержание

В.Н.Даниленко. Космогония первобытного общества	3
От издателей	5
Вступительные замечания	7
О системе воззрений древних земледельцев	9
Историографический момент	9
Комплекс Неба в системе религиозно-космогонических воззрений	11
Комплекс Земли в религиозно-космогонической системе	28
Главное в религиозно-космогонических воззрениях племен охотничье-скотоводческого ареала (Воззрения охотников и скотоводов Юго-Восточной Европы)	61
Воззрения охотников и рыболовов Восточной Европы и Западной Прибалтики	66
Общее, региональное и локальное в религиозно-космогонической системе	77
Послесловие к «Космогонии первобытного общества»	91
Предисловие к комментариям	91
Комментарии	97
Примечания	107
Иллюстрации	117
 Ю.А. Шилов. Праистория Руси VII тыс. до н.э. — I тыс. н.э.	217
Лекция 1. Праистория Руси и ее актуальность	221
1. История началась в Аратте	221
2. Верно ли «всесильное учение» истмата?	222
3. Теоретические основы понимания истории	224
Лекция 2. «Великая неолитическая революция» и возникновение «индоевропейской общности»	228
1. Начало «Великой неолитической революции»	228
2. «Циркумпонтийская зона»	229
3. Историография «индоевропейской общности»	230
Лекция 3. Первые земледельцы и скотоводы Юго-Восточной Европы	233
1. Начало производящего хозяйства в Дунайско-Днепровском междуречье	233
2. Буго-днестровская и сурско-днепровская археологические культуры	234
3. Этно-историческая интерпретация рассмотренных культур	236
Лекция 4. Древнейшее в мире государство — Аратта	238
1. Возникновение Аратты	238
2. Аратта междуречья Дуная и Днепра	239
3. Северомесопотамская Аратта	247

Лекция 5. Ариан — страна ариев	249
1. Историография проблемы	249
2. Нижнеднепровская прародина ариев	251
3. Ариан: от Аратты до Бхараты	255
Лекция 6. Пелазгия и Гиперборея: легенды и реалии	259
1. «Темное место» европейской истории	259
2. Родословная Зевса и его окружения	260
3. Гиперборея как северный рубеж Пелазгии	264
Лекция 7. Пракорни Руси	266
1. Аратты — лелеги — лиды	266
2. Венеды — этруски — русы	268
3. Славяне древнейшей Руси	270
Лекция 8. Пракорни славянской культуры	275
1. Пращуры каменного века	275
2. Доараттское наследие в славянской культуре	277
3. Араттский пласт славянской культуры	278
Лекция 9. Ствол славянского древа	282
1. Этно-исторические соответствия лелегам — этрускам	282
2. Арийские традиции в славянской культуре	285
3. От Скифии до Запорожья	289
Лекция 10. Место Руси во всемирной цивилизации	294
1. Этно-историческое содержание корня	295
2. Основы индоевропейской и славянской цивилизаций	297
3. К вопросу о перспективах Руси	301

Научное издание

НАЧАЛА ЦИВИЛИЗАЦИИ:
Даниленко Валентин Николаевич
Космогония первобытного общества
Шилов Юрий Алексеевич
Праистория Руси

Компьютерная верстка: *Ю.В. Балабанов*
Оформление: *Е.Б. Гершензон*
Корректор: *Л.Н. Гагулина, С.В. Щербич*

Изд.лиц. № 063619 от 26.09.94
Издательство «Деловая книга»
620014, Екатеринбург, ул. Воеводина, 6

Изд.лиц. № 030117 от 31.12.96
Издательство «Раритет»
103051, Москва, ул. Петровка, 26

*По вопросам приобретения книги просим обращаться
в ЗАО «Академия—Центр»:
111399, Москва, ул. Мартеновская, 3.
Тел.:/факс: (095) 176 9338; 176 9523.
E-mail: academia@mmtel.msk.su*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-093, том 2;
953000 — книги, брошюры.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 31.01.99.
Формат 70х100/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19. Тираж 5 000 экз.
Заказ 113.

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ФГУИПП «Уральский рабочий»
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.